Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 5

2018

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

ГИДАЯТ. **Здесь тьма полчищ пронеслась.** 8
Нариман ИБРАГИМОВ. *Рассказы* 63
Елизавета КАСУМОВА. *Рассказ* 87
Ляман БАГИРОВА. *Новеллы* 107

ПОЭЗИЯ

Рауф МАМЕДОВ. *Стихи* 51
Бахытжан КАНАПЬЯНОВ. *Стихи* 79
Рена МИРЗОЕВА. *Стихи* 98

ПУБЛИЦИСТИКА

Аида ФЕЙЗУЛЛАЕВА. **Азербайджанская литература в период АДР** 3
Агиль ГАДЖИЕВ. **Мои встречи с Чингизом Айтматовым** 59
Марк ВЕРХОВСКИЙ. **Президент открывает Америку** 82
Теймур АХМЕДОВ. **О книге Лятифы Мирзоевой** 99
Гюльтекин СУЛТАНОВА. **Влюбленный в Азербайджан** 102

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел публицистики – **Ровшэн КАФАРОВ**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com
Тел: 493-86-04

Сдано в печать 23.04.2018г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2018 г.

К 100-ЛЕТИЮ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОД АДР

Итоговым периодом, вобравшим в себя все особенности предыдущих эпох многовековой истории азербайджанской литературы, является XX столетие и его вершина – Азербайджанская Демократическая Республика (1918– 1920), основанная на национальной идеологии.

Как известно, национальные идеи предопределяются степенью развития национального сознания. Вокруг АДР сплотились представители прогрессивной азербайджанской интеллигенции – славная плеяда деятельных и свободолюбивых людей: М.Э.Расулзаде, А.Топчибашев, У.Гаджибеков, А.Гусейнзаде, А.Агаоглу, М.Хади, А.Шаиг, Г.Джавид, А.Джавад, Дж.Джабарлы.

Свободолюбивые идеи мусаватистов о сплошной тюркизации, исламизации и европеизации азербайджанского общества восходили к учению и принципам «странствующего философа» Дж.Афгани, а также к триаде И.Гаспринского – «единство языка, мысли и дела».

В национальной литературе национальные темы и идеи о национальной государственности, их широком внедрении, воспевании и пропаганде ставились превыше всего.

1918-1920 годы считаются периодом «национального возрождения» (Я.Караев), после чего начинается новейший период (с 1920 по 1950-е годы) в истории развития азербайджанской литературы. «Не только герб и знамя, но и опыт суверенной и независимой Демократической Республики являются национально-духовной ценностью азербайджанского народа».

Азербайджанская Демократическая Республика – это классическая модель независимой демократической республики с национально-государственным мышлением, вобравшая в себя прогрессивные тенденции Востока и Запада в органическом синтезе мировосприятия. Истинная народная (мусаватская – равноправная) республика, которая не имела аналога в мире.

В Азербайджане национальное движение, развитие национальных идей получили широкое распространение в период мусавата. Оно было подготовлено предыдущими этапами развития национального сознания, в особенности зарождением национальной печати (газеты «Экинчи» – 1875), связанной с именем Г.Зардаби, а позже, в начале XX века – изданием журналов «Хаят» и «Фиюзат» (1905–1906 гг.). В пробуждении национального самосознания неоценима историческая роль журнала «Молла Насреддин», детища Дж.Мамедкулизаде – «национальной совести» азербайджанского народа.

Деятельность АДР – знаменательный этап в истории развития национальной литературы в целом и в творческой деятельности Ахмеда Джавада как ведущего поэта суверенного и независимого Азербайджана в 1918–1920-е годы. Сама эпоха взрастила и подготовила Ахмеда Джавада как национального поэта, преданного своим корням, прошедшего сложную и содержательную жизненную школу мужества и добротворчества, прежде чем стать поэтом, педагогом и просветителем, журналистом, общественным деятелем, членом партии «Мусават» и Национального Совета АДР.

Целиком посвятив себя служению высоким национальным идеалам суверенного азербайджанского государства, Ахмед Джавад неустанно воспевал не только его священные атрибуты – герб, знамя, армию, но и активно участвовал в его общественно-политической жизни, занимался литературно-педагогической и публицистической деятельностью, печатался в газетах «Ачыг сёз» и «Азербайджан». Ещё в первом сборнике стихотворений «Гошма» (1916), написанных в духе народных поэтических традиций, А.Джавад проявил себя как «поэт независимости», проникнутый безграничной любовью к родной земле и болью за трагическую судьбу «своей растерзанной Родины»:

Mən çeynənən bir ölkənin
Haqq bağıran səsiyəm.

Я вопиющий голос Истины
Некой растерзанной страны.[1]

Это был ответ на вопрос самого поэта: «Кто я?», пытавшегося разобраться в себе самом.

А.Джавад, как и М.Хади, в своих произведениях на фронтовые темы затрагивал серьёзные общественные проблемы.

В период I Мировой войны Турция находилась под угрозой раздела между странами империалистического блока Антанты. Одним из тех, кто первым поднял голос протеста против этой «чёрной вести», был азербайджанский поэт Ахмед Джавад, который выразил весь свой гнев, вызванный этим недопустимым обстоятельством, в стихотворении «Истамбул».

С болью в душе он писал о пролитой крови, о погибших людях, о разрушенных поместьях. Он участвовал в войне как солдат и журналист. Больше всего он бывал в местах расселения тюрков, знакомился с общественно-политическим положением местного народа, изучал его борьбу за свободу, вопросы его просвещения и прогресса, а также национально-духовный мир, освещал всё это в своих произведениях военных лет.

Но самым полезным и благим делом поэта-фронтовика была его материально-духовная поддержка и помощь по линии Благотворительного Общества раненым, инвалидам, пленным, беспризорным детям, старикам. Кроме того, большой заслугой А.Джавада (Ахундзаде), как военного корреспондента, было широкое распространение стихов, статей, репортажей, очерков, рассказов и пр., посвящённых кавказским тюркам, а также открытие для них (в Дагестане и Аджарии) школ на родном языке. В этом деле большую материальную помощь ему оказывали в Баку – прогрессивный деятель и меценат Г.З.Тагиев, а в Батуме – его будущий тесть Сулейман бек и др. Например, в открытие школы в Батуме Г.З.Тагиев вложил 20 тысяч.

Политический лиризм и свободолюбивые идеи А.Джавада с новой силой идейно-художественного воплощения предстают во втором сборнике «Далга» (1919), с появлением которого он прославился как «поэт волны». Символами свободы и независимости в романтической поэзии А.Джавада выступают то море, то утренняя звезда («Çırpınırdı Qara dəniz», «Dan ulduzu»). Участник I Мировой войны (1914–1918), он добровольцем побывал в те годы во многих странах – Грузии, Аджарии, Дагестане, Турции и др. В стихах, написанных под воздействием фронтовых впечатлений, поэт выражает свой гнев и протест против зачинщиков этой человеческой бойни, клеймит позором виновников бед и страданий искалеченных войной людей. Безмерной была его радость и гордость за тюркскую армию и тюркских солдат, кровных братьев азербайджанского народа, прибывших в 1918 г. с целью освобождения Баку. Поэт призывает всех тюрков к единению в борьбе за свои права и защите своих земель от врага, к дальнейшему развитию и прогрессу. Таким образом, «за короткий период (1918–1920 гг.) А.Джаваду удалось сделать то, что не смог сделать ни один поэт. Он определил направление поэзии нового периода, и тот путь продолжается и сегодня».

Идеями национальной независимости было проникнуто и творчество поэта-философа М.Хади, которому, в отличие от своих единомышленников – членов «Мусавата», не суждено было принять участие в строительстве нового суверенного государства. Неустойчивая и шаткая позиция, частые разочарования и утрата светлых надежд и веры в преобразование и возрождение мира, жизненные невзгоды и неустроенность, одиночество, крушение идеалов после I Мировой войны и февральской революции 1917 г. в России – всё это послужило причиной трагической участи поэта, пропавшего без вести.

Неизгладимый отпечаток на мировоззрение М.Хади наложила I Мировая война. Он добровольцем ушёл на фронт и в течение трёх лет побывал во многих европейских городах, а также в России.

Он писал статьи и создавал произведения об ужасах и трагедиях войны, о путях спасения и избавления от них, собирал материал для своих будущих произведений. Впервые на

[1] Тут и далее на протяжении всего текста все подстрочные переводы наши. – **А.Ф.**

войне М.Хади осознал истину, что в человеке заложены противодействующие, контрастные силы созидания и разрушения, что продиктовано его нравственным несовершенством. В лироэпической романтической поэме «Исторические трагедии людей, или Картины возрождения» содержатся философские размышления о судьбе человечества, о злых и пагубных человеческих страстях, о достойном образе жизни, призывы к просвещению, приобщению к наукам и возрождению. «В 1918–1920 годы многие азербайджанские поэты писали стихи, посвящённые независимости и свободе, национальной армии и атрибутике. Однако среди них особенно отличались стихи М.Хади, как по количеству, так и по качеству. К тому же они совершенны и по своему мастерству».

Хади с радостью воспринял идеи мусаватистов и часто печатался в органах печати периода АДР – газетах «Ачыг сёз» и «Азербайджан». Именно в этот период с наибольшей силой раскрылся талант и самые лучшие национальные и общечеловеческие грани и направленность его творческой деятельности, устремлённой к единению нации, взывающей к борьбе за независимость и демократизацию государства, к защите его от врагов, к национальному возрождению и прогрессу с тем, чтобы каждый человек суверенной республики смог стать достойным представителем не только своей страны, но и всего человечества.

Национальные и общечеловеческие идеи, просветительские устремления сближают двух великих поэтов-философов – М.Хади и Г.Джавида. Благодаря их творениям нередко мировые идеи, скажем, идея борьбы добра со злом на пути духовного совершенствования человека и общественного прогресса становились темами национальной литературы. Идеи независимости, единения тюркоязычных народов, судьбы человеческие и общечеловеческие – лежат в основе художественных и публицистических произведений Г.Джавида периода АДР. Он активно публикуется в национально-демократической печати, в литературных сборниках, участвует в литературно-общественных мероприятиях, выражая свою позицию, своё отношение к действительности, к происходящим эпохальным событиям, и прежде всего к I Мировой войне. В стихотворениях «Hərb və fəlakət» («Война и крушение»), «Hərb İlahi qarşısında» («Война перед богом») поэт с гневом и тревогой пишет о жестоких и беспощадных схватках и массовых истреблениях, о бедах и трагедиях, которые несёт с собой война.

Напряжённые размышления о судьбах человека и человечества пронизывают пьесу «Иблис». Это, в сущности, пьеса о человеке, его пагубных страстях.

Всем содержанием и духом своего творчества, высокими идеями, пронизывающими его произведения, написанные к этому времени («Uçurum», «Maral», «Şeyda», Şeyx Sənan, İblis), широкой просветительской деятельностью, куда входило и составление национальных учебников по литературе и теории литературы, Г.Джавид обогащал литературу периода АДР.

Идеями национальной независимости и суверенитета было проникнуто и творчество Абдуллы Шаига – поэта и писателя, классика двух эпох– АДР и советского режима. Он приветствовал призывы своих друзей и единомышленников М.А.Расулзаде, А.Гусейнзаде, М.Хади, Г.Джавида и др. к «тюркизации, исламизации, модернизации». В своих воспоминаниях А.Шаиг подробно описывает бурно развивающиеся события тех лет, особенно напряжённую ситуацию, сложившуюся в Баку, где была затеяна дашнаками гражданская война. В Баку, Шамахе, Гяндже, Губе шло массовое истребление азербайджанских тюрков. Единственной партией, обеспокоенной судьбой нации, была «Мусават», обратившаяся за помощью к братской Турции. Бакинские же дашнаки обратились за помощью к англичанам, которые незамедлительно вторглись в пределы Азербайджана.

В 1918 г. героическая турецкая армия под предводительством Нуру-паши освободила оккупированные врагами города Карс и Ардаган, дошла до Гянджи, и затем вступила в Баку.

Поэт независимой и суверенной Азербайджанской Демократической республики Алиаббас Музниб в честь этого знаменательного исторического события написал стихотворение «Əsgər, yürü!» («Вперёд, солдат!»), посвятив его победоносной турецкой армии и её славным солдатам.

Писатель-просветитель Абдулла Шаиг всю свою жизнь занимался литературно-педагогической деятельностью и жил по принципу «мы все – частицы одного Солнца». Однако всегда был предан высоким идеям АДР. Он посвятил партии «Мусават» марш, текст которого был

опубликован в газете «Ачыг сёз». В период борьбы за свободу марш, как самый действенный жанр, звал к единению нации.

Turanda gün doğunca zülmətlə çarpışalım!

Пока над Тураном не взойдёт солнце, мы будем бороться против тьмы!

В поэзии А.Шаига периода АДР идеи туранства, азербайджанства слиты как бы воедино, отображены как цельное понятие.

Революционным духом проникнуто одно из стихотворений, написанных в 1919 г., – «Həyat sevməkdir» («Жизнь – это любовь»):

Ruhumda çırpınan dəli üsyan var,
Qəlbimdə qaynayan zəhərli qan var,
Beynimdə bir çılğın, səsli vulkan var,
Yanaram, görünməz oda yandığım.

В душе моей бушует бурный протест,
В сердце клокочет ядовитая кровь,
В мозгу моём гневный, шумный вулкан,
Я сгорю, не видать огню моего сгорания.

Гуманистические и просветительские воззрения А.Шаига находят своё яркое выражение в стихотворении «Sevgi hakim olmalı» («Любовь должна восторжествовать»).

Самоотверженным борцом за свободу и независимость Азербайджана был поэт, писатель-публицист, переводчик, один из первых собирателей и издателей азербайджанского народного творчества и национального классического наследия, исследователь азербайджанской литературы Алиаббас Музниб (1883–1938) – правнук последнего бакинского хана, Гусейнгулухана, учинившего кровавую расправу над царским генералом Цициановым, прибывшим в 1806 г. в Баку с целью его захвата и требующим ключи от города.

Трагическими были последствия этого исторического события не только для жителей Баку, но и для всей семьи и потомков хана.

Музниб трижды лишался свободы (1912, 1914 и 1937 гг.), обвинялся то в призывах к национально-освободительному бунту против царского правительства, то в борьбе против фанатизма, то в пропаганде пантюркизма и панисламизма. Всей своей широкой творческой деятельностью он служил идеям борьбы за национальное освобождение.

Важную и определяющую роль в формировании А.Музниба сыграли газета «Хаят», продолжающая борьбу за национальную защиту азербайджанского народа от дашнаков, начатую партией «Дифаи», а также журнал «Фиюзат», провозглашающий идеи тюркизации, исламизации и модернизации. Большой школой для него был и журнал «Молла Насреддин», дружба и творческие связи с М.А.Сабиром, а также сотрудничество в газете «Тезе хаят» (1907–1908) и работа в сатирическом журнале «Зенбур».

В своей переводческой деятельности А.Музниб старался обращаться к тем произведениям, которые могли бы сыграть определённую роль в национально-освободительном движении азербайджанского народа. Стихи А.Музниба отличались острой злободневностью, аналитичностью и сатирическим накалом, призывами к борьбе за независимое национальное государство.

Hərbə gərək hazır olaq hərb üçün,
Əldə silah etməyə var ehtiyac.
Milli hökümət dilərik sadəcə,
İstəmiriz təntənəli təxti-tac,
Haqq yolu bir yoldur, cümləni irşad edər.

Мы должны быть готовы к войне для войны,
Есть необходимость в приобретении оружия.
Наше желание – лишь национальное правительство,
Не хотим торжественного престола,
Путь к истине – это путь, который верно направит всех.

А.Музниб – самоотверженный борец за свободу и независимость своей родины, посвятил свою жизнь служению высоким идеям и просветительской деятельности, способствующей национальному прогрессу.

Ясная, чёткая позиция борца за свободу прослеживается в раннем творчестве Джафара Джабарлы, который проявлял большой интерес к историческому прошлому народа и к его будущей жизни, рано увлёкся идеями тюркизации, исламизации и модернизации. На формирование мировоззрения молодого Дж.Джабарлы сильное воздействие оказала близость с писателями А.Шаигом и С.С.Ахундовым, имеющими за плечами большой жизненный опыт. Кроме того, немаловажную роль сыграли идейно-художественные традиции писателей-просветителей, свободолюбивые традиции газеты «Хаят» и журнала «Фиюзат», а также журнала «Молла Насреддин» во главе с Дж.Мамедкулизаде и М.А.Сабиром.

Все эти факторы, а также трагические последствия I Мировой войны, революционные события 1917 года в России пробуждали в нём страстное желание участвовать в борьбе против разрушительной силы войны, за улучшение жизни азербайджанского народа, за свободу и независимость своей страны.

С болью и гневом осуждает Дж.Джабарлы трагический исход и последствия войны:

Bu gün bütün bəşəriyyət yeganə bir cəllad,
Həlak olanlara bir kimsə etmiyor imdad.

Сегодня всё человечество предстаёт как палач,
Никто не оказывает помощи погибающим.

Против разрушительной силы войны свободолюбивый поэт выдвигает на первый план тему «жизнь и борьба», которая лежит в основе всей его творческой деятельности. Часто выступая в газете «Азербайджан», Дж.Джабарлы на её страницах публиковал свои ранние художественные творения, посвящённые Азербайджану («Sevdigim»), где выражается глубокая любовь к родине и гордость за неё, желание обнять все туранские края, любовь к трёхцветному знамени Азербайджана («Azərbaycan bayrağı»), с художественно-поэтическим осмыслением его символических красок и ассоциативным уподоблением национального флага идеям нового времени.

Дух независимости и свободы присутствует, как совершенно справедливо отмечает литературовед А.Сараджлы, и во всех последующих произведениях Дж.Джабарлы: «Айдын», «Октай Эльоглу», «Невеста огня», «Севиль», «В 1905 году», «Алмас», которые объединяют свободолюбивые идеи. «*Дж.Джабарлы в ранние годы творчества, а точнее, начиная с 1917–1920 годов, будучи мусаватистом, приверженцем азербайджанства, тюркизма, независимости, оставался преданным этим идеям на протяжении всего творческого пути, выражая свои мысли символами, подтекстом, недоговорённости же вынашивал в себе как священную мечту*».

Таким образом, всех азербайджанских поэтов и писателей, живших и творивших в период АДР, объединяли общие идеи и проблемы, связанные с борьбой за независимость Азербайджана, национально-освободительная тематика.

ГИДАЯТ

ЗДЕСЬ ТЬМА ПОЛЧИЩ ПРОНЕСЛАСЬ*

Главы из книги

До сих пор помню ту весеннюю ночь, полную волнения, тревоги, беспокойства, когда я ехал поездом со станции Мыгры (Мегри) в Иреван (Ереван) по приглашению республиканской газеты «Совет Эрменистаны». Девятичасовая дорога сквозь ночную темень вдоль берега Араза запечатлелась в моей памяти как незабываемое путешествие. И мне эта дорога всегда представлялась самым долгим, самым удивительным странствием, ясным по цели и одновременно уводящим в неизвестность. Путь в поезде «Зангезур».

Впоследствии мне частенько доводилось отправляться в дальнюю дорогу, много ночей я провел в поездах и самолетах, но ни одно странствие не могло сравниться с той весенней ночной дорогой вдоль берега Араза, залитого лунным сиянием, окружённого игрою причудливых теней. Я ехал по древней отчей земле нахчыванской! И по ту, и по эту сторону реки простирался Азербайджан!

В детские годы я нередко посещал Ордубад, пару раз бывал и в Нахчыване, и твердо был убежден, что Нахчыван – одна из древнейших столиц Азербайджана, редкостная жемчужина. Понятие «столица» означает ведь не только центральный, административный город страны; это зеркало, средоточие духовности нации, прародитель её.

Тогда, в детстве, я ещё не читал старинных книг, позднее, когда взялся перелистывать их, многие строки показались мне знакомыми. Так бывает, когда сызмала разлучённый с матерью человек спустя много лет случайно уже взрослым где-то встречается с ней и каким-то наитием, шестым чувством, узнаёт в женщине ту, что дала ему жизнь…

В моем понимании все выглядело так: Мыгры беспощадно оторвали от родной матери и отдали Армении, создали искусственные мосты, чтобы Армения вышла на Иран, чтобы отделить Азербайджан от Азербайджана, чтобы армяне впервые в советское время вышли на театральную площадь и стали кричать: «Нахчыван наш!», «Гарабах наш!», «Карс наш!», «Сарыгамыш наш!», «Ван наш!», что и, собственно, произошло пятьдесят лет тому назад – 24 апреля 1965 года.

В те дни я работал учителем в Маралземи. Мы часто звонили в Иреван и интересовались ситуацией. Помимо общего беспокойства, нашу семью тревожил еще один серьезный вопрос – там жил мой дядя, аксакал западных азербайджанцев, и ожидалось нападение на его жилище. Нападение было запланировано, но поскольку квартира дяди находилась в здании, где жили высокопоставленные государственные мужи, то оно охранялось и, усилив охрану, нападение удалось предотвратить. Об этом в Мыгры знали. На «Вечере дружбы», проведенном в те дни в селе Лехваз с участием представителей общественности района, старый большевик по имени Магеррам Мамедов даже сказал об этом в лицо руководителям района.

Те события произвели переворот в нашем сознании, в наших сердцах.

Испокон веку зарились на нахчыванскую землю чужие и завистливые глаза, но они получали достойный отпор от сынов этой земли. Доблесть, честь и отвага всегда были щитом от захватчиков, их защитой от супостатов. Возможно, скептики сочтут эти мои строки поэтической фигурой. Но я уверен: мое мнение совпадает с мнениями историков и этнографов, просто они пишут об этом на своем языке, а я – на своем.

---

* Журнальный вариант. Топонимы Западного Азербайджана (ныне Армения) даны в орфографии автора

Была мартовская ночь 1966 года. Наутро мне предстояла встреча с редактором газеты «Совет Эрменистаны» Габибом Гасановым. Теперь, оглядываясь на прошлое, вспоминая ту ночную дорогу, перебирая в памяти восемнадцать прожитых в Иреване лет, месяцы, дни, мгновения тех времён, я с благодарностью думаю, в первую очередь, именно об этом человеке – Габибе Гасанове. И если я внёс хоть малую лепту в развитие азербайджанской культуры, литературы, в прогресс национального театра в Западном Азербайджане, вероломно ныне называемом «Армения», то этими маломальскими заслугами я обязан ему, Габибу Рагим оглу Гасанову.

…Ещё учительствуя в селе, я посылал в газету «Совет Эрменистаны» свои пробы пера (очерки, стихи, литературные портреты). Можно сказать, что меня не печатали. В конце концов я перестал писать в редакцию. Честно говоря, обиделся не на шутку. И вот в один прекрасный день получаю очень удивившее меня письмо от редактора: меня приглашали в Иреван на собеседование. Мне не были известны ни тема разговора, ни цель этого приглашения.

Ночь я провел в поезде, а рано утром был уже в кабинете редактора. Тот разговор врезался в память мою во всех подробностях, вплоть до каждого вопроса, до каждой интонации. При нашей беседе с редактором присутствовали и члены редколлегии.

В те годы мои литературные предпочтения и интересы, оглашённые на заседании редколлегии партийного органа, – Физули, Шекспир, обожание Джалила Мамедкулизаде, восхищение знаменитым сатирическим журналом «Молла Насреддин» – не должны были повысить моё «реноме» в глазах пишущей братии. И хотя кое-кто из присутствовавших тружеников пера смотрел на меня с интересом, на лицах остальных ясно сквозили неопределенность, удивление, апатия. И редактор, почувствовав это, прервал расспросы и сменил тему разговора:

– Мы читаем ваши корреспонденции. Конечно, у нас не всегда есть возможность публиковать подряд все ваши послания. А вообще журналист из вас получится. Надо только серьёзно работать над собой…

Затем редактор завёл речь о профиле партийной газеты, о некоторых проблемах журналистики. Я слушал его, иногда высказывал своё мнение. Я не знал, куда повернет эта беседа, чем завершится наша встреча, но понимал, что вскоре моим волнениям придёт конец, и всё прояснится. Действительно, мои тревоги длились недолго. Редактор, в русле общей тональности разговора, задал мне как бы обычный вопрос:

– Хотели бы вы работать у нас?

Такого предложения я никак не ожидал. Поначалу думал, что меня вызвали с целью заказать мне какой-то материал.

Когда прошлись по моим анкетным данным, я предположил, что, может, редактор хочет назначить меня внештатным корреспондентом. Но сразу отмахнулся от этой мысли. Ничего моего не печатают, куда же меня в корреспонденты. Даже если и во внештатники.

«Хотели бы вы работать у нас?» – этот вопрос в мгновение ока привел моё сознание в полную боеготовность:

– Конечно!

– А семья не будет возражать?

– Нет!

– В течение трех лет мы выделим тебе квартиру, – похоже, разговор у нас удался, и редактор запросто перешёл на «ты», – но пока тебе придётся жить квартирантом. Как только переберёшься сюда, позаботимся о твоей прописке…

Откровенно говоря, в тот момент меня не интересовали ни квартира, ни прописка. Работа в газете была моей давней заветной мечтой. Редакция представлялась мне идеальной средой, мне казалось, что в ней работают необыкновенные люди.

– …Пока поработаешь в должности литсотрудника. Обычно в газете, прежде чем перейти на творческую работу, начинают с корректуры. По-моему, работая литсотрудником, ты сможешь освоить и работу корректора.

В заключение редактор пообещал мне обратиться с письмом к нашему районному начальству и официально пригласить меня на работу.

Я не нашёл путных слов, чтобы толком выразить свою благодарность...

Вскоре было написано письмо в райком. На рассмотрение вопроса и окончательное решение ушло два с половиной месяца.

К тому времени в райкоме был назначен новый первый секретарь. Он пока решал вопросы поважнее моего. Новый руководитель объезжал села, интересовался экономикой, знакомился с хозяйством, настроением населения, кадрами. В моё родное село он приехал по прошествии изрядного времени.

Всех должностных лиц вызвали в правление колхоза. И меня в том числе, как директора школы. В школе было четыре класса, 46 учеников, два учителя, две уборщицы. Едва я вошёл в правление, второй секретарь райкома Али Джафаров шепнул новоназначенному первому секретарю:

– Вот товарищ, которого пригласили в Иреван.

Первый секретарь среагировал недовольно:

– Выходит, у нас кадров в избытке?

Сельчане рассказывали новому секретарю о своих заботах. Один сетовал на маленькую зарплату, другой – на неправильный подсчёт пенсии, третий просил помочь со стройматериалами для строительства дома, кто-то хотел приобрести холодильник, мебель, – тогда это были дефицитные товары. Первый секретарь терпеливо выслушивал всех, звонил по телефону в райцентр, в разные учреждения и организации, давал поручения, на месте решал многие вопросы, а остальные брал на заметку. Разговор затянулся. А у меня на душе кошки скребут, сижу и думаю: как же дело обернётся, если «первый» упрётся… В те времена первые секретари имели солидные полномочия: стоило им возразить по какому-либо поводу, высказать протест – и приходилось согласовывать вопрос с центром. Наконец первый секретарь обратился ко мне:

– А у вас, молодой директор, неужели нет никаких пожеланий, требований?

– Нет, товарищ секретарь.

Он задал пару вопросов насчёт сельской школы. Я ответил без энтузиазма.

Затем председатель колхоза Азиз пригласил к себе домой секретарей райкома и меня. Зашли, сели за стол, только приступили к трапезе, как новый первый секретарь неожиданно произнёс здравицу:

– Обычай таков, что первый тост посвящают, как правило, очагу, гостям. Но я хочу, извинившись перед всеми, сделать исключение… Я пью за здоровье этого молодого человека. – Остальные слова он адресовал мне: – Я уже несколько часов нахожусь в вашем селе. Я обратил внимание, что вы в этом селе – действительно человек «лишний», вам место не здесь. До сих пор я никому не чинил препятствий. Доброго пути!

Это было за три дня до моей поездки в Иреван. Тогда, в мартовскую ночь 1966 года, созерцая из окна вагона состава «Зангезур» очертания противоположного берега Аракса и размышляя о переломном моменте в моей жизни, о расставании с селом, я с чувством признательности вспоминал дорогих земляков, и… не думал тогда, не гадал, что пройдут годы, и ныне радостно покидаемый мною Мыгры, каждое дерево, каждая башня этой древней земли, каждый её источник, валун, камень обернутся в моём сердце нескончаемой щемящей песней…

***

Посёлок Мыгры раскинулся на южном зангезурском подолье и тянется по прибрежью Араза узкой полосой между Ордубадом и Зангиланом. Окрестный рельеф сменяется по широкому регистру, от равнинных плодородных почв поднимаясь на горные эйлаги – пастбищные просторы. В этом благодатном уголке радуют глаз всевозможные плодовые угодья. Ещё в двадцатые-тридцатые годы жители этого обжитого и ухоженного края стали подвергаться

депортации; большинство азербайджанских сёл были вынуждены переселиться: Тагамир, Веновшапуч, Бугакяр, Пушгях. Одно из сёл – село Тэй – уже на исходе пятидесятых годов было выселено у меня на глазах под предлогом так называемого «укрупнения». Между тем, перечисленные зангезурские веси никогда не являлись забытой глухоманью. Здесь кипела жизнь, цвели сады, трудились рачительные, работящие люди. Но подули холодные ветры лихолетья… Опустели нивы, высохли родники, осиротели сады, поросли бурьяном могилы и поникли надгробья, тоскуя по дыханию родных людей…

Почти все депортированные сёла были древними поселениями азербайджанцев. Многие из них были разорены и опустошены еще в 1918-1920 годах, когда Андраник двинул войска на Зангезур. Большие густонаселённые села уменьшились после этого нашествия. Большинство беженцев, спасаясь от расправ, устремились горными тропами, через глухие чащи подальше от опасности. Часть беженцев хлынула в Зангилан, а другая часть устремилась через перевалы к Ордубаду и расселилась там.

Многие погибли в дороге. Привыкшие к горному климату люди не прижились в степной зоне, многие не выжили в условиях низины. Люди не выдерживали потрясений изгнания. Кое-кто из беженцев, потерявших родителей, вернулись к покинутым и разорённым очагам доживать свой век… Один из них, аксакал Бадал-киши, доживший до ста десяти лет, вспоминал: «У нас люди умирали в Чайларе (Зангиланский р-н). Я был тогда молод, потому и выжил». Слово «Чайлар» то и дело звучало у беженцев.

После упомянутых событий часть наших сёл исчезла с лица земли, остальные села обезлюдели и оскудели: Маралземи, Лёк (ныне переименованное в Вартанизор), Лехваз, Алдере, Нуведи…

Топонимы древнего Мыгры должны изучаться в органичной связи с другими локальными топонимами Ордубада, Зангилана, нынешнего Кафана (Капана). В этом отношении заслуживают внимания исследования жителя села Нуведи, педагога и поэта Гамзы Алиева, в своё время выступившего с докладом на эту тему в Институте истории Академии наук Азербайджана. Доклад Гамзы Алиева, при всех его спорных моментах, представляет собой несомненный научный интерес. В его научных изысканиях меня лично привлекли три значимых и принципиальных момента:

1. Высокая вершина Зангезура – гора Гапыджык и Прикованный Прометей.

2. Где находится крепость Базз?

3. Вопрос о местонахождении могил главного соратника Бабека Муавийе, могилы матери Бабека Бахрумменде и его последней жены Ибнет аль-Келентерийе.

Гамза-муаллим предполагает, что античный герой Прометей был прикован цепями не к горе Кав (то есть на Кавказе), а к вершине горы Гапыджык (вершина находится на высоте 3904 метра над уровнем моря). Название этой вершины ассоциируется с топонимом Кафан, который и поныне в устном произношении как у армян, так и у азербайджанцев звучит видоизменённо – «Капан», а в письменном виде это слово запечатлено как «Кафан». Что же касается окончания «ан», то оно является постпозитивной частицей, обозначающей локальный адрес.

Безусловно, история о закованном Прометее, при всей мифологичности факта, не лишена художественного вымысла, но сама трактовка учёного вызывает интерес.

Крепость «Базз» – главный объект движения Бабека. В некоторых источниках название этой твердыни значится как гора Баззейи или Баззейн, расположенная на востоке Мугани, на западном побережье Каспийского моря.

Имеется ещё несколько указаний координат этой древней цитадели: «Нагорная часть горы Гараджа» (В.Ф.Минорский); «На расстоянии в 90 миль от моста Худаферин и одноименного городка в северо-западной окрестности Ардебиля» (Е.Райт); «На юге Азербайджана, где-то в верховьях реки Гырх-су» (Зия Буниятов).

Группа студентов Иранского института искусств совершила экспедицию под руководством Джафара Рахнуна на территорию, указанную академиком З.Буниятовым, и побывала в трёх километрах от города Кялейбер в верховьях реки Беюк Карасу. В юго-западной части

экспедиция обнаружила руины безымянной твердыни – «Дежи-Базз» (крепость Базз).

Эти исследования не удовлетворили Гамзу Алиева, он продолжил изыскания и пришёл к выводу, что данная твердыня находилась на территории, именуемой некогда Страной Сюник, то есть, в нынешнем Кафанском районе, на склонах горы Гапыджык. При этом Гамза Алиев аргументировал своё заключение ссылками на научные источники.

Потерпев поражение в последней битве с Афшином, Бабек покидает крепость Баззейн через подземный ход и скрывается в непроходимом лесу Топ. Гамза Алиев прослеживает последние дни народного героя, опираясь на исторические данные, ориентируясь на логическую последовательность топонимов. Г.Алиев органично связывает эпизоды друг с другом, начиная с момента вероломного предательства Сахла Ибн-Сумбата, сдавшего Бабека Афшину, и, выстроив цепочку драматичных событий, приходит к выводу, что могилы близких легендарного героя – его соратника Муавийе, его матери Бахруменде и последней жены Ибнет аль-Келентерийе находятся в Мыгрынском районе, в древней усыпальнице «Баба Гаджи», в двух километрах к северу от башни, на отшибе села Астазур (ныне Шванидзор). Интересно, что эти три могилы, расположенные рядом, являются святилищем и для азербайджанцев (села Нуведи, Тугут, Алдере), и для армян (село Астазур).

По структуре могил видно, что средняя из них принадлежит мужчине, а те, что по краям – женщинам. Паломники-армяне утверждают, что одна из них была армянкой (подразумевается последняя жена Бабека – Ибнет Аль-Келентерийе, однако нет никаких фактов, подтверждающих её армянское происхождение, она просто христианка).

Наиболее почитаемое в нынешнем Мыгрынском районе святилище – Бугакяр. Сюда стекаются паломники не только из Мыгры, но и из Ордубада, Зангилана, Джульфы, Кафана…

На вратах грандиозной усыпальницы, сооружённой на подолье горы Алангез, написано: «Поклоняюсь памяти Султана Сеид-Ахмед-аги, сына Мусы Кязима благословенного».

Святилище «Бугакяр» ордубадцы всегда называли не иначе как «Буга-кябр». Из истории известно, что Бабек окружил Буга аль-Кябра и разгромил его в селе, носившем имя врага. Этот факт подтверждает и академик Зия Буниятов.

Напротив этого святилища, на вершине горы, в урочище Топ, среди скалистых круч бьёт родник, носящий имя «Сеид Ахмед».

Местные старожилы рассказывали, что когда строили усыпальницу, один из каменщиков, изведенный жарой и жаждой, вздохнул мечтательно: «Эх, испить бы родниковой воды и утолить жажду свою…» И вдруг, гласит предание, с небес снизошёл кумган с родниковой водой! И с тех пор этот благодатный родник стал именоваться Сеид Ахмед. Это легенда, а может быть, и реальность. Впрочем, противопоставление религии и реальности – давнишнее заблуждение людей…

Я сам испил воды из того благодатного родника, видел воочию монеты, вложенные в трещины скал. Самое интересное, что в последние годы буквально рядом с родником Сеид Ахмеда построена ретрансляционная башня. Туда приходят десятки чужих людей, специалистов, рабочих, но никто не трогает эти деньги. Так и накапливаются монеты прямо под открытым небом. Раз в год их собирают и уносят в усыпальницу Бугакяр.

Такова вера человеческая. Верующий не позарится на чужое. Не возьмёт греха на душу. Не будь вероломства, сколько же людей избавились бы от бед и невзгод, занявшись трудом праведным!

Долгие годы вера была у нас гонима, шёл «крестовой поход» против религии, а что мы обрели, не могу сказать… Но потерь у нас было немало…

***

«*Детство моё прошло в благословенном городе Нахчыван, а окрест меня были Всевышний Аллах и Пророк…Справа – мечеть, слева – минбар, везде мулла и дервиш…*» – с детских лет мне запомнились эти строки из «Автобиографии» Джалила Мамедкулизаде.

...Вот еще один эпизод из «Автобиографии» Джалила Мамедкулизаде: «*В памяти моей всплывает весть об убийстве Александра Второго народовольцами в Петербурге. Мне тогда*

было лет 11-12, я был учеником второго класса нахчыванской городской школы. Нас отпустили с уроков домой. Магазины и ларьки были закрыты. Собрали народ в мечети, и один молла стал прочувствованно говорить о добродетелях и славе убиенного монарха, да так, что расчувствовался сам и довел до слёз других. Затем прозвучала заупокойная «марсие», и траур по царю-шехиду слился с плачем по имаму-шехиду…»

Когда скончался Иосиф Сталин (5 марта 1953 года), мне было девять лет. Но я ещё не учился в школе, дожидался сентября в надежде на формирование первого класса из второгодников, чтоб туда попасть. Так оно, к моему счастью, и случилось: в итоге я все же пошёл в школу. Весть о кончине «отца народов» в нашем селе отозвалась общим трауром. Школьников отпустили по домам. До сих пор помню чёрные флаги в их руках, водружённые затем на стены сельского клуба и склада. Чуть раньше к нам домой зашла убитая горем моя двоюродная сестра Джавахир и произнесла сдавленным голосом: «Киши умер» (Сталин – **Ред.**).

По радио об этом уже сообщили, но наш приёмник был испорчен, и мы еще не знали об этом. Джавахир сперва сообщила новость своей бабушке и тёте. Вождя оплакивали и бабушка моя Зийнят-ханым, и сама Джавахир. Женщины так рыдали, что, казалось, умер их любимый человек, кровный родич, чуть ли не глава целой мехелле. Мы, малыши, не плакали, зато большинство взрослых сельчан заливались слезами. Никто не созывал людей в мечеть (их просто не было) или в клуб, не было речей, поминальных молитв, кто плакал, кто держал боль в себе, но всех, и плакавших и не плакавших, охватило потрясение, похожее на страх, панику. И все же люди опасались проявлять свои чувства, чтобы, чего доброго, не прослыть паникёрами.

Мир праху твоему, Мирза Джалил. Мало кто в моём зангезурском селе Маралземи знал, кто такой Александр Второй. Конечно, они знали, что у огромной державы – России – есть свой «падишах» – царь, и он благосклонно относится к мусульманам, потому как армян призывает на военную службу, а иноверных не беспокоит, однако лишь немногие могли знать, кто из них император – Александр Второй или Николай Первый. А вот Сталин… Его знали все, и любили все. Поэтому люди плакали не напоказ, а искренне, от души.

«Оказывается, и сам Сталин может умереть…», – причитала моя бабушка. Её бесконечное изумление и потрясение продолжались до той поры, пока не началась хрущёвская оттепель. В массовом сознании сложился образ Сталина как непогрешимой личности. Никто из моих земляков в Маралземи не видел, не слышал Сталина, мало кто читал его книги. А вот портрет вождя красовался в каждом доме. Сталин-портрет был живым образом.

Истину о реальном Сталине, не портретном, знал только он сам и, пожалуй, кое-кто из его окружения. Примечателен эпизод из жизни вождя. Василий Сталин был храбрым военным лётчиком, но нередко допускал непозволительные выходки, за что навлекал на себя недовольство знаменитого отца. Однажды сын услышал от разгневанного отца:

– Ты возомнил, что ты Сталин?! Думаешь, что я сам – Сталин? – и указал пальцем на свой портрет: – Вот он, Сталин!

Сталин лучше всех понимал и признавал все внутренние противоречия, знал недостатки режима, созданного им вместе с Владимиром Лениным, видел серьёзные расхождения, пропасть между собой и его безграничным авторитетом.

Это прозрение и понимание противоречий пришло к нам позже, когда рассеялись мифы, и из непредвзятых источников обнажилась истина. Даже после хрущёвских разоблачений культа личности Сталин-портрет продолжал жить, в том числе и в моём сознании, слишком долго: всю свою молодость я был ярым сталинистом.

Мир праху твоему, Мирза Джалил!

Таким я и увидел этот представший перед моими глазами мир: огромная страна, пережившая и победившая коричневую чуму – фашизм, отходила от потрясений войны и залечивала страшные раны, а тут – такое потрясение! Вся многоязыкая держава оплакивала вождя! Я увидел слёзы на глазах моих земляков-сельчан 5 марта 1953 года…

А ведь в сентябре мне, девятилетнему мальчику, предстояло наконец пойти в школу, и я дни считал, чтобы пойти в первый класс… А может, после Сталина и солнце перестанет

всходить? (Нет же, восход продолжался). И школ не будет? (Нет, будут!)

У гроба вождя выступали лидеры партии – Маленков, Хрущёв, Берия… Они клятвенно заверяли страну, что будут верны заветам ушедшего вождя, что построят коммунизм, превратят страну в рай (хотя в рай и ад не верили).

Итак, я пошёл в школу, а те, что окончили седьмой класс, поработав пару лет в колхозе, отправились на службу в армию. В те годы окончивших десятый класс были единицы, так как обязательное образование подразумевало семь классов. Выпускников начальной школы было у нас немного. Таков был закон. Это позже число выпускников десятого класса увеличилось.

Сельчане трудились, как говорится, не покладая рук, по 12–13 часов в день, а то и больше. По вечерам сходились в библиотеке. Завязывали разговоры про житьё-бытьё, делились мнениями о прочитанном. Ворошить прошлое не очень любили, больше вели речь о будущем, обсуждали новости из Баку, Москвы. В библиотеке нашего маленького села (дворов 25–30) был хороший книжный фонд. Имелись и дастан «Деде Горгуд», и произведения Низами, Физули, Джалила Мамедкулизаде, и сборники сатирических стихов Сабира, и томики современных азербайджанских поэтов – Самеда Вургуна и Расула Рзы, и произведения русских и зарубежных классиков – Пушкина, Тургенева, Бальзака, Шекспира, Драйзера…

Масса переводной литературы, в том числе и образцы созданной в советский период литературы, «национальной по форме и социалистической по содержанию», что-то – читаемое и поныне, что-то – подзабытое, менее читаемое… Отмечу, что с переводами дело обстояло очень хорошо: не было ни одного мало-мальски значимого произведения в многоязыковой панораме книгопродукции, которое не было бы переведено.

Я был заядлым книгочеем: четыре года подряд ходил в нашу сельскую библиотеку, в IV–VII классах пользовался библиотекой соседнего села Лёк, а в старших классах записался в библиотеку села Алдере, в десять раз превосходившего наше по численности населения. Впрочем, разницы в книжном фонде сел не было никакой. Необходимо воздать должное всем областям общественной и культурной жизни при социализме, оценить по достоинству научное и культурное наследие, оставленное нам системой и моделью образования той эпохи, а не открещиваться от этого наследия.

Теперь о кино. Приезд в село кинопередвижки был настоящим событием! Все валом валили в клуб. Передвижные киноустановки демонстрировали фильмы, чаще всего на русском языке, в основном, об октябрьском перевороте (тогда говорили – о Великой Октябрьской революции), о Второй мировой войне. Иногда демонстрировались фильмы и на родном языке. Я бы хотел особо отметить два из них, вызывавших у нас чувство национальной гордости и воодушевления: это «Аршин мал-алан» и «На дальних берегах». Сам факт, что был снят фильм о нашем героическом соотечественнике Мехти Гусейнзаде, участнике югославского сопротивления, который пал смертью храбрых в бою и которому было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, вызывал в наших сердцах естественное чувство гордости. Но нашлись армянские злопыхатели, которые стали утверждать, что, якобы, мать Мехти Гусейнзаде была армянкой… На этой почве у нас возникали серьезные споры, мы доказывали им ложность такого утверждения, и они вынуждены были признать, что Мехти Гусейнзаде – «чистокровный турок», так говорили сами армяне.

Источниками информации у нас тогда были радио и газеты – из Баку и Иревана.

Сельские ребята уходили в армию. Порой воинская служба вторгалась в сердечные узы и расстраивала молодых. Из армии в село летели любовные письма, слагались песни, баяты.

...Несмотря на жесткие запреты, в народе бережно хранились традиционные национальные адаты, старинные обычаи. Мама говорила: «Приближается самый дорогой день…». Все понимали, что дорогой день – это праздник Новруз. Люди всегда знали: Новруз – не религиозный праздник, он существовал задолго до ислама. В первый день праздника мужчины села собирались вместе, ходили по домам и поздравляли односельчан, поднимали бокалы, пили водку, но никто не напивался, лишнего не говорил, просто веселились от души.

Это были работящие, добросовестные труженики, знающие толк в деле, в общении, в разговоре, не сорившие словами, не кривившие душой, обладавшие чувством собственного достоинства.

***

После захвата власти большевиками начались преобразования: на окраины гигантской империи пришли «лампочки Ильича», протянулись новые трассы и железнодорожные линии, «ликбез» означал открытие новых школ в отдалённой глуши, авторитарный режим предполагал неотложное решение множества проблем, «диктатура пролетариата» обернулась диктатурой личности руководителя, вождя. Была большая любовь к вождю, вера в него. Но до смерти Сталина абсолютное большинство населения не знало, что это любовь и вера в портрет вождя. И так длилось до хрущёвского восшествия на партийный престол, когда шапкозакидательские настроения и откровенное вранье стали нормой. Только тогда люди поняли, что коммунизм – тоже вранье.

И я пришёл в этот мир с простодушной открытостью, с любовью к родной природе, к земле, к людям, живущим на ней, жадно впитывая в себя все новое, формируя своё мировосприятие по книгам, по классическим художественным образам, завороженный их магической силой, и составляя своё мировоззрение по современным образцам «изящной словесности». Я искал свое место в жизни, знал, что это место не забронировано для меня, но что оно существует, и стремился добиться самоутверждения в человеческом обществе.

…Но пока что мой путь тянулся по горным проселочным дорогам в школу села Лёк, где я учился с четвертого до седьмого класса. Пробирался через небезопасный отрезок пути от Чешмелер до Камня Магомедали по глубокому ущелью, размытому осенними дождями и весенними ливнями, и не дай Бог сорваться с кручи какому-нибудь валуну – тогда грянула бы лавина, случился бы обвал, сметающий все на своем пути. Но, слава Аллаху, такого не происходило ни до, ни после моих хождений. Случались обвалы по ночам, в безлюдную пору, тогда наутро наши взоры ужасала картина стихийного обрушения. Наши местные трудягиземляки – дядя Таир из села Лёк, старый большевик, и мои односельчане братья Ханкиши и Амирхан брали на себя тяжелый труд по очистке завалов и зимой, и летом. Позднее и я присоединился к нашим ремонтникам дороги. Оговорюсь, что чистка дороги сама по себе была работой несложной, много ума там не надо, тяжелее было строить частный дом для руководителя дорстроя. Тогда начальство могло позволить себе использовать для личных нужд подчинённых (крутые болты сталинского режима уже ослабли).

...Я уже отмечал неизменную активность читателей, посещавших небольшую библиотеку нашего села. Там всегда было многолюдно. Устраивали диспуты, делились мнениями, радостными новостями… Была жажда к чтению, дипломированных специалистов было негусто, а книгочеев не счесть. Литература являла собой магический, завораживающий мир, увлекала за собой подрастающее поколение. Писательское слово звучало для нас как глас провидения, как взывающий глагол. В селе ощутима была нехватка книг, но тяга к чтению была огромна.

…Несколько лет тому назад я побывал в родном селе. Социально-экономическое положение было несопоставимо с прежними временами. Заглянул в сельскую библиотеку, перебравшуюся в новое здание. Новых книг немало, но, судя по всему, большинство хранились в нетронутом виде. Конечно, тому были свои причины. Подростки, молодёжь, овладев специальностью, не оседали в селах, а устремлялись в города. Недипломированная часть тоже предпочитала обосновываться и подрабатывать в мегаполисах, промышляя там чем придется. По большей части в селениях оставались одни старики. Но не только в этом причина угасания интереса к чтению.

«*Последнее десятилетие нами овладело стремительное развитие, как в селах, так и в городах, достижения научно-технического прогресса заворожили нас. Конечно, мы многое приобрели, продвинулись вперёд, но, увы, немало было и потерь…*» Я написал и опубликовал эти строки в 1988 году, включив их в сборник «До утра ещё далеко» (1989 год).

В той части статьи, которая не была включена в книгу, выражена тревога по поводу негативных изменений, произошедших в 80-е годы по отношению к книге. Если сравнивать 80-е годы и нынешнее время с точки зрения интереса к книге, то тут гордиться нечем.

Я и сегодня с восхищением вспоминаю безмерный интерес к литературе молодёжи тех лет. Потому и останавливаюсь подробно на этом сравнении. Вот строки из той статьи:

«*Нам памятен призыв «учиться, учиться и ещё раз учиться». По Ленину, «книга – великая сила». А наш просветитель, основатель первой нашей газеты Гасанбек Зардаби считал, что «книга – огромная сокровищница». По М.Горькому, «книга – источник знания». Джонатан Свифт считал книгу «детищем мышления», а Герцен – «наследием, передаваемым от поколения к поколению».*

Любовь к книге прививается в семье, начинается и развивается с детского сада, со школы. Увы, есть у нас такие детские сады, где нет своей библиотеки, есть школы, где пылятся одни учебники. Районные отделы образования ограничиваются преподаванием отдельных дисциплин, их заботит лишь воспитательная работа вообще, с проверками «для галочки». А как же обстоят дела со школьными библиотеками, с литературой, призванной пестовать и формировать юную смену? Это почему-то мало беспокоит тех, кто курирует работу школ…

Есть у меня друг, врач, который покупает по два экземпляра книг из серии «Всемирная детская литература» (в 50-ти томах) с прицелом на будущее: чтобы подарить своим дочерям в качестве приданого. Мало того, он приобрел для этой цели роскошное издание произведений Низами, десятитомник «Азербайджанской советской энциклопедии» и трёхтомник книги «Азербайджанский ковёр». Супруга моего друга – тоже врач. В их домашней библиотеке, наряду с медицинской литературой, есть и образцы нашей поэзии, прозы, фольклора, шедевры мировой литературы, и все книги – их прочитанный багаж, причём дочери отнюдь не готовятся к филологическому поприщу, но питают большой интерес к литературе. Речь идёт не о самоцельном показном «респекте», не о дороговизне этих ценных изданий, разговор идёт об искренней любви к магии слова, к его долговечной и священной силе воздействия, к таким образцам, как эпос «Китаби Деде Горгуд», «Пятерица» Низами, поэма Физули «Лейли и Меджнун»…Эти книги обязательно должны быть в наборе приданого наших девушек...».

***

Люди находились в водовороте политических шоу однопартийной системы. Резонанс от этих тектонических социальных сдвигов доходил и до моего маленького зангезурского села Маралземи. Во время всех политических праздников, в частности, в дни первомайских торжеств в селе проводились собрания, на которых звучали длиннющие политические доклады соответствующего содержания. Говорили о пройденном пути от Маркса до Сталина, а после того, как с приходом Хрущева имя Сталина было выкорчевано отовсюду, как следствие, посыпались разоблачения Троцкого, Зиновьева и даже Плеханова. Затем молодежь давала концерт, который от мало до велика с интересом смотрели все сельчане (мне, бедному, иногда приходилось участвовать в двух концертах: в своем селе и в селе Лёк, как учащемуся тамошней школы).

В людях была незыблемая вера в существующий строй, в государство, и это сплачивало общество, цементировало взаимоуважение граждан.

Но по мере усиления хрущёвского волюнтаризма в отношениях между людьми возникало отчуждение, подрывалась сплочённость, вера начала терять устои, слабеть, и со временем совсем сошла на нет, исчезла. Тем временем коммунистические верхи расширяли свои полномочия, а репрессированные в двадцатых – сороковых годах возвращались и почти полностью получали реабилитацию. Индульгенцию получали и наказанные по делу, и невинно пострадавшие, причём первые, добившись определённых чинов, обрушивались с критикой,порой безосновательной, на противников и оппонентов, не гнушаясь оскорблений, не

щадя ни уцелевших, ни погибших от репрессий. Общество морально деградировало, повышался имидж и авторитет старой плеяды «большевиков», которых сегодня иногда вспоминают с горечью и насмешкой.

Я с детства близко знал некоторых из этих ветеранов по работе в зангезурских селениях Маралземи и Лёк (назову Аслана Мамедова, Абдуллу Ахмедова, Шихали Багирова, Манафа Бабаева, Али Кулиева, Салмана Багирова, Таира Сафарова). Были среди них и секретарь райкома, и председатель колхоза, и прокурор, и садовод, и рабочий… Всех их отличали три достоинства – трудолюбие, честность и моральная чистота. Жили они скромно, ничем не выделяясь. Не было никакой особой разницы между материальным положением мегринца Али Мамедова, долгое время проработавшего на высших республиканских руководящих постах, и положением вышеназванных и не названных мною старых партийцев, которых я знал.

А вот начало серьёзного размежевания привилегированной партийной номенклатуры с основной, рядовой массой населения с конца 50-х годов и стремительное наращивание этих различий вызывало рост социального статуса чиновных партийцев; тогда никому и в голову не приходила мысль о том, что существующий строй развалится, – напротив, большинство людей питало иллюзию о том, что наконец в стране водворятся порядок и справедливость благодаря власти коммунистов…

Часть этих большевиков пережили репрессии, побывали в ссылках, потеряли должности, но сохранили в себе стержень законопослушных граждан, остались порядочными людьми.

В этом отношении очень характерна многотрудная судьба народного артиста Азербайджана Алекпера Сейфи из Гянджинского театра. Этот талантливый подвижник искусства, в молодости руководивший деятельностью Бакинского рабочего тюркского театра, перебрался со своим коллективом в Гянджу, там основал госдрамтеатр имени Дж.Джаббарлы и на этом пути пережил много мытарств и испытаний. В частности, был такой случай: театр собирался в одном из бакинских селений, но забарахлила в пути машина с труппой. Беда! А газета «Вышка» откликнулась бы на это техническое недоразумение с явно обвинительной репликой: «Актёры театра обманули ожидания сельских жителей». Да, представьте себе, труппе грозило политическое обвинение, артистам могли бы приклеить ярлык «врагов народа». Руководитель труппы, отчаявшись, решил позвонить «наверх», самому первому лицу, тогдашнему руководителю республики Мир-Джафару Багирову, известному своим крутым нравом. Повезло: первый секре-тарь нашёл возможность уделить время для телефонного разговора. Выслушав тревожное сообщение, хозяин республики буркнул в трубку:

– Сейфи, я твой завгар, что ли?

– Не приведи Аллах, товарищ Багиров! Меня тревожит другое: завтра ведь «Вышка» напечатает и…

– Ладно, – Мир-Джафар Багиров перебил директора театра и дал отбой.

Конечно, после такого диалога газета «Вышка» сочла необходимым обойти это происшествие молчанием.

Однажды эта же газета прошлась по адресу самого Самеда Вургуна, видимо, с чьей-то злонамеренной подачи.

Поэт приехал в Гянджу погостить у Алекпера Сейфи, намереваясь прогуляться по этим краям, отдохнуть… И однажды, проснувшись утром, Вургун просматривает свежие газеты – и диву даётся, прочтя в той же «Вышке» беспардонные измышления с политической подоплекой: дескать, он «националист», «пантюркист», «антисоветский элемент» и т.д. Тех, кому приклеивали подобные ярлыки, в лучшем случае ждала Сибирь. Ошеломлённый поэт переводит взгляд на орден Ленина, который красовался на лацкане переброшенного на спинку стулапиджака, и говорит: «О великий человек, похоже, нам придётся с тобой распрощаться…» Уже было не до побывки в Гяндже, встречи с людьми, читателями. Самед Вургун вернулся в Баку.

Алекпер Сейфи рассказывал продолжение этой истории. Оказывается, узнав о ней, писатель Мамед Саид Ордубады добивается приёма у М.Дж.Багирова и после долгих попыток избавляет знаменитого поэта от когтей борзописцев из партийной газеты. Да и на самого

Алекпера Сейфи повесили всех собак и в конце концов обвинили в том, что он, якобы, «подложил в театр бомбу». Его арестовали, отправили в Сибирь, где он отсидел много лет. А когда, получив, наконец, реабилитацию, возвратился домой, то первым делом спросил у встречавших его на вокзале друзей и коллег: «Ну как, бомба ещё не взорвалась?»

В 1973 году, когда Иреванский Азербайджанский госдрамтеатр приехал на гастроли в Гянджу, я встретился и побеседовал с Сейфи-муаллимом. Это была живая энциклопедия, из поколения азербайджанской интеллигенции 30–60-х годов. Человек высокой культуры, интелли-гент-оптимист. О своей судьбе, о пережитом рассказывал так, будто не хлебнул лиха, не мытарился долгие годы в заключении как «враг народа», обо всех перипетиях ареста и лагерной жизни, и даже о процедуре реабилитации рассказывал с улыбкой, смягчал и приглушал юмором, иронией. Да, вот ведь какие были сильные духом, волевые личности, которые после мучений в лагере не ожесточились, не прониклись жаждой мщения, не задались целью спекулировать ореолом мученика, выуживать у государства привилегии, компенсации и пр. Напротив, оставались для окружающих образцами высокой морали, культуры и достоинства.

Но были и люди иного склада, другого поведения. Часть реабилитированных, сознательно или нет, приложили руку к моральной деградации общества. Между новыми руководящими кадрами и ветеранами процветала мстительность, новоназначенные чиновники напрочь игнорировали своих предшественников, сведение личных счётов оборачивалось ударами по общественному согласию и гармонии. Ложь становилась чуть ли не нормой в общественно-политической жизни. Выходишь на трибуну на собрании – неси ложь, аплодируй горлопану, пусть не от души, но погромче, выходи на демонстрацию – показывай свою лояльность, кричи «ура!» во всю глотку, пиши в газету ложь, лги в эфире…

Было такое и при Сталине, но с той разницей, что у большинства людей эти публичные высказывания опирались на искреннюю веру: никому, кроме самого «отца народов» и двух-трех вельмож из его окружения не приходило в голову, что все это ложь. А в эпоху Хрущёва все понимали, что все сказанное – ложь. Во времена Брежнева поток лжи значительно уменьшился, во всяком случае, перестали беззастенчиво заявлять, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме».

Хрущев производил на меня впечатление коммуниста областного уровня. Так мне казалось в детские и отроческие годы, по молодости. Читая его доклады на XX–XXI партийных съездах, я тоже думал так. Даже при том, что эти доклады были подготовлены в Центральном комитете КПСС! Я окончательно убедился в этом после прочтения стенограмм заседаний Политбюро хрущёвского периода, долгие годы до «перестройки» хранившихся под грифом «совершенно секретно».

Хрущёв замахнулся на широкие пласты современной политики, изобличая культ личности, но при этом сам наступил на те же грабли, допустив и позволив раскрутиться той же мифотворческой машине. Он говорил о сельском хозяйстве, особенно подчеркивая «кукурузную тему», о промышленности, о нравственности, о культуре, и все это была ложь…

Однако именно при нём состоялся первый полет в космос – событие, которое имело резонанс мирового значения… Можно вспомнить и о хрущёвской оттепели, о встрече первого секретаря с деятелями искусств на Манеже, о массовом строительстве «хрущоб» – панельных жилых домов; наконец, о возникновении в народе анекдотов о первом лице государства. Даже находясь у штурвала высшей власти, в самые, казалось бы, надёжные периоды правления, разоблачая и громя культ личности, Никита Сергеевич, как мне думается, испытывал внутренний страх перед тенью сверженного вождя. Трудно было руководить страной, не сокрушив имя Сталина, не вычеркнув его из истории.

Характерен в этом смысле анекдот, запомнившийся мне до сих пор.

После того, как XX съезд партии принял решение изъять тело Сталина из мавзолея Ленина, президент США Эйзенхауэр сообщает в Москву: «Сталин вам уже не нужен, отдайте его нам. Взамен мы вам подарим такого атлета, который может бегать со скоростью 100 километров в час, и этот спортсмен прославит СССР». Хрущёв после заокеанского предложения на радостях вызывает к себе Микояна:

– Анастас, у нас неслыханная новость!

Анастас Иванович, услышав новость, молчит.

– Что ж ты, хитрый армянин, не поздравляешь меня? Или ты спелся с антипартийной группировкой?

– Таких бегунов – двое, – отвечает Микоян, – один – это вы, другой – я. Если уступите янки тело, то они возьмут и воскресят покойника. Тогда нам с вами придётся дать стрекача и не с такой скоростью…

– Чёрта с два, Эйзенхауэр, – подумал Хрущев, – не выдам тебе трупа!.. Недаром я зовусь Хрущёвым!

Эта байка была сочинена в нашем селе Маралземи. Мои сельчане не видели ни Микояна, ни Хрущёва, которые после этого народного острословия прослыли под прозвищами «Бидж» («плут») и «Гидж» (глупый).

Антипатию наших сельчан подогрело и другое самоуправство Хрущева. В 1960 году он прибыл в Иреван на годовщину сорокалетия Армении и после пиршества на озере Гейча (ныне переименованного армянами в «Севан») с коньяком и форелью, как рассказывают очевидцы, там же подписал постановление о прокладке канала Арпа-Севан, тем самым перекрыв артерию водоснабжения Нахчывана…

Спустя много лет возглавлявший при Хрущёве Верховный Совет Армении Шмавон Арушанян рассказал мне, что Никита Сергеевич наутро после подписания вердикта о канале, проснувшись в Иреванской резиденции и чуть оклемавшись после возлияния на озере, вдруг спрашивает:

– Что это вчера вы говорили насчёт вопроса об Арпа-Севане? Думаю, не стоит транжирить столько средств.

– Никита Сергеевич, вы же вчера подписали документ… – подает реплику первый секретарь ЦК партии Армении.

– Подписал – я? – Я и зачеркну… – резко заявляет высокий гость.

– Но ведь иностранные журналисты возвестили на весь мир, что вы подписали документ…

– Ну, хорошо… тогда не зачеркну, – засмеялся Хрущев, и была поставлена точка в этом вопросе.

В качестве корреспондента газеты «Совет Эрменистаны» мне в 1966 году пришлось побывать на строительстве канала в окрестных горах села Дерелейез, протопать по тоннелю в резиновых ботинках через водный поток, доходящий до колен, и меня не покидала мысль: ради чего вкладывается столько труда, ради чего транжирят столько денег? Только ли для того, чтобы спасти мелеющие воды озера Севан и с ним вожделенную форель?

Замечу при этом, что на этих тяжёлых работах не было ни одного местного жителя – ни азербайджанца, ни армянина. Там работали одни русские.

Хрущёва уговорили, аргументируя, что «Севан засыхает, гибнет и форель…». Увы, рыба вымерла и после того, как воды Арпа-чая протянули до озера. Природа не терпит самоуправства. Всевышний защищает правду.

Декоративное, показушное разоблачение культа личности, заявления о строительстве близкого коммунизма терпели крах, происходили процессы, которых не могли понять и принять ни морально безупречные большевики, ни простые люди.

Наряду с этим люди уже ощущали вкус свободы, духовно раскрепощались, испытывали разочарование в существующем режиме. Начиналось, неосознанно или сознательно, возвращение к национальным истокам, поднималось самосознание, и в русле этих процессов подспудно поднимал голову армянский шовинизм, усиливалось армяно-азербайджанское противостояние. Это в первую очередь проявлялось во время набиравших популярность в конце 50-х годов футбольных матчей. Игры между командами «Нефтчи» и «Спартак» (позднее «Арарат») воспринимались армянами и азербайджанцами и как соревнование двух народов, футбол выходил за рамки спорта, становился вопросом гордости народа, затрагивал чувство национального достоинства.

На заре этих событий, совпадающих с нашим школьным возрастом, мы, старшеклассники, окончившие семилетку в селе Лёк, каждую неделю преодолевали двадцать пять километров, чтобы всю неделю учиться в старших классах в селе Алдере. Попутно нам приходилось «пересекаться» на станции Кюрадюзю с армянскими футбольными болельщиками, вступать в споры с ними.

Мы «скрещивали копья» и на волейбольной площадке на районных турнирах (когда удачно, когда нет), соревновались на олимпиадах по физике, математике (с переменным успехом). В нашей компании одноклассников были Фаррух, Октай, в селе Лёк мы подружились с Гейсом, Балашем, Сарваром… Было о чём поговорить, чем поделиться, мы жили романтичными мечтами о будущем родного Азербайджана. Долгую дорогу от Маралземи до Алдере мы проходили или проезжали вдоль берега пограничного Араза, всегда смотрели на тот берег реки. На волне этих впечатлений рождались стихи...

В Алдеринской школе были учителя с обострённым национальным самосознанием. Мы взрослели, и внутри нас просыпалось национальное самосознание. Этому самоощущению, росту гражданского самосознания серьёзно способствовал армянский шовинизм, в этом отношении «заслуга» наших соседей несомненна... Я хорошо запомнил слова Ширинди-муаллима: «Наш вопрос пострашнее, чем проблема Берлинской стены». Прошли годы, Германия воссоединилась, Берлинская стена рухнула, а Азербайджан…

В этой книге в числе других сведений об азербайджанских селах Мыгрынского района, содержатся воспоминания и о древнем селе Алдере, где я проучился три года. Думы и размышления об этом селе, о его жителях, романтика подростковых лет, наконец, самое главное, мои взгляды, сформировавшиеся именно в том селе, на общество того времени и свободу не поместятся даже в три книги. Алдеринцы – образец человеческой творческой воли, трудолюбия, щедрости, способностей и таланта.

Алдеринская средняя сельская школа, которая в те годы славилась на весь район, была единственной на всю округу полной средней азербайджанской школой. Хотя в соседнем Зангиланском районе средних школ было немало, некоторые родители предпочитали отдавать своих детей именно в это учебное заведение.

Школа – это прежде всего учителя. Я с уважением вспоминаю учителей, которые нам преподавали.

Много воды утекло с тех пор. Сорок лет минуло. Я всегда верил, и сегодня верю, что все наши наставники стремились воспитать хороших, знающих учеников. Думаю, что они могли гордиться выпускниками 1963 года.

Мыгрынские школы (Алдере, Нуведи, Лехваза, Лёк) были известны и в Ереване, высоко оценивались министерством просвещения. Я это почувствовал, когда жил в Ереване и имел контакты с министерством. Армянских специалистов удивляло качество преподавания в наших школах, профподготовка кадров, жажда знаний и интерес к учёбе у ребят, заботливое участие и требовательность родителей.

Вспоминается давний эпизод. Когда я учился в десятом классе, на урок алгебры, который у нас вёл Рустам-муаллим, вместе с ним вошли двое или трое незнакомых мужчин и сели на последние парты. Учитель вызвал к доске несколько самых толковых ребят и задал им задачу. «Незваные гости» (так мы про себя определили посетителей) не могли скрыть своего изумления. Наутро мы узнаем от учителя, что это были высокопоставленные работники из министерства просвещения Армении, по специальности – математики. Они признались, что ни в армянских, ни в азербайджанских, ни в русских школах Армении не видели такого класса, где столь хорошо знают математику. Впоследствии я обошел пядь за пядью земли Западного Азербайджана, от дорогого моему сердцу Кафана до Сисианского, Азизбековского района, Дерелейеза, Ведибасара, Зангибасара, Иревана и всей иреванской округи, Деречичека, Гейчи, Агбаба, Хамамлы… и во всех азербайджанских школах (даже в начальных классах) я наблюдал такое же ревностное отношение к учёбе, интерес к знаниям, убеждался в высоком уровне культуры и просвещения.

Просвещение, культура азербайджанцев были на высоком уровне и постоянно разви-

вались.

В апреле 1961 года утреннюю гимнастику и первые уроки в нашей школе отменили. Сообщили новость: в космос полетел наш космонавт. Ученики и учителя высыпали на площадку перед школой и стали смотреть в небо.

В ту пору в селе не было телевидения, в школу ещё не провели телефонную линию. Тем не менее новость долетела. Через полтора часа сообщили о благополучном приземлении Юрия Гагарина.

Мы всматривались в небо, хотя и понимали: ракеты не разглядеть.

Мы ликовали, нам было все равно, кто полетел: русский, англичанин или азербайджанец. (Конечно, окажись он азербайджанцем, от радости мы сами бы взмыли в небо!) Человек полетел в космос! Тогда я не думал, не гадал, что из двух людей, стоявших во главе этого свершения, один являлся азербайджанцем! Гагарин вошёл в моё сердце, вселился в моё сознание всецело, как есть, и в разные периоды моей жизни его имя отзывалось в моих стихах как вечный символ героического подвига.

Во время гагаринского полёта и долгое время после я не знал о том, что одна из ключевых личностей этого события – председатель Государственной комиссии по летным испытаниям пилотируемых кораблей – азербайджанец. Его не показывали по телевидению, имя держали в секрете.

Начиная с конца 80-х годов, показывая по телевидению рапорты космонавтов, лицо председателя Государственной комиссии прятали, ограничиваясь озвучиванием рапортов, но кому именно рапортовали космонавты – оставалось тайной.

Судьбе было угодно, что по прошествии многих лет мне посчастливилось близко познакомиться и неоднократно встречаться с высокопоставленным земляком, генерал-лейтенантом, лауреатом Ленинской премии Керимом Керимовым. Мы с ним много и о многом беседовали. Он пролил свет на два момента. Расскажу о них. Я как-то поинтересовался у него, каким это образом, начиная с 80-х годов, завесу секретности при встречах вернувшихся космонавтов в телеэфире чуть приоткрыли, показывая лицо председателя Государственной комиссии, но не называя его имени.

Оказывается, тут сыграло роль, как ни странно, замечание Егора Лигачёва. Он проводил совещание с членами Государственной комиссии и между делом попрекнул: «Почему это вы показываете рапортующих космонавтов, а принимающего рапорт – нет?»

Совсем не похоже на Егора Кузьмича!

После этого «приподняли завесу» и стали показывать и того, кто принимает рапорт, однако его имени по-прежнему не называли.

Впрочем, все уже знали, что у нас есть такой выдающийся земляк.

Второй эпизод связан с выбором первого космонавта Генеральным конструктором ракетно-космической промышленности СССР Сергеем Королёвым. Шансы, профессиональные качества, физические данные Юрия Гагарина и Германа Титова были одинаковы. На совещании, где обсуждался этот вопрос, при воцарившемся молчании задумавшихся членов комиссии всё решила реплика Королёва:

– Что значит «Тит», непонятно, да еще «Герман». А «Гагарин» звучит, тем более «Юра». Есть еще Гаганова, ее все знают.

Он имел в виду известную в те годы ивановскую ткачиху, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического труда Валентину Гаганову.

Так Юрий Гагарин стал первым космонавтом.

***

Алдеринцы – люди мужественные, с открытой душой.

Председатель алдеринского колхоза, кавалер высоких наград страны Джамшид Гасанов пользовался большим авторитетом среди односельчан и во всём районе.

Одной из его и односельчан заслуг было и то, что во всей Армении только они воспротивились снесению памятника Сталину, напротив, люди сберегли монумент, благо-

устроили, разбили вокруг цветник.

Так продолжалось до конца 80-х годов, когда третья волна депортаций сорвала алдеринских жителей с исконных мест проживания, когда армяне вновь ворвались и заняли азербайджанские селения. Разоблачение «культа личности» распалило давние антисталинские настроения в среде армянских националистов.

До поры до времени они скрывали свои претензии к вождю, который ещё в 1923 году при обсуждении карабахского вопроса прислушался к Нариману Нариманову, и при втором обсуждении вопрос решился в пользу Азербайджана.

Им грезился на месте «отца народов» Анастас Иванович, их угнетала якобы благосклонность вождя к Мир-Джафару Багирову, им не давала покоя неудавшаяся затея времён войны с фашистской Германией: массовая депортация азербайджанцев из Азербайджана – тайный микояновский проект…

Сохранение статуи Сталина в Алдере тревожило и Иреван, но снести её не удавалось ни КГБ, ни партийно-советским органам. Не рисковали двинуть туда бульдозеры и прочую техникау, а сельские шофёры отказывались браться за это дело.

Председатель колхоза Джамид Гасанов всегда шутливо отмахивался: «Памятник – колхозная собственность, столько денег угрохали на покупку. Пусть возместят расходы – тогда и снесём».

Другая острота председателя: «Вот в центре Мыгры поставили новый памятник: чабан и рядом с ним собака. Ну, поставили, пусть стоит. Не перечу. А вот скажите мне, неужто у Сталина меньше заслуг перед страной, чем у этого чабана или собаки? А если есть у него заслуги, какого рожна рушат его памятники? Пусть их сочтут за скульптуру чабана или же его собаки и держат как реликт истории».

Армяне так и не смогли снести памятник. В село пожаловал первый секретарь райкома партии, пригласил в правление шоферов-партийцев и дал им «партийное поручение»: снести памятник. Тогда водители достали из карманов партбилеты, бросили их на стол. Заявление председателя колхоза и такие неожиданные жесты – случай неслыханный по тем временам – в воображении не укладывался.

Размышляя об этом дерзком протесте алдеринцев против снесения памятника Сталину, я думаю, это исходило не только из желания продемонстрировать симпатию к «отцу народов», это было сделано в пику антисталинскому усердию армян, памятующих о былых политических предпочтениях вождя в карабахском вопросе…

В те годы мы, старшеклассники, чутко реагировали на правду и ложь и замечали, что в нашей огромной стране, в обществе слова расходятся с делами; в нас говорил юношеский максимализм, нам хотелось всех видеть на высоте наших воображаемых идеалов, воплощённых в честности, порядочности, правдолюбии. Так мыслила искренняя молодёжь, получившая хорошее воспитание в семьях с доброй моральной аурой, с традициями чистоты и добродетели, высокой нравственности.

Да, конечно же, семья – стержень, колыбель формирующейся личности. Это одна сторона. А другая ипостась её – замечаемые в обществе двоедушные люди, временщики и ловкачи, безнаказанно кривившие душой и остававшееся «на плаву», которых не всегда выводили на чистую воду.

***

Мать моя и отец, которых коснулась трагическая волна первой депортации 1918 года, стали беженцами в юном возрасте. После этих испытаний судьбы их пересеклись, они создали семью, у них родились четыре дочери, три сына, семья обосновалась на родных землях – в Мыгрынском районе. Тем временем пришла советская власть, началась экспроприация, коллективизация, у родителей отняли доставшиеся от предков земли под колхозные владения… Отца не стало в середине 50-х, а мать дожила до конца минувшего века…

Потому отец мой никогда не питал симпатий к новой власти. Случались, мягко говоря,

дискуссии между отцом – антагонистом большевиков – и другими родственниками, в частности, с моим дядей по матери, секретарем райкома партии…

Отец, бывало, иронически поучал, подтрунивал над моим дядей-секретарём: «Али, ты вели своим райкомовским чинам, чтоб выступали, стоя на одной ноге, чтобы поскорее закруглялись и садились на место». Отец намекал на лозунговую говорильню тех лет. В быту они – шурин и свояк – были очень дружны, но не смогли избавиться от «пикировок».

Однажды даже был случай… В конце 30-х годов в центре Мыгры, в парке перед райкомом установили скульптуру Ленина вместе с Крупской. Мой отец явился в райком, мельком глянув на новые изваяния в парке. Вошёл в кабинет. Мой дядя-секретарь по выражению его лица почувствовал неладное:

– В чём дело?

– Это ли ваши самые грандиозные истуканы?

Секретарь вскочил с места, озираясь вокруг, понизив голос, процедил:

– Худуш, ради твоих детей… промолчу, а то прямо здесь арестовал бы тебя!

Оба приходят домой пообедать, смотрят тучей, молчат, словно воды в рот набрали…

Бабушка моя, Зийнят-ханым, глянув на них, догадывается – случилась ссора:

– Опять из-за власти повздорили?

Другой эпизод. Довелось моему дяде-секретарю прибыть с двумя помощниками армянами в Тагемур – родное село моего отца. Он провел там собрание, агитировал, произнес длиннющую речь, расхваливая колхоз. После собрания, уже дома, за ужином, дядя опять стал говорить о колхозе. Пока ели, отец мой терпеливо слушал, но как только трапеза завершилась, он, не обращая внимания на сопровождавших дядю райкомовских армян, сказал:

– Али, всё, что ты намолол о колхозе, собери в мешок и спрячь под палас…

Справедливости ради скажу, что армяне из райкома не донесли на моего отца, дескать, родич Али Мамедова сморозил такое… (Тогда «крамольных» говорунов ждала решётка, а их чиновным родственникам пришлось бы распрощаться с должностью и партбилетом).

В последние дни жизни отец мой тревожился за моё будущее (остальных детей он успел поставить на ноги, а я ещё не ходил в школу, как писал выше).

Повзрослев, я слышал ото всех – и от районного начальства, и от рядовых тружеников – добрые отзывы, положительные воспоминания о своём отце, широте его кругозора и мировосприятия.

Моя мать, пережившая отца, прожила долгую, достойную, многотрудную жизнь, в течение одного века пережив три депортации, – с начала XX века до его исхода, когда с развалом СССР проявился метастаз дашнакского национализма, сопровождавшийся изгнанием сотни тысяч наших соплеменников со своих исконных земель.

Но помимо матери, разбиравшейся в происходивших в обществе событиях (при отсутствии грамотности и образования), опорой и нравственным ориентиром в нашей семье был и мой старший брат Гудрат (он на двадцать лет старше меня!). Его слово для всех нас, младших, было законом (при всей моей взбалмошной «неуправляемости»).

Почти полвека наш кров согревали мудрая материнская любовь и тепло. Все звали маму Сусенбер-хала, а старшие по возрасту – Сусенбер-баджи.

К ней шли за советом не только женщины из родни, но и родственники-мужчины. Шли годы, возраст, испытания сказались на здоровье матери моей: её мучила гипертония. Конечно, её брат и сыновья делали все возможное для лечения, доставали путёвки в санаторий «Арзни», находили необходимые лекарства.

Мне думается, ее постоянная забота о близких, ее кипучая деятельность долгие годы тормозили гипертонию, пресекали возможные осложнения.

Она успела взрастить детей, внуков и правнуков, став для всех нас ангелом-хранителем.

Её чтили во всем нашем районе. При том, что её брат возглавлял райком партии, никто не говорил о ней как о сестре Али Мамедова – их имена произносили как равные.

***

Восстановление независимости Азербайджана обеспечило возможность глубокого изучения нашей истории, возрождения исторической памяти, национальных духовных ценностей, исправления идеологических «аберраций» в освещении прошлого, объективной научной истины и построения демократического общества, утверждения свободы слова, свободы волеизъявления граждан.

Оглядываясь на панораму мировой истории, мы задумываемся о её драматичных страницах. Сколько же было войн, трудно сосчитать. А как насчет геноцида? Как ни считай, больше трех-четырех не набирается. И с одним из таких геноцидов, учиняемых армянами на протяжении двух последних столетий, столкнулись мы, азербайджанцы.

После восстановления нашей независимости эти горькая реальность и правда о ней обнажились и прозвучали во всеуслышание. Прозвучали на государственном уровне в указах Президента Гейдара Алиева «О массовой депортации азербайджанцев с их исторически-этнических земель на территории Армянской ССР в 1948-1953 годах» (18 декабря 1997 года) и «О геноциде Азербайджанцев» (26 марта 1998 года). В этих исторических указах глубоко раскрываются источники и суть, исторические корни, социально-политическая подноготная геноцида и депортации в отношении нашего народа. Тут не убавишь и не прибавишь, как говорится.

Милли Меджлис Азербайджанской Республики, отметил огромное значение Указа Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева «О геноциде азербайджанцев» как первого официального документа, проливающего свет на тёмные страницы нашей истории, восстанавливающего нашу национальную память, служащего толчком к тому, чтобы была раскрыта и заняла подобающее ей место историческая правда.

В этом важном документе впервые в нашей истории официально называются своими именами факты массовой резни – геноцида, совершённого против азербайджанцев после насильственного раздела Азербайджана в XIX веке с беспрецедентными в истории человечества зверствами, вскрываются корни политики этнической вражды, осуществлённой шовинистическими кругами и поддерживающими их реакционными силами.

Я благодарен судьбе, что в качестве государственного советника Азербайджана по вопросам национальной политики участвовал в разработке проектов приведённых выше указов. До этого я часто выступал в печати как человек, непосредственно причастный к «тектоническим» резонансам ксенофобии и армянского национализма в моих отчих краях, в Западном Азербайджане. Моя развернутая публицистика на эту тему была опубликована в книге, название которой носит и эта работа: «Здесь тьма полчищ пронеслась».

…Я назову и другой, убедительный труд – книгу «Турки, азербайджанцы, армяне: геноцид исторической правды» (Баку, издательство «Азербайджан», 2003), написанную в соавторстве академиками Джалалом Алиевым и Будагом Будаговым.

Эта книга, прежде всего выражающая патриотическую позицию ученых, посвящена актуальной теме – вопросу о так называемом «армянском геноциде».

Авторы выражают решительный протест против обсуждения в парламентах и государственных структурах ряда европейских стран раздутого политического мифа об истреблении армян в 1915 году в Османской империи. Аргументированно вскрывая исторический, политический, идеологический аспекты этой бредовой армянской лжи, авторы силой неопровержимой научной логики доказывают несостоятельность данной политической авантюры. В книге, которая открывается фактом утверждения Президентом Франции Жаком Шираком резолюции парламента страны «О геноциде армян в Османской империи в 1915 году» от 18 января 2001 года, до сведения подобных политиков доводится та простая истина, что «выносить на обсуждение акт совершения геноцида в какой-либо стране и утверждать решение на основе псевдоаргументов – не входит в компетенцию главы какого-либо государства или парламента. Это задача учёных, историков, правоведов и иных соответствующих специалистов».

Предоставим слово специалистам – американским историкам, учёным, экспертам по международному праву. Ещё в 1985 году госсекретарь США Джордж Шульц писал спикеру Палаты представителей Томасу Нейлу (4 марта того же года): «Идея о том, что якобы полтора миллиона армян в 1915–1923 годах стали жертвами «геноцида» в Турции – выдумка». Подчеркнем, что это письмо подписали 69 американских профессоров и историков. Увы, подобная объективная позиция, изложенная во многих научно-исторических работах, не смогла унять пыл армянских идеологов и политиков, напротив, в последние годы они вновь принялись раздувать миф об армянском геноциде и проталкивать его в повестку работы ведущих стран, наращивать нападки. Дж. Алиев и Б.Будагов дают вескую и аргументированную отповедь предвзятому отношению некоторых государств к подобным измышлениям.

Можно смело сказать, что авторам удалось полностью вскрыть подлинную суть и цель выдумки об «армянском геноциде», осветить и обнажить исторические корни проблемы со ссылками на многочисленные историко-научные источники, архивные документы, труды российских, европейских и американских учёных, и прийти к справедливому заключению, что публичное нагнетание этого вопроса влиятельными политическими армянскими центрами, гнездящимися по всему белому свету, преследует двоякую цель: с одной стороны –урвать материальную компенсацию для Армении, влачащей нищенское существование, а с другой – узаконить, добиться реализации давнишней армянской политической химеры о создании «Великой Армении». Ясное дело, замысел закулисных инициаторов – нанести удар по международному престижу Турции и Азербайджана, изолировать обе братские страны в мировом сообществе. Как составную часть этого коварного сценария авторы рассматривают и стремление армянских «сценаристов» узаконить оккупированные 20 процентов земель Азербайджана.

Из поучительных экскурсов в историю, изложенных в книге, читатели узнают о начале оседания армян в Турции и Азербайджане, о том, как «троянским конём» армянского национализма манипулируют зарубежные имперские силы. Известно, что искусственная идея об армянском геноциде берёт начало с катаклизмов первой мировой войны, отозвавшихся потрясениями в Османской империи. Сработал армянский «троянский конь», направленный против старого султаната, ослабленного в 1914–1920 годах раскрученной военной чужеземной машиной. Армяне, подогреваемые российскими авансами и странами Антанты, начали вооружённые атаки против государства в Восточной Анатолии, и страна, ведущая тяжёлую войну с интервентами, была втянута в гражданскую войну. Оккупация Восточной Анатолии российскими войсками развязала руки «пятой колонне». Началась жестокая расправа националистов над мирным населением: турками, азербайджанцами, курдами…

Из архивных документов и сообщений дипмиссий явствует, что во время этого пострадали и были истреблены два с половиной миллиона безвинных турок, азербайджанцев и курдов. На основе исторических документов в книге указывается, что Османское государство было вынуждено пойти на депортацию около 700 тысяч армян из анатолийского региона, где шли военные действия. Во время этих событий было уничтожено 300–350 тысяч человек из состава армянских вооруженных формирований, развязавших гражданскую войну. Вооружённые армянские формирования, покинув турецкую территорию, вторглись в пределы Азербайджана, охваченные жаждой мести, опьянённые злобой и ненавистью, что привело к кровавым расправам уже по другую сторону границы – над нашими соотечественниками.

Только в Зангезурском махале армянские отряды уничтожили 115 сёл, убили 3257 мужчин, 3276 женщин, 2196 детей.

Это была кровавая «вендетта» туркофобов, ослеплённых злобой, точнее, это и был настоящий геноцид, о котором сегодня трубят плакальщики «великой Армении». И этот плач длится на протяжении девяти десятилетий, о чем свидетельствуют авторы книги.

Они убедительно показывают, что армянские националисты методично и планомерно осуществляли политику геноцида на территории Турции и Азербайджана. Авторы, выдающиеся учёные, обращаются к Президенту Франции, поверившему «крокодиловым слезам» армянских пропагандистов и лоббистов и признавшему геноцид армян:

«Господин Президент Франции!

Будьте любезны обратить внимание: в 1914–1920 годах армянами было уничтожено 2,5 миллиона человек из турецкого, азербайджанского и курдского населения.Это не дутая цифра, не предположительное число, а давно известный миру факт, подтверждённый официальными, государственными документами, находящимися в архивах Турции, факт, зафиксированный в исторических исследовательских трудах зарубежных учёных… Однако почему-то в Европе, на западном полушарии, эти человеческие жертвы, эти великие потери турецкого народа никого не волнуют и не вызывают сожалений…»

В книге широко использованы историко-архивные документы, труды зарубежных учёных по рассматриваемой теме, приведены многочисленные фотофакты, иллюстрирующие события, начиная с 1988 года: депортацию и этническую чистку, геноцид против азербайджанцев, акты террора и массовой бойни. Благодаря активной гражданской позиции академиков Дж. Алиева и Б.Будагова, научной доказательности и логике, верности фактам и исторической реальности им удалось достичь цели, вывести «на чистую воду» и «сорвать маски» с лиц сочинителей «армянского геноцида». Этот труд имеет большое политико-идеологическое и историческое значение.

Поэтому книга привлекла внимание международной аудитории, была переведена и издана на английском, немецком, русском, французском языках. Хотелось бы, чтобы эта книга, ставшая весомым вкладом в утверждении правды о пережитой Турции и Азербайджаном истории, расширила круг читателей, прозвучала и на других языках мира.

Легенда об армянском геноциде для руководства Армении служила завесой, ширмой для прикрытия и реализации шовинистических амбиций, в первую очередь, оправдания изгнания азербайджанского населения с исконных земель. Лидеры советской Армении А.Кочинян и К.Демирчян всячески пытались «обосновать» и доказать «правомерность» депортаций перед высшим руководством СССР, на уровне заседаний Политбюро ЦК КПСС.

Рассмотрим с этой точки зрения обсуждение дтого вопроса на заседании Политбюро от 21 февраля 1985 года:

Сов. Секретно.

Единственный экземпляр. (Рабочая запись).

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

21 февраля 1985 года.

Председательствовал тов. ГОРБАЧЁВ М.С.

Присутствовали тт. Алиев Г.А., Воротников В.И., Гри-шин В.В., Громыко А.А., Романов Г.В., Соломенцев М.С., Тихонов Н.А., Демичев П.Н., Долгих В.И., Кузнецов В.В., Пономарев Б.Н., Чебриков В.М., Зимянин М.В., Капитонов И.В., Лигачев Е.К., Рыжков Н.И.

6. О мероприятиях в связи с 70-летием геноцида армян.

Горбачев. Этот вопрос обстоятельно рассматривался на заседании Секретариата ЦК. Как вы, вероятно, знаете, 50-летие геноцида в нашей стране не отмечалось. И это вызвало значительные негативные проявления. В своё время вопрос о 60-летии геноцида обсуждался у Леонида Ильича Брежнева и Михаила Андреевича Суслова. Тогда были намечены мероприятия, получившие одобрение в Центральном Комитете партии. Теперь, когда 24 апреля 1985 года исполняется 70 лет со времени геноцида армян, организованного правящими кругами султанской Турции, ЦК КП Армении внесло предложение о проведении дополнительных мероприятий. Эти предложения, как считают партийные органы республики, направлены на то, чтобы снять обвинение классового противника, состоящее в том, что Советское правительство якобы не определило своего отношения к геноциду. По этому вопросу буржуазной прессой поднята большая шумиха. Палата представителей США приняла резолюцию об объявлении 24 апреля «Днем бесчеловечного отношения к человеку и геноциду армян». Активно действуют в таком же направлении и правительственные круги Франции и ряда других стран.

В связи с этим ЦК КП Армении предлагает с учётом опыта проведения 60-летия геноцида в 1975 году издать Указ Президиума Верховного Совета Армянской ССР об объявлении 24 апреля «Днём памяти жертв геноцида», а также предусмотреть выступление первого секретаря Компартии Армении по радио и телевидению с публикацией текста его выступления в республиканской печати.

Скажу прямо, что на Секретариате ЦК мы, ясно понимая все плюсы и минусы, которые повлечет за собой издание такого рода республиканского указа, решили вынести этот вопрос на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС.

Демирчян (первый секретарь ЦК Компартии Армении). Прежде всего я хочу сказать, что этот вопрос является очень сложным и серьёзным. Он волнует практически все население республики, а также армянские колонии за рубежом. Надо учитывать, что за рубежом (в Ливане, США, Франции, Сирии, Канаде и ряде других стран) сейчас проживает около трёх миллионов лиц армянской национальности.

ЦК Компартии республики готовится к мероприятиям, связанным с 70-летием геноцида, учитывая опыт организации этих мероприятий в прошлом. Здесь хотелось бы напомнить, что 50-летие геноцида армян вылилось в нашей республике в очень опасные действия, когда около 100 тысяч демонстрантов вышли на улицу и потребовали заявления Советского правительства о его отношении к событиям 1915 года. В 1965 году было принято решение построить памятник жертвам геноцида, на который ежегодно возлагаются венки. Каждый год в такого рода процессиях участвует до 200-300 тысяч человек. Учитывая это, ЦК КПСС поручил нам разработать соответствующие мероприятия. Разрабатывая указанные мероприятия, мы исходили из того, что надо сделать процесс поминовения жертв геноцида более управляемым.

Здесь уже говорилось, что ситуация вокруг 70-летия геноцида усиленно нагнетается ЦРУ и другими подрывными организациями. Развернута широкая кампания по фальсификации истории, организуются конференции, в том числе и международные, издаются публикации, ведутся телепередачи. Кое-кто утверждает даже, что происходило, якобы, избиение не армян, а турецкого населения армянами, перешедшими на сторону русских. Усиливают свою антисоветскую пропаганду дашнаки. Всё это, как показывает поступающая по различным каналам информация, чревато опасностью и может осложнить идеологическую ситуацию в республике в день 70-летия геноцида. Следовательно, от нас требуется проведение соответствующих контрмер, включая принятие Указа о Дне памяти геноцида.

Тихонов. В соответствии с этим указом такой день будет проводиться ежегодно?

Демирчян. Да, ежегодно. Мы вообще ежегодно возлагаем венки к памятнику жертвам геноцида и проводим минуту молчания. Кроме того, предполагается 10-12-минутное выступление первого секретаря ЦК Компартии Армении. Это в дополнение к тем мероприятиям, которые проводятся у нас ежегодно.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что наши предложения связаны прежде всего с широким размахом кампании за рубежом. В последнее время дашнакское движение объединилось. Под диктовку спецслужб США дашнаки стараются обвинить нашу страну и республику в равнодушии к геноциду 1915 года с расчётом дезориентировать общественность и вызвать среди армян антисоветские настроения. Проникают, конечно, такие настроения и в Армению, прежде всего по линии обучающихся у нас зарубежных студентов, а также по линии армян, иммигрировавших в нашу республику.

Недавно, обсуждая на Пленуме ЦК Компартии Армении мероприятия по реализации постановления ЦК КПСС об улучшении идеологической работы, мы прямо заявили о том, что дашнаки являются непримиримыми врагами советского строя и Советской Армении. Надо сказать, что дашнаки немедленно подняли по этому поводу дикий вой. Очень негативно ведёт себя и Турция. В частности, посол Турции в США попросил конгрессменов отменить своё решение о дне геноцида армян. Вместе с тем идёт засылка к нам всякого рода террористов, а также делаются попытки организовать террористические выступления против советских дипломатических представительств за рубежом.

Мы считаем, что наши предложения помогут лучшей организации работы, которая не

позволит допустить, чтобы 70-летие геноцида армян было использовано в антисоветских целях.

Тихонов. Как вы считаете, ваше выступление по радио и телевидению не послужит ещё большему разжиганию розни между армянами и турками?

Демирчян. В этом выступлении мы говорим обычно об успехах Советской Армении и о том, что геноцид армян был организован реакционными кругами султанской Турции.

Гришин. Семьдесят лет мы обходились без Указа Президиума Верховного Совет Республики по этому вопросу, а теперь предлагается принять указ. Зачем это нужно?

Демирчян. Мы тщательно анализируем обстановку, складывающуюся в республике. Дело в том, что все слои населения Армении глубоко переживают геноцид. Практически нет ни одной семьи, в которой не было бы жертв геноцида. Что касается указа, то он нужен потому, что сейчас исключительно острой стала нагнетаемая реакционными силами обстановка за рубежом.

Тихонов. А не нагнетается ли эта обстановка в республике сверху?

Демирчян. Эта тема не выходит ни из ума, ни из сердца армянского народа. Причём я особенно хочу подчеркнуть, что мероприятия, которые намечается провести в республике, не имеют антитурецкой направленности. Каждый раз на улицу выходят 250–270 тысяч человек. Мы только хотим управлять этим процессом.

Горбачёв. Послушаем, что может нам сказать представитель КГБ.

Бобков Ф.Д. (заместитель председателя КГБ СССР). После выступления товарища Демирчяна мало что остаётся добавить. Скажу только, что раньше, до 1965 года, эта проблема так остро не стояла. Но, как известно, в 1965 году поминовение жертв геноцида вылилось в массовые беспорядки. Как вы, видимо, помните, 5-тысячная толпа ворвалась в театр, где проводилось собрание, посвящённое памяти жертв геноцида, и учинила бесчинства. После этого в 1967 году был сооружён памятник жертвам геноцида. На открытие его собралось более 200 тысяч человек. К 60-летию геноцида было проведено много мероприятий, в том числе по линии ЦК Компартии, Верховного Совета и Совета Министров Армении. По данным, которыми мы располагаем, в мероприятиях, посвященных 70-летию геноцида, могут принять участие до 300 тысяч человек.

Здесь возникает вопрос – а что изменилось за это время? Отвечу на него. Во-первых, появилось много заявлений буржуазных деятелей о необходимости отметить день памяти геноцида в антисоветском духе. Во-вторых, во много раз усилилась работа всякого рода антисоветских групп, в том числе на территории Армении. Около ста представителей этих групп арестованы или подверглись профилактике. В-третьих, наблюдается определённое подогревание этого вопроса и со стороны турецких властей, которые даже пытаются доказывать, что геноцид был спровоцирован самими армянами. В-четвёртых, не может не настораживать рост террористических действий, особенно со стороны так называемой «Армянской террористической армии освобождения». Нами арестована в связи с этим группа иностранных студентов.

Вот почему предлагаемые ЦК Компартии Армении дополнительные меры будут содействовать лучшей организации населения и позволяет нам взять инициативу в свои руки.

Громыко. Мы должны обсудить этот вопрос без эмоций. Конечно, это было гнусное преступление султанской Турции и русского царизма. Но, как известно, при Ленине, который возглавлял наше государство в течение шести лет, такого рода вопросы, связанные с геноцидом, не поднимались.

Пономарёв. Но тогда в Турции произошла революция.

Громыко. Это была буржуазная революция. Поэтому сейчас возникает вопрос, а надо ли нам увековечивать такое отношение к Турции? Я думаю, что дашнаки ненавидят Советскую власть больше, чем турок. Так что они и их предводители не могут быть для нас критерием. Причём всё, что делается за рубежом, делается в интересах зарубежных армян. Поэтому ссылаться на всякого рода акции, проводимые в зарубежных странах, на мой взгляд, не являются убедительными.

В то же время, конечно, какой-то выход чувствам народа надо дать. Но надо ли это де-

лать путём издания указа по республике? Ведь такой указ введет в календарь постоянный День траура. Но нужно ли это закреплять в законе? Ведь сколько бы мы тогда в нашей стране имели траурных дней, начиная с нашествия Батыя! Как вы знаете, мы даже день смерти В.И.Ленина не отмечаем. Поэтому к необходимости издания республиканского указа я отношусь с большим сомнением.

В записке ЦК Компартии Армении содержится предложение поместить статью о геноциде в союзной печати. Мне кажется, что не следует вводить в это дело нашу «тяжёлую артиллерию». В Армении что-то нужно делать, в том числе можно опубликовать выступление первого секретаря ЦК Компартии Армении, а другие предложения нет необходимости поддерживать. Ведь если турки разместят на своей территории ядерные ракеты, направленные против Советского Союза, то это будет куда опаснее.

В заключение я хотел бы сказать, что нам надо ещё раз просмотреть все эти предложения и, тщательно продумав, свести мероприятия к минимуму.

Зимянин. Я как редактор «Правды» в своё время публиковал редакционные статьи по этому вопросу. В них геноциду был посвящён всего один абзац. Сейчас же явно видно, что США хотят нас стравить с Турцией. Мы не должны этого допустить. Я не участвовал в обсуждении данного вопроса на заседании Секретариата ЦК, но думаю, что какие-то мероприятия все же провести надо. Но провести их надо исключительно на общественном, а не государственном уровне. Для меня ясно, что республиканский указ будет актом враждебным по отношению к Турции. Он приведёт к обострению советско-турецких отношений. Мы от этого ничего не выиграем. Поэтому товарищу Демирчяну и ЦК Компартии Армении надо взять инициативу в свои руки, действовать с классовых позиций. Все мероприятия должны проводиться по линии общественности Армении и без каких-либо выпадов по отношению к Турции.

В целом я за то, чтобы мероприятия, посвящённые 70-летию геноцида, были проведены лишь в историко-общественном плане.

Тихонов. Когда я прочитал предложения ЦК Компартии Армении, то не на шутку встревожился. У нас только сейчас началось налаживание отношений с Турцией. Во время моего визита в эту страну турецкие руково-дители называли Советский Союз дружественной державой и заявляли о том, что не допустят размещения на своей территории ракет, направленных на нашу страну. Мне ясно, что республиканский указ создаст напряжённость в советско-турецких отношениях и вольно или невольно привяжет к этому Москву. Спрашивается, а кто от этого выиграет? Ясно, что выиграют американцы.

Во время моего пребывания в Турции президент и премьер-министр этой страны на протяжении 40 минут жаловались мне на антитурецкие настроения в Армении, ссылались на выступления официальных лиц этой республики. Ясно, что нам этого допускать нельзя. Вообще мы должны хорошо запомнить, что турки владеют проливами Дарданеллы и Босфор, и что у них есть возможность на основе договора, подписанного в Монтре, закрыть проливы на большой замок.

Я посмотрел статью в «Правде» по этому вопросу, которая была выпущена в 1975 году. Там геноциду посвящено всего пять строк. И это правильно. Ведь у нас в стране имели место гораздо большие трагедии. Скажем, в Белоруссии, где от рук фашистов погиб каждый четвёртый.

Мне ясно, что налаживание наших отношений с финнами, греками, турками очень злит американцев, и они посредством юбилея геноцида хотят испортить наши отношения с соседними странами.

Хотел бы, чтобы в Армении, в её партийной организации велась настойчивая работа со всеми поколениями трудящихся, лучше организовывалось интернациональное воспитание, контролировались все события. Поэтому было бы, видимо, правильно глубже изучить этот вопрос, провести его на более низком уровне, решить, не затрагивая межгосударственные отношения.

Гришин. Нам понятны чувства армянских товарищей и их стремление отметить День геноцида, но думаю, что международная обстановка диктует нам быть осторожными. Ведь

все принятые резолюции американского конгресса не в интересах Советского Союза и Советской Армении. Поэтому ссылаться на них нам не следует. В целом у меня очень серьёзные сомнения в необходимости принятия республиканского указа о Дне памяти геноцида. 70 лет у нас не было такого указа, и нет необходимости принимать его сейчас. Может быть, следовало бы и выступить в центральной печати, разоблачить происки империалистических сил, направленные на разжигание националистических страстей. Ясно одно, что сейчас надо мобилизовать всю армянскую партийную организацию в целях сплочения советских людей, воспитания их в интернационалистическом духе.

Чебриков. Мне хочется отметить, что, начиная с 1965 года, мы вынуждены были ежегодно заниматься вместе с ЦК Компартии Армении вопросами, связанными с памятью геноцида. Напряжение среди населения республики всё же существует, и довольно сильное. Каждая семья действительно здесь имеет предков, которые явились жертвами геноцида. Поэтому раз навсегда отказа от тех мероприятий, которые уже проводились в республике, мы допустить, на мой взгляд, не можем. Всё, что проводилось ранее, надо, видимо, сохранить, но не допуская при этом никаких осложнений с Турцией. При этом надо учитывать, что всё, кроме республиканского указа, в республике уже принято и осуществлено. Мы не можем отказаться от мероприятий, к которым народ уже привык.

Что касается наших предложений, то их надо, конечно, хорошенько взвесить, и если будет в этом необходимость, вернуться к ним несколько позднее.

Тихонов. При Ленине тоже этого не было.

Чебриков. В целом мы, видимо, можем, не вводя ничего нового, сохранить те мероприятия, которые проводились в прошлом.

Громыко. Руководство республики должно серьезно поработать.

Горбачёв. Если бы у нас не возникло сомнений, то Секретариат не внёс бы этот вопрос на рассмотрение Политбюро ЦК. Думаю, что сегодняшнее обсуждение обогатило наше знание этого вопроса, и мы правильно поступили, когда вынесли его на рассмотрение данного заседа-ния. О внесённых предложениях, кроме Демирчяна К.С., никто не знает и не надо, чтобы кто-либо о них знал. Мы не должны проводить новые мероприятия.

Кузнецов. Правильно.

Горбачёв. Но и отказываться от того, что проводилось ранее, не следует.

Громыко. Можно и старое провести по-новому.

Горбачёв. Мы можем прийти к согласию, чтобы статья с упоминанием геноцида была опубликована только в «Правде». Что касается мероприятий, которые будут проводиться в Армении, то нужно исходить из нашей принципиальной, классовой позиции, перенося центр тяжести не на прошлое, а на те достижения, которые имеются в Советской Армении, на те задачи, которые предстоит решать республике, её коммунистам.

В частности, у нас есть поручение рассмотреть в ЦК КПСС вопрос о дальнейшем развитии города Еревана. Было бы лучше принять постановление по этому вопросу накануне годовщины геноцида.

Я думаю, товарищ Демирчян К.С., что здесь правильно была отмечена необходимость того, чтобы армянские коммунисты действовали ещё настойчивее и ещё активнее. А если какие-то вопросы в связи с годовщиной геноцида всплывут, то у республиканской партийной организации всегда есть возможность их поставить перед Центральным Комитетом партии.

По всей видимости, мы могли бы включить в решение Политбюро ЦК предложение о том, чтобы разрешить ЦК компартии Армении отметить 70-летие геноцида армян, исполняющееся в апреле 1985 года, осуществлением традиционно сложившихся общественных мероприятий, основываясь на предложениях ЦК Компартии Армении и учитывая обмен мнениями, состоявшийся на заседании Политбюро ЦК. Одновременно можно было бы поручить редакции газеты «Правда» выступить по этому поводу с редакционной статьей об исторических достижениях армянского народа в составе нашего Советского Союза.

Члены Политбюро. Правильно.

Постановление принято.

На этом заседании председательствовал М.Горбачёв, который к тому времени был секретарем ЦК и заменял тяжело больного Черненко. Через считанные дни, 11 марта того же года, Михаил Сергеевич станет Генеральным секретарем и займёт высший пост в стране.

В ходе заседания, особенно в начале, явственно ощущается его проармянский настрой. С другой стороны, этот документ явно наводит на определенные размышления. Я не намерен давать оценку выступлениям, комментарии тут, как говорится, излишни. Читая выступления Тихонова, Громыко, Гришина, Зимянина, вспоминаю один эпизод: я несколько раз беседовал с Гейдаром Алиевым об армянской агрессии. Навсегда запомнились его слова: «После Брежнева армяне очень хотели активизироваться. От Горбачёва толку было мало. Тогда я провёл конфиденциальные встречи с Тихоновым, Громыко, Гришиным, Зимяниным, Рыжковым, Лигачевым. Довёл до их сведения исторические истины о «геноциде», Гарабахе, а также нынешнюю реальность».

Гейдар Алиев поступил резонно, не взяв слова на том заседании. Тем не менее, предложения К.Демирчяна были отвергнуты. В Иреван он вернулся весьма удручённым. 70-летняя годовщина была проведена в более узких рамках, чем даже 60-летие.

МЫГРЫ

Энциклопедические данные: Разговор пойдёт о судьбах живописного анклава прежнего Зангезурского уезда, до 1918 года входившего в состав Елизаветпольской (Гянджинской) губернии Азербайджана.

В 1918 году армяне захватили значительную часть Зангезура, Мыгры в том числе, истребив часть азербайджанцев, а других жителей вынудив бежать в Нахчыван (Ордубад) и в низину уезда (Зангилан).

В 1920 году, после советизации, Мыгры (позже мы остановимся на этимологии этого топонима) был безоговорочно «пристёгнут» к ранее захваченным дашнаками азербайджанским землям. Контуры этого анклава по периметру – с севера Кафанский район, с запада – Ордубадский район Нахчыванской автономной республики Азербайджана, на востоке – Зангилан (ныне также захваченный наследниками дашнакских предков), а с юга – территория Ирана.

Теперь – о топонимии. Слово Мыгры (мы начали с русской транскрипции этого названия), этимологически восходит к имени древнего азербайджанско-тюркского этноса – «Mıgır» («Мыгыр»), в разговорном произношении – Мыгры; в конце слова произошла инверсия: согласный звук поменялся с гласным местами.

В мои детские годы местные жители, как земляки, так и соседи – нахчыванцы, зангиланцы, кафанцы – этот район называли «Mığrı» (пишу в латинской, более точной транскрипции). До двадцатых годов XX века в литературе и в архивных документах писалось так.

После советизации «Mığrı» в печати и в официальных разговорах и контактах трансформировалось на русский лад в «Мегри».

Профессор Газанфар Казимов во вступлении к монографии Ахмедали Алиева «Мегринский диалект азербайджанского языка» (Баку, 2003, «Элм») отмечает: «Это слово («Mığrı»), удобопроизносимое и для армянского языка, – чисто тюркское слово, название одного из древних зангезурских сёл». Историки восстановили подлинник топонима в виде ««Miğri». От него берут истоки многочисленные производные названия: на территории района протекает река Мыгрычай, впадающая в Араз, есть ороним – гора «Мыгрыдаг».

Б.Будагов и Г.Гейбуллаев связывают этимологию слова «Mığrı» с древним локальным тюркским понятием: «miqir» – «михор», означавшим «яр», «обрыв», «пропасть». К.Мурзаев в «Топонимике Востока» (1964, с. 253) объясняет это слово как «место со множеством плато, увалов, обрывов». Однокоренные дальние «родственники» топонима – село Мигарлы в Борчалы (Грузия), река Микирли (Закаталы), в самом Зангезуре – села Большое Мыгры и Малое Мыгры. На территории Имишлинского района расположено Мухуртепе, в Агджабеди – урочище Мухур, в Зангезуре – гора Мухуртовлайан, все эти названия считаются однокоренными.

Отмеченные топонимы и гидронимы подтверждают древнетюркские корни рассматриваемого слова. Иные авторы интерпретируют топоним на персидский лад как «Mehri», меняя «г» на «h» («Mehri» означает «любовь», «солнце», «теплое расположение»). Но изыскания свидетельствуют о несостоятельности этой версии. Часть местного населения употребляет слово «Mığrı» («Мегри») с метатезой, в форме «Мирги». А «мир» в древнетюркских памятниках означает «мёд» (Древнетюркский словарь, с. 345).

Но варианты орфоэпии слова на различных языках мира говорят о его метаморфозах. По латыни «мед» звучит как «мел», «меллис», по-французски – «miel», по-монгольски – «бал», на русском языке – «мёд», на хакасском – похожее «mööf» и т.д. Без учёта вариации гласных, разница здесь сводится к чередованию «б – м», характерной модуляции в тюркских языках.

Всё это совершенно исключает армянскую этимологию этого понятия. По нашему мнению, оно связано с употребляющейся в «эрнезурском» диалекте (и во многих азербайджанских говорах) лексемой – «мухурн», то есть имеется в виду кибитка, обитая сверху и по бокам войлоком, «алачик».

По сути, понятие «алачик» семантически связано с «мухури» и однокоренным семейством «мигир» – «микир», то есть означает жилище, сработанное на увале, обрыве, круче. В представлениях местных аборигенов «мухури» – не комфортное жильё, а примитивный, скромный «алачиг», сооружённый из ветвей деревьев и подручных средств.

«Йарган» – плоскогорье, обрывистая падь, крутизна, стоянка первобытных людей. А «чадыр» – шатёр – алачик – жилище древних тюрков, которое в «Деде Горгуде» именуется как «отаг» (комната). Сопряжение рассматриваемого нами топонима с понятиями «мир» (мёд), «мирлыг» («медвяное») – не столь убедительно.

Да и ассоциация с «йарганом» (обрывом, расщелиной, распадком) недоказательна в той степени, как соотнесение топонима с «мухури» – «алачик». Тюркская этимология его аргументируется убедительными научными доводами.

С восьмидесятых годов прошлого века в нашей печати появилось искажённое – «Mehri». Но это ошибочно.

Строки из «Энциклопедии советской Армении»: *на территории нынешнего района Мыгры еще с каменного века жили люди. В 428 году вместе с другими областями Сюника территория Мыгры находилась под властью Ирана. В 640 году территория оккупирована арабами. В 886 году перешла под эгиду Багратидов. В XII – XIII веках была под властью турок-сельджуков. Позднее территория района находилась под властью монголо-татар и Сефевидов. В 1730 году эту территорию заняли турецкие войска. Спустя десять лет армия Надир-шаха оккупировала территорию района. В 1828 году Мыгры вошел в состав Карабахской области (созданной в 1822 году). Мыгры (Мегри, Мигри) после советизации, до тридцатых годов, до создания административного района, оставался уездом*.

Эта краткая историческая справка отражена, как мы сказали, в Армянской советской энциклопедии. Но Зангезур никогда не был армянской землей. Авторы Армянской энциклопедии обходят молчанием насильственное отторжение Зангезура от Азербайджана и присоединение его к Армении. На фоне этих потрясений менялся и демографический состав анклава.

Население. Население Зангезура до средних веков состояло исключительно из азербайджанцев, а с начала XVI века – из азербайджанцев и армян.

В 1831-1918 годы азербайджанцы здесь составляли примерно 60 процентов населения. В 1831 г. азербайджанцы составляли 1143 человека, армяне – 1031 человек, в 1873 году азербайджанцы составляли 2997, армяне –3001, в 1897 году соответственно 4998 и 5765 человек.

В 1918 г. разбойные отряды Андраника предали огню азербайджанские сёла, в том числе Мыгры, превратили наши очаги в пепелище, истребили жителей и вынудили бежать за Араз, в Южный Азербайджан, в Нахчыван и Зангилан.

В телеграмме № 114 уездного начальника Зангезура и его рапорте Гянджинскому гу-

бернатору от 15 декабря 1918 года резня и грабеж, учиненные Андраником в Мыгры, описываются так: «Вопреки данным обещаниям англо-французским представителям, армяне во главе с Андраником разрушили, сожгли и разграбили свыше 30 мусульманских (азербайджанских) сёл. Не успевшие бежать сельчане были зверски истреблены. 3-го января получено сообщение, что армяне полностью разрушили село Разидаре 4-го участка, уничтожили часть населения. Всю вину за это армяне валят на Андраника и его отряд.Соседние армянские крестьяне разорили и сожгли мусульманские сёла Алдере, Мерзегат и Тугут. Окружили и подвергли обстрелу сёла Нуведи и Эйназур».

Как видно, сценарий таков: прогнать азербайджанцев из всех районов Зангезура и, доказывая, что его национальный состав состоит только из армян, присоединить к Араратской (Армянской) Республике.

26 ноября 1918 года начальник Зангезурского уезда сообщал в рапорте: «Армянские отряды разгромили мусульманские (*азербайджанские* – **Г.**) сёла в Мыгрынской долине…» Перечисляются прекращённые «дымы» (погашенные очаги) в сёлах Лехваз, Тэй, Мюльк, Гул, Беновша-пудж, Тагамир, в Первом и Втором Вартанизоре (моём родном селе Маралземи, переименованном дашнакскими «перекройщиками»). Десятки, сотни очагов…

Пройдут многие годы, пока часть обездоленных людей сможет вернуться к пепелищам и руинам родных очагов, оставшимся со времён андраниковских расправ. Дискриминация и вытеснение азербайджанцев продолжались. Если в 1914 году в наших краях числилось 1554 человек азербайджанцев, а армян 6370 человек, то есть в четыре раза больше, то в 1926 году наших соотечественников немного прибавилось (1985 азербайджанцев и 6519 армян). Межнациональные отношения были хуже некуда, при том, что в тридцатых годах свыше трети населения составляли азербайджанцы.

До конца 50-х годов один из райкомовских секретарей неизменно был азербайджанцем.

Однако в середине 60-х годов секретарь райкома партии Али Джафаров был сменён армянином, после чего начался процесс явного вытеснения азербайджанцев из района. Однако гонимые люди сопротивлялись управляемым из Иревана шовинистическим силам. В результате Центру пришлось в семидесятых годах смириться с назначением азербайджанца Гасана Мусаева на пост секретаря Мыгрынского РК партии. Сперва он работал третьим секретарём райкома, затем вторым…

От Сергея Теваняна, долгие годы проработавшего у нас председателем Мыгрынского райсовета, а затем первым секретарём райкома партии, я слышал характерное признание, когда он был не у дел и жил в Иреване. Мы случайно встретились на центральной площади, перед зданием Совета министров.

Сергей пальцем указал на здание правительства:

– Все дело их рук… Меня вызвал к себе Арзуманян (председатель Совмина) и упрекнул, мол, очень ты большую волю даёшь туркам (то есть *азербайджанцам* – **Г.**), выдвигаешь их, а надо их прижимать, чтобы они сами сбежали. И я выложил ему: «У Мыгры свои традиции, здесь не было никогда дискриминации. Есть высокообразованная азербайджанская интеллигенция… Начну их «зажимать» – ситуация будет неуправляемой. И армянская общественность района не поймет этого. Я много чего сказал ему, в конце концов он понял, что не может объяснить мне их политику и с очень недовольным видом распрощался. Через пару месяцев после этой встречи меня уволили безо всякой причины...

Отстранив Тевоняна, заменили его на секретарском посту местным армянином Юриком Аракеляном, и сразу избрали депутатом Верховного совета (в отличие от Тевоняна, долгие годы проработавшего первым секретарём), дали «важные» поручения. Но Ю.Аракелян тоже не смог «оправдать доверие». Он был человеком местным, у него были давние добрые отношения с местными азербайджанцами, которые непросто было растоптать. Кроме всего прочего, «статус» наших соотечественников в Мыгры был достаточно высок.

Поэтому, не дожидаясь конференции районного комитета партии, Юрика «убрали». Из Иревана, из ЦК партии прислали некоего Тельмана Диланяна, исполнительного функционера с «шовинистской начинкой». Он добился увольнения Гасана Мусаева (второго секретаря рай-

кома) и «избрания» на эту должность армянина. Вообще, до распада СССР в район на руководящие посты присылали работников только извне, чужаков, не знающих местных условий, не связанных никакими узами и традициями.

В 1988 году на уровне правительства Армении, при непосредственном участием всех партийных и советских организаций и административных органов района, в соответствии с полученными общими указаниями из центра республики, в течение недели население всех азербайджанских сел района насильственно было изгнано. Стоившее миллионы колхозное имущество азербайджанских крестьян, все жилые дома, сады, личная собственность – все было у них отнято.

На территории Мыгрынского района издревле было много памятников IX-X веков, албанские храмы, башни и развалины строений. Теперь, чтобы затерять их следы, армяне прибегают ко всякого рода фальсификациям. В череде пострадавших – стёртые с лица земли армянскими националистами сотни мыгрынских населенных пунктов – Бановшапуч, Бугакяр, Лёк, Вахрувер, Дюз Гышлаг, Алдере, посёлок рудодобытчиков Акарак, Эйназир, Гул (Нор Аревик), Лехвазе. Наконец, в этом печальном ряду и моё родное село Маралземи, расположенное на левобережье реки Мыгры. В советские годы мое село входило в сельсовет Лёк (Вартанизор). В некоторых армянских источниках возникновение села обозначается 1831 годом, но исторические памятники на территории села свидетельствуют о более древней хронологии.

Численность населения нашего невеликого села колебалась. В 1831 году тут проживало 118 человека, в 1904-ом – 951 человек. Дважды в начале XX века, в 1905 и в 1918 году, село подвергалось разрушениям и расправам, во второй раз эта кровавая акция вследствие политики дашнакского правительства сопровождалась массовым истреблением населения почти в тысячу человек.

Зангезурский уездный начальник 26 ноября 1918 года в своём рапорте сообщал: «Армянские отряды Мыгрынской долины разорили в Первом Вартанизоре 100 «дымов» (домов) и во Втором Вартанизоре (Маралземи) 60 «дымов», убили 200 человек мусульманского населения». Несколько лет Маралземи, как и другие сёла, оставалось обезлюдевшим пепелищем. Только в 1922 году, после установления советской власти в Армении, 8 процентов беженцев (66 человек) смогли вернуться к покинутым очагам.

Несмотря на проводимую в районе во все годы советской власти дискриминационную национальную политику, осиротевшее село возродилось усилиями вернувшихся тружеников, обросло домами, клубом, библиотекой. Жаль, что даже в советское время в селе не удалось открыть восьмилетней школы.

Восстановление дашнакской партии на официальном государственном уровне развязало руки националистам, распалило утопические грёзы о создании моноэтнической армянской республики, для чего нужно было изгнать азербайджанское население. В ноябре 1988 года эта стратегия докатилась и до Мыгры. Жители Маралземи уже в третий раз за столетие пережили горькую участь изгнанников…

Село наше находилось на высоте 500 – 550 метров над уровнем моря, в благодатном горном, истинно курортном местечке на берегу реки Мыгры. Поэтому районные руководители сделали все, чтобы при депортации 1988 года мои односельчане не смогли обменять свои удобные, благоустроенные дома на жилье в Азербайджане, чтобы они достались состоятельным армянам как дачные дома.

Они добились своего. Постановлением правительства Армении от 11 июня 1988 года за номером 353 село Маралземи было включено в перечень «освободившихся». Покосы, сады, посевные земли, приусадебные участки общей площадью около семисот гектаров были выставлены на приватизацию по скидке…

Не могу не вспомнить здесь уроженца нашего села Али Мамедова – вехи его биографии и восхождения вызывают чувство высокого уважения. Али-муаллим возглавлял райкомы партии в Мыгры, Веди, Амасии, служил на ответственных постах ЦК Компартии, в президиуме Верховного Совета Армении. Через его сердце прошла «вольтова дуга» потрясений и бед-

ствий, о которых я поведал здесь.

Азербайджанское село Нуведи расположено в 28 километрах от Мыгры, на стыке с Зангиланским районом. При советизации большевистскими «ножницами» Зангезурский уезд Гянджинской губернии был отрезан от Азербайджана и «приторочен» к Армении. До 1929 года село административно подчинялось тогдашнему Джабраильскому уезду, на этом «административная чехарда» не кон-чилась: в феврале того же года чиновные стратеги Закфедерации на основании нижеприведенного документа «перебросили» село в состав тогдашнего Мыгрынского района Армянской ССР.

...Нуведи – азербайджанское село. Расположено в 28 км от райцентра, на границе с Зангиланским районом. После того, как Зангезурский уезд Гянджинской губернии был передан Армении, до 1929 года село Нуведи с административной точки зрения было в ведомстве Джабраилского района. 18 февраля 1929 года село было включено в состав Мыгрынского района Армянской ССР.

Нуведи был одним из древнейших сел Азербайджана. Исторический возраст Нуведи исследовал покойный учёный Гамза Алиев (Велиоглу), хранивший несколько каменных письмён-артефактов об истории села. Выступавший в печати с 1985 года Гамза Алиев написал об истории Нуведи, опубликовал изображение камней, рассказал о надписях на них. Эти камни свидетельствовали о том, что памятники Нуведи-Гаргадашы имеют более давнюю историю, чем Орхон-Енисейские письмена! Письмена, о которых идёт речь, начертаны на той же графике, что и известные Орхон-Енисейские памятники. Анализ текстов позволяет вести отсчёт истории Нуведи с тысячелетней и большей давностью.

Увы, после депортации на исходе XX века древнее село превратилось в пепелище и руины… Нувединцы не раз обращались к властям с требованиями об отмене постановления Закфедерации от 1929 года. Их прошения рассматривались на Бюро ЦК Азербайджана (в ноябре 1968 года), затем Верховным Советом Азербайджана давний вердикт Закфедерации был «узаконен» (в мае 1969 года); село вывели из состава Зангиланского района. Однако «хождения по мукам» не завершились, грянула новая волна депортации на исходе века. Нувединцы вновь воззвали к руководству, на сей раз иреванскому, требуя отмены упомянутого указа. Но «глас вопиющего в пустыне» не был услышан… наследники андраниковских банд дотянулись до села – и сценарий повторился. Повторилось то, о чём ещё 15 декабря 1918 года начальник Зангезурского уезда рапортовал Гянджинскому губернатору: «Армяне соседних сёл разгромили и сожгли мусульманские сёла Алдере, Марза и Тугут, окружив сёла Нуведи и Эйнезир, подвергли их обстрелу».

Жители Нуведи оказали отчаянное, стойкое сопротивление (как и в 1918 году!) погромщикам, но силы были неравны.

До конца ноября 1988 года уже свыше 200 тысяч азербайджанцев были изгнаны из Армении, но Нуведи оставалось последним оплотом сопротивления ещё долго – два года и девять месяцев.

8 августа 1991 года армянские вооружённые формирования при поддержке советской армии изгнали с исконных земель жителей последнего азербайджанского села Армении Нуведи – 1700 человек (согласно переписи 1979 года).

Это было третьим нашествием армян на село Нуведи. Я не сказал ещё о самом первом набеге на село в 1905 году, когда завязались ожесточенные сражения, и нувединцы смогли защитить свое село, а в 1918 году не выдержали натиска, переправились через пограничный Араз и нашли пристанище в Южном Азербайджане, в Мисане. У тогдашних беженцев родились потомки, разрослась родня.

До поры до времени нувединцы, памятуя о советских табу, не заикались «о родственниках заграницей». Надо сказать, что уроженцы села снискали широкую известность на поприще науки и народного хозяйства. Из села вышли пять докторов наук, действительный член Академии Наук и один член-корреспондент АН, свыше сорока кандидатов наук, сотни дипломированных специалистов.

В воспитании поколения интеллигенции, в обеспечении их успешной карьеры велика

подвижническая роль и заслуги кандидата экономических наук Джалала Алиева, долгие годы проработавшего в Нуведи директором школы и председателем колхоза. Он ушёл из жизни в 2001 году. С чувством благодарности мы, земляки, вспоминаем Гасана Мусаева, многие годы работавшего в мыгрынских районных организациях на ответственных постах, а затем на посту второго секретаря районного комитета партии, и его брата аксакала-педагога Ази Мусаева...

Село Нуведи занимало длинную, многокилометровую (22 км) полосу, отделявшую Азербайджан от Нахчывана (всего 46 км). Это обстоятельство не позволяло армянским посягателям «развернуться». В середине 1980 года по дальновидной инициативе руководителя республики Гейдара Алиева начали прокладку автотрассы из Баку через территорию Мыгрынского района – дороги, имевшей к тому же военное и стратегическое значение. К сожалению, её успели дотянуть только до Нуведи (434 км.). Провокационные силы воспрепятствовали этому. Если бы строительство этой дороги было завершено своевременно, то сегодня, скорее всего, там не было бы армян, они покинули бы эту территорию.

С конца 1988 года интеллигенция села неоднократно обращалась к руководству Азербайджана за поддержкой в вопросах обороны. Отдельные организации помогали нувединцам, навещали село. Целые организации брали шефство над Нуведи. Но тогдашнее правительство Азербайджана не оказало никакой помощи, чтобы защитить село. Поэтому нувединцы обратились к своим соотечественникам, азербайджанцам:

Обращение жителей села Нуведи Мыгрынского района Армянской ССР:

Мы обращаемся к вам, азербайджанские собратья по крови, опора наша в тяжкие дни! Село Нуведи переживает самые бедственные дни.

18 февраля 1918 года наше село решением Закфедерации было отторжено от Азербайджана и передано Армянской ССР… Это решение, сорок лет пролежавшее без утверждения, 7 мая 1969 года было утверждено постановлением Верховного Совета Азербайджанской ССР.

За 60 лет нашего проживания в Армянской ССР местная власть не решила никакого социально-культурного и экономического вопроса.

Население прозябает в рабском положении. В последний год жители лишены элементарных конституционных прав. В частности, не получают советской печати, телевизионные каналы и коммуникации прерваны, почтовая телеграфная служба приостановлена, сельчане лишены главного топлива – газоснабжения. Разве примет Аллах подобные мытарства? Армянские жители получают от Азербайджана газ, нефть, а мы здесь мёрзнем в холодных домах без света. Всеми способами нас пытаются выжить из родных мест. Но мы не поддаемся никаким провокациям, запасаемся терпением и надеемся, что наш народ услышит наш голос!

Уже семь месяцев как оба наших магазина закрыты. Не завозят продуктов питания, промтоваров.

На замке и сельская ковровая фабрика – сельчане из-за безработицы вынуждены покидать родные очаги, пополняя ряды беженцев.

Из-за бесхозности 200 тонн урожая колхоза и колхозников пропадают. Колхозники, служащие, пенсионеры не могут своевременно получать зарплату, живут в нужде и смятении. Наших ходоков в райцентр избивают, оскорбляют, унижают. Нас не считают за граждан Армении. Смотрят на нас как на заложников.

Мы не смирились с этим! Коллективно обращались к руководству Армении и Азербайджана, к союзным органам! Но никакой реакции и помощи не увидели! Напротив, после этих жалоб шестеро жителей, поехавших по колхозным делам, были избиты, в машину шофёра была подложена самодельная бомба, его оклеветали и завели уголовное дело!

Два грузовика были раскурочены и оставлены в залог.

Наши труженики устали взывать к Советской власти! Нас не принимают за людей.

Проверочные комиссии фабрикуют ложные сведения. Мы просим азербайджанский народ присоединиться к нашим протестам, потревожить союзное правительство и депутатов

Верховного Совета СССР, чтобы группа депутатов прибыла в наше село! Донесла до всего советского народа реальное положение нашего села.

Мы надеемся, что радетельный азербайджанский народ подхватит наш призыв и не оставит в тисках блокады без защиты и помощи 1300 человек нувединских азербайджанцев!

Газета «Азербайджан»,
10 октября 1989 г.

Однако в деятельности правительства Азербайджана никаких подвижек не наблюдалось. Ровно годом раньше до этого обращения, как и в прежние времена, нувединские жители обратились в Верховный Совет Азербайджана и Зангиланский райсовет с просьбой утвердить их решение о переходе под юрисдикцию Зангиланского района. Просьба осталась без ответа. Тем временем маховик машины массовой депортации был раскручен…

Изгнание сотен тысяч людей стало трагическим фактом в начале девяностых годов. Москва направила в Баку искушённого эмиссара В.Поляничко вторым секретарём ЦК КП Азербайджана. 7 августа 1991 года второй секретарь прибыл в Зангилан, собрал народ, вызвал туда и нувединских аксакалов. Провёл беседы с каждым наедине. Дал слово, что будет защищать и отстаивать село «до последней капли крови».

В ходе беседы Поляничко признал: «Положение тяжёлое, надо отправиться в Москву за помощью. Правительство Азербайджана обвиняет Армению, что там не осталось ни одного азербайджанца, а те тычут нам в глаза Нуведи и нувединцев. Если азербайджанцы покинут Нуведи, тогда армяне укоротят язык, и мы разоблачим армян в международном сообществе».

После этой многообещающей тирады партийный эмиссар обращается к Ахмедали Алиеву:

– А каково ваше отношение к этим событиям?

– Нувединские колхозники, труженики, интеллигенция с 1988 года и до сих пор достойно исполняли свои обязанности. Теперь слово за правительством – руководством Азербайджана.

– Сколько в вашем селе людей в погонах – все они ваши верные друзья! – заверяет Поляничко.

Но спустя семь – восемь часов село было совершенно очищено от жителей. Это еще раз показало степень двуличия и коварства Поляничко.

…8 августа, в пять часов утра в верхней части села в небо взвилась красная ракета. Затем войска, призванные защищать Нуведи, начали покидать село.

Сельчане диву даются, в тревоге спрашивают у солдат, которых долгое время привечали, кормили, ничего не жалея:

– Куда же вы?

– Таков приказ.

Отчаявшиеся сельчане были вынуждены покинуть село и устремиться к железнодорожной станции вблизи границы с Ираном.

Отметим, что у сельчан, памятующих о прошлом, были кое-какие запасы оружия. Под предлогом объявленного в районе ЧП военные начальники «сообщили о предстоящем изъятии оружия». Напуганные нувединцы попрятали свое оружие у родственников и знакомых в Зан-гилане. Сельчане остались безоружными. Армяне по мере исхода нувединцев, двинулись вперёд, открывая огонь. Через три дня, 11 августа, после того, как азербайджанцы покинули село, В.Поляничко вызвал к себе на Сыгыртскую заставу нувединских аксакалов, а также упомянутых выше директора и завуча школы Джалала Алиева и Ази Мусаева. Там же, на заставе, были представители армянской стороны, которые ультимативно потребовали: разместить в Нуведи 57 армянских семей, создать милицейский пост во главе с начальником Мыгрынского райотдела внутренних дел. Принять такой ультиматум было невозможно.

Таким образом около трёх лет мужественно отбивавшиеся нувединцы были вынуждены разделить участь беженцев.

8 августа 1991 года последнее азербайджанское село было оккупировано армянами, носителями идеи «Армения без турок». И все это на фоне равнодушия руководства Азербайджана.

В действительности Нуведи стало началом будущих мучений и страданий азербайджанского народа. Шуша, Лачин, Кельбаджар, Агдам, Физули, Джабраил, Кубатлы, Зангилан… – все это было продолжением нувединской трагедии.

Из рассказа Маила Аманова, депутата Верховного совета Армении 1985-1990 годов, кавалера ордена «Знак Почёта», возглавлявшего нувединский колхоз, защитившего кандидатскую диссертацию в Иреванском институте сельского хозяйства:

«…22 ноября 1988 года я участвовал в известной сессии Верховного Совета Армении как единственный депутат от азербайджанцев. В работе сессии участвовал и Аркадий Вольский. В ходе сессии Михаил Горбачёв позвонил первому секретарю ЦК Компартии Арутюняну и Вольскому. Последний, выступая на сессии, передал приветствие Горбачёва депутатам и армянскому народу: «Горбачёв просил довести до вас, что не оставит армянский народ в беде, армянский народ с нами, мы всегда будем его защищать».

В своем выступлении Вольский также сказал, что мы не останемся безучастными к создавшемуся положению относительно армян в Баку, Гяндже, Нахчыване, призовем их (т.е. азербайджанцев) к строгому ответу.

После переговоров Арутюняна и Вольского с Горбачёвым они направили районных руководителей в районы и села с четким заданием – изгнать из районов и сёл азербайджанцев».

Об антиазербайджанской позиции Вольского неоднократно сообщалось тогдашнему руководству Азербайджана. Несмотря на это, Вольский был избран депутатом Верховного Совета СССР от нашей республики.

Нувединец академик Фикрет Алиев вспоминал: *«После событий 1988 года Азербайджан сотрясали политические катаклизмы, и по мере этого ситуация усугублялась. Депортация азербайджанцев из Армении и беспомощная власть Везирова еще больше усугубили положение. В силу этого народ был вынужден сам защищать себя. В этот период создавались различные общества. Часть из них была движима личными интересами, жаждой поживиться, а другая часть исходила из искреннего стремления рассеять чёрные тучи, сгустившиеся над Азербайджаном, и в меру возможности облегчить бедствия нации.*

Осенью восемьдесят девятого года железная дорога из Мыгры в Нахчыван была закрыта, и Нахчыван оказался в полной блокаде. Тогдашнее руководство словно желало этого, заняв позицию стороннего наблюдателя.

В Нуведи тоже положение было крайне тяжелым. Был создан «Нувединский комитет». Мы полагали, что, поддерживая связь с ними, сможем утрясти наши дела. С комитетом была проведена существенная работа. Но целеустремленная провальная деятельность тогдашних правителей уже делала своё дело: «разделяй и властвуй»... Мы обращались ко многим ответработникам, никто практически не помог нам.

После многих трудностей удалось организовать защиту Нуведи нахчыванскими частями КГБ. Но уже через некоторое время эти военнослужащие КГБ стали учинять различные диверсии в селе, грозиться, что перестанут защищать сельчан, и открыто усердствовали в изгнании нувединцев.

Я отправился в Москву на приём к тогдашнему председателю Верховного Совета СССР Лукьянову. Меня принял его помощник Александров. Когда я рассказал ему о дискриминации со стороны советских солдат в Нуведи, которые мучили народ, он взъелся: «Это армянские земли, чего вы хотите, убирайтесь!» И пригрозил мне арестом.

Вернувшись в Баку, я узнал о прибытии в столицу Азербайджана российского депутата Шабата, который задался целью вернуть на свои исконные земли нувединских беженцев, ютившихся в палатках в зангиланском селе Вежнали.

Я направился к визитёру из Москвы, чтобы выяснить его цели. Подходя к дверям его комнаты, я услышал международный телефонный разговор и прозвучавшее имя «Зорий» (ясное дело, собеседником был небезызвестный Зорий Балаян). Они договаривались о зав-

трашней встрече. Узнал, что над группой, направлявшейся в Вежнали, нависла угроза попасть в заложники. Я понял уже бессмысленность поездки группы туда, отсоветовал. После этого я решил отправиться в Нахчыван, к недавно избранному председателю Верховного Меджлиса автономной республики Гейдару Алиеву. В аэропорту была суматоха, неразбериха. Билеты не достать. С трудом дозвонился до Гейдара Алиева, объяснил ситуацию. В тот день у нас состоялось четыре телефонных разговора. Гейдар Алиев отправил вертолётом напрямик в Вежнали десять солдат, прибывшего из Москвы телерепортёра и своего представителя, обеспечив защиту людей.

Из Нахчывана поступала материальная помощь, оказывалась моральная поддержка нашим обездоленным собратьям»...

***

В детстве я наслышался преданий и стихов о пребывании легендарного Кёроглу в наших мыгрынских краях.

Более того, я застал живых свидетелей, хранивших память о том, что другой народный герой, Гачаг Наби (реальное историческое лицо), проезжал с отрядом своих людей через наши места, остановился на околице в нагорной части Маралземи и отправил двух верховых к семейству своего друга, Султана-юзбаши, за съестными припасами; Султан-юзбаши отсутствовал, моя бабушка Зийнят-ханым поручила честь по чести приветить и угостить знаменитого Гачага Наби и его товарищей, закололи трёх барашков, несколько аксакалов накрыли на лужайке щедрые столы. Наби, узнав об отсутствии хозяина, огорчился, что Султан-ага в отъезде (уехал в Горис), сожалел, что гостевать приходится без друга. Там шашлыки нанизывал на шампуры и жарил мясо, обслуживая гостей, подросток по имени Бедел; по прошествии ста десяти лет, уже убеленный сединой, аксакал Бедел-киши поведал мне эту историю; при том давнем гостевании он догадался, что легендарный Наби знаком накоротке с моим дедом…

Спустя несколько дней Султан-юзбаши вернулся из Гориса очень расстроенный и хмурый. Бабушка моя, его супруга, спросила, в чём дело; оказалось, что его друга Мехти армяне вероломно убили в Гарчиване (в некоторых источниках пишется «Гырчеван»).

До середины XIX века этот топоним обозначался «Гырчеван» и так же, как Девеземи, эта территория была азербайджанским тюркским населённым пунктом.

Исследователи Ахмедали Алиев и Исмаил Алиев в этой связи отмечают: «До заселения армянами село между железнодорожной станцией Мыгры и Ордубадом именовалось Гырциваном (Гырхциваном). В этом селе был предательски убит армянами брат Гачага Наби – Мехти... Об этом селе писал в очерке «Джамал» знаменитый азербайджанский романист Мамед Саид Ордубади».

Легендарный Гачаг Наби проезжал на коне через горную гряду Маралземи после побега из заточения в каземате Гориса. Этот каземат сохранился и поныне – там находится тюрьма. В 1970 году я отправился в путь с целью увидеть этот исторический объект. Пришлось преодолеть чиновные препоны, но учли мой писательский статус, и со скрипом, но пустили.

Однако начальник тюрьмы, угрюмый тип, шовинист, антиазербайджанский настрой которого был написан у него на лице, упёрся: дескать, Наби не содержали в этом каземате, это выдумка. Я настаивал, но тюремный цербер был непробиваем. Как только я вернулся в гостевой дом, позвонил знакомому, министру МВД Армении Владимиру Дарбиняну, национализм которого явно не прочитывался. Так или иначе, он сделал «втык» тюремщику, тот засуетился, позвонил мне в гостевой дом и предложил заехать на машине за мной…

А мне надо было увидеть камеру, где томился Наби! Показали камеру. Мол, она самая, все сохранено, как есть.

Тюремный начальник ахал и охал, каким же образом Наби удалось отсюда совершить побег?

Поскольку речь идёт о древнем Мыгры, о седых краях, горном приволье, я не могу без

горечи и боли вспоминать о заветных уголках, обезлюдевших и осиротевших на исходе минувшего столетия.

Люди приходят в мир и покидают его. Остаются горы. Стареют и горы, провожая поколения, проходящие через их лоно.

Когда испытываешь ностальгическую боль по родным краям, возвращаясь в детство, к первоистокам, – кажется, что эти горы и долы, родники, деревья, скалы и валуны, речушки и перекаты знают и помнят тебя… И таят молчаливую обиду за долгую разлуку…

И мысль об этой затаённой обиде родных обезлюдевших очагов не покидала меня, где бы я ни был, куда бы ни уводили пути-дороги. Это ощущение выплёскивалось в стихи.

Однажды, сев в попутную машину,
В душе печаль, надежду затаив,
Махну туда, где горную теснину
С подолья видит отчая земля.

Меня приветит наша ребятня,
Поднявшая восторженный галдёж.
Потом смекнут, глазея на меня:
На городского дядя не похож.

Узнает, может, аксакал тогда,
Чей стан года согнули пополам.
– Вам магарыч за весточку! Айда!
Худуша сын пожаловал к нам!

Тогда я и представить себе не мог, что родные края – и звонкий Мыгры-чай, и крутогорье Маралземи, и эйлаг Танрыгулу, и валун Гюльшах, и родник Шакярали, и одинокий Можжевельник, и ущелье Джавада, и Ореховая роща, и многое-многое другое, с чем я расставался прежде с лёгким сердцем, с воодушевлением, – превратятся в реальную сказку, печальную песню, баяты в сердце моём, и что по мере физического отдаления будет усиливаться притяжение духовное, и рождающиеся строки станут хрупким мостом, тоненькой нитью между отчуждением и кровной связью и родством…

***

Когда я начал работать в Иреванском театре (1968), репертуар состоял всего-навсего из трёх азербайджанских пьес. С 1978 по 1982 год и позднее на наших афишах появилось 27 названий спектаклей, которым была суждена долгая жизнь!

Сведущие в театральном деле знают, что сохранять в репертуаре двадцать семь пьес подчас не под силу даже академическим театрам. Все болели душой за наш театр – от актёра до осветителя, от постановщика до гримёра… Эта коллективная сплочённость и энтузиазм преодолевали все – и отсутствие стационарного помещения, и неудобства «походной» жизни, и нехватку дублирующего состава.

Лицо театра определяется репертуаром, а уровень – художественной ценностью сценических воплощений.

И сегодня немало театров, которые гонятся за зрителями. То и дело слышим: «На этом спектакле хорошая посещаемость». Спрашивается, чем вызван этот поток зрителей? Их тягой к содержательной драматургии, мастерству игры или любовью к «развлекаловке», к пустопорожнему лицедейству? В первом случае – браво театру, а во втором – будет лучше, если зритель посидит у себя дома и посмотрит какую-то интересную передачу по телевизору.

Конечно, театр живёт для зрителя. Прекрасный спектакль, даже шедевр при пустом зале – никому не нужен. Вспоминая годы работы в театре, репертуар тех времён, я рад, что

мы не гнались за дешёвым успехом и аплодисментами, не потакали вкусам зрителя с низким уровнем. Театр должен не идти за зрителем, а вести его за собой.

Театр наш развивался по восходящей. Начали мы с серьёзной драмы Ш.Курбанова «Без тебя» (пусть даже потерпели неудачу!), затем взялись за трагедию Дж.Джаббарлы «Айдын», далее обратились к национальной драматургии и мировой классике. Поставили «Бесприданницу» А. Островского, «Всё хорошо, что хорошо кончается» У. Шекспира. «Бесприданница» в закавказских театрах давно не ставилась. А шекспировская пьеса была почти забыта (только в 1948 году ставилась московским «Новым Театром», но без успеха).

Зная эту предысторию, мы приступили к работе: создали спектакли, привлекшие внимание общественности и специалистов в Ереване. Причём наш пример сослужил добрую службу: Армянский академический госдрамтеатр обратил внимание на названную шекспировскую пьесу, имея солидные традиции в сценическом воплощении произведений английского классика. Правда, позднее пьеса «Всё хорошо, что хорошо кончается» сошла со сцены армянского театра. Наш спектакль был плодом неустанных поисков и вдохновенного труда исполнителей и прожил дольше. Я переводил это произведение на азербайджанский язык с любовью, дорожа каждой интонацией, колдуя над каждым словом. Классика в нашей интерпретации обретала современное, злободневное звучание: «Молла Ибрагим – алхимик» Мирзы Фатали Ахундова резонировал с мифотворчеством советской пропаганды, вызывал смех у публики.

На нашей сцене играли пьесу Александра Гельмана «Наедине со всеми», поставленная ранее во МХАТ и встреченная в штыки идеологическими надзирателями.

На афишах мы обозначали пьесу как «трагедию» – жанр, не уживающийся с советской идеологией. Ведь по социально-экономической концепции социализма в этой системе, якобы, вообще не могло быть трагедии.

Впервые за годы моего директорства в театре сотрудники КГБ Армении явно заинтересовались нашей новой постановкой: явились трое высокопоставленных сотрудников (один из них был молодой офицер Эльхан Ибрагимов, кстати, переведенный на работу в Ереван из Баку), которому было присуще чувство национального достоинства. Они устроили закрытый просмотр (двое других офицеров также знали азербайджанский), переговорили, судили-рядили, в конце концов заключили: «Такие постановки нужны».

После пьесы А. Гельмана мы взялись за постановку драмы Наримана Гасанзаде, посвящённой выдающемуся государственному деятелю и литератору Нариману Нариманову. Патриотический пафос и заряд драмы не мог не всполошить иреванских наблюдателей, которые начали вставлять нам «палки в колёса». Мы выдержали этот натиск. Режиссёр Гусейнага Атакишиев поставил впечатляющий спектакль! Актёр Шамиль Демирчиев создал живой, привлекательный образ главного героя.

Репертуар театра обогатили другие постановки – «Зачем ты живёшь?» Имрана Касумова и Гасана Сеидбейли, «Лето в городе» Анара, «Да будет праздник в каждом доме» Мара Байджиева, «Жизнь ожидает нас» Нахида Гаджиева, драма Мустафы Искендерзаде «Кто тебя позабудет?» (о жизни Микаила Мушфига), трагедия «Счастье, где ты?» Георгия Хагаева…

Вышестоящие инстанции назначили ежегодные «пропорции» в репертуаре: два произведения азербайджанского автора, одно – армянского, ещё одно – из российской, советской или мировой драматургии.

В 1970 году наш театр удостоился почётной грамоты ЦК КП, Верховного совета и правительства Армении. Вручавший её народный артист, видный режиссёр, председатель театрального общества республики Грачья Капланян не скрывал своего изумления:

– Вы – декабристы! Я желаю такой же преданности искусству каждому театральному коллективу!

Капланян говорил эти слова с разных трибун – на заседаниях Театрального общества, встречах с театральными коллективами, коллегиях Министерства культуры:

– Они поразили меня. Они декабристы!

***

Сколько раз Иреванский театр побывал с гастролями в Тбилиси, Борчалы, Гараязы, Баш Кечиде, я не помню. Но пред моими глазами стоят переполненные залы, бурные овации, цветы, раскиданные по сцене, праздничная радость на лицах зрителей…

В те годы в Грузию с гастролями выезжал только Иреванский Азербайджанский театр, и мы более других чувствовали тоску наших соплеменников по театру! Потому что мы сами несколько лет назад тосковали по нашему закрытому театру.

Явно чувствовалось, что здесь когда-то был очень сильный театр, люди получали удовольствие от сценических представлений, сформировался зритель, понимающий театр. У меня был разговор на эту тему с министром культуры Грузии, композитором Отаром Тактакишвили. Батоно Отар был выдающимся деятелем искусства, народным артистом СССР, лауреатом Ленинской премии, трижды лауреатом Государственной премии СССР. Любой представитель искусства мог бы гордиться такими званиями и регалиями. Но он был простым и скромным человеком. У нас с ним были хорошие отношения.

Во время приездов в Иреван на всесоюзные мероприятия и торжества Отар Васильевич не забывал позвонить мне как доброму знакомому, мы встречались на этих форумах, в кругу высокопоставленных лиц, и министр культуры братской республики не скрывал своего тёплого отношения к директору театра и азербайджанскому писателю. Подчеркнутая симпатия высокого гостя не ускользала от внимания армянских коллег и, как я чувствовал, вызывала у них ревность. Говорили, что у Гидаята Оруджева два основных министра: Рауф Гаджиев (позднее – Закир Бакиров) и Отар Тактакишвили. Отар Васильевич с истинно грузинским темпераментом называл меня «мой молодой азербайджанский друг».

Я заслужил его благорасположение, как он сам говорил, своей искренностью, любовью к Грузии и грузинской культуре. Батоно Отар обещал мне посодействовать восстановлению Азербайджанского театра в Тбилиси. Об этом мы мечтали, сидя в зале этого театра, превращенного в Дом народного творчества, с Айдыном Замановым, замдиректора этого дома творчества, отец которого работал ранее директором Тбилисского Азербайджанского театра, позже закрытого. Эта же идея занимала нас с Сулейманом Сулеймановым, заместителем редактора, затем главой редакции газеты «Совет Гюрджистаны», депутатом парламента Грузии. Кстати, Сулейман внёс большой вклад в развитие нашей литературы и культуры в соседней стране и поныне продолжает эту миссию.

Ещё один создатель духовных мостов между нашими народами – молодой талантливый поэт и переводчик Имир Мамедли, лауреат государственной премии Грузии. Я знаком с ним со времён его литературного дебюта. Он писал стихи и на грузинском языке – факт весьма примечательный!

А в центре Тифлиса действовал армянский театр! В чем дело? Может, армяне любят грузин больше, чем мы? Мы даже свои тифлисские спектакли, в основном, показывали в этом здании.

Батоно Отар мне говорил, что он поднимал вопрос о восстановлении в Тбилиси азербайджанского театра, но и в министерстве, и в ЦК твердят, что, дескать, у этого театра не будет зрителей…

Я отвечал, что на спектакли нашего театра народ валом валит…Может, мне сделать фотографии и вы покажете им?..

Да, я с детства обожал Грузию, грузинскую литературу, гордился известными грузинскими футболистами (Месхи, Метревели, позднее Хурцилава, Урушадзе, Кипиани, Гуцаев, Шенгелия…), не уставал в присутствии армян хвалить грузинские фильмы (армянские националисты не переносили грузин).

Откуда эта любовь?

Это на уровне подсознания! Это интуиция!

Я уже в детстве подсознательно, видимо, чувствовал, что в будущем буду бесконечно любить грузинский народ, его культуру. Вот почему мое искренне теплое отношение к со-

седней стране вполне естественно, и когда я жил и работал в Ереване, я не скрывал своей любббви.

Любовь к Борчалы, Тифлису, всей Грузии жила в моей душе всегда. В дальнейшем в связи с моей служебной деятельностью я еще глубже узнал этот край. С известными мастерами грузинской литературы – Гурамом Панджикидзе (светлая ему память), Тамазом Чивчивадзе, Джансугом Чарквиани и другими мы обсуждали широкий круг вопросов.

Неслучайно ведь крупный политик и государственный деятель Эдуард Шеварднадзе на торжествах в Баку, посвящённых 80-летию со дня создания Азербайджанской Демократической Республики, говорил: «Всем известна личная дружба достойных и выдающихся сынов наших народов. Будет уместно отметить дружеские взаимоотношения М.Ф.Ахундова и Акакия Церетели. Эта традиция продолжалась и в тяжелые для наших народов периоды. Самед Вургун и Георгий Леонидзе, Гидаят Оруджев и Гурам Панджикидзе – яркие продолжатели этой прекрасной традиции».

Гурам покинул наш мир – ушёл в вечность. Его семидесятилетие отмечалось без него. Я отправил участникам юбилейного вечера письмо. И насколько мне известно, только оно было озвучено на этом грандиозном мероприятии.

***

В 1977 году наш театр в Ереване по формальному календарю должен был отметить десятилетие своей новой истории – прерванной по непонятным мотивам сразу после войны.

Однако десятилетних театров-именинников на свете можно найти множество, и такие мини-юбиляры напоминают первоклашек, ещё не определившихся в жизни, не выбравших своего пути. Между тем Азербайджанский театр в Ереване своими успехами и сценическими удачами преемственно был связан с традициями национального театрального искусства, и эти традиции уходили в историческую давность.

И когда руководство министерства культуры Армении заинтересовалось этим вопросом, мы, не готовившиеся отмечать десятилетие, ориентировочно начали отсчёт возраста театра с двадцатых годов и сообщили, что необходимо юбилейное торжество посвятить 50-летию госу-дарственного театра…

Это предложение, разумеется, было неожиданным и поставило руководство в тупик. Это меняло масштабы резонанса предстоящего события: 50-летие государственного театра предполагало длительный путь развития, исключало возможность создания нового театра «на пустом месте», без накопленного опыта и потенциала. Если отмечать полувековой юбилей театра, то нужно будет перелистать историю азербайджанского театра в Армении, донести это до общественности, и станет ясно, что наши соотечественники очень и очень давно создали в Западном Азербайджане – на своей историко-этнической земле – большую культуру, что наше искусство до создания Государственного театра прошло длинный и интересный путь развития. Государственный театр на пустом месте создать невозможно, и чтобы завоевать этот статус, культура должна подняться на определенный уровень. Об этом знали и в ЦК, и в Министерстве культуры республики. Поэтому сразу начались претензии, что это новый театр, создан в 1967 году после длительной паузы и т.д.

Я был готов к таким отговоркам – «пауза», на которую ссылались кабинетные начальники, заключала в себе манипуляции с театром, в 1947 году переведенного в Басаркечарский (Варденисский) район, то есть, пониженного в статусе, а затем преобразованного в Азербайджанский народный театр в Зангибасарском (Масисском) районе. Новый театр, согласно решению правительства, был создан на базе этого театра, то есть история азербайджанского театра в Армении за последние 50 лет не прерывалась.

Аргументы и факты были обоснованны, логичны.

Они за долгие годы работы изучили мой характер и знали, что в принципиальных вопросах я не уступчив, начатое дело умею доводить до конца.

Но «добро» не дали, высокопоставленные оппоненты обязали меня подготовить об-

стоятельную аргументированную справку о пути театра им. Дж.Джаббарлы и представить её в ЦК. Мне не пришлось рыться в архивах, я долгие годы интересовался историей театра, и множество документов, опубликованных статей, буклетов, книг и других материалов на эту тему было у меня под рукой. К тому же в свое время я бывал в архивах, листал публикации на азербайджанском, русском, армянском языках. Так что все было готово.

Перелистывая ту справку, а вместе с ней – свою память, полную интересных фактов, я пришел к выводу, что вехи истории нашего старинного театра могут быть интересны и сегодняшнему читателю.

***

Наш Иреванский театр, являвший собой привлекательную сцену и трибуну нашей национальной культуры, проступает сквозь ещё не остывшее пепелище тысячелетнего бытия, оставшегося в Армении, подобно легендарному Фениксу.

Без существования наших предков, вне их духовного бытия, высокого уровня развития такой театр не мог бы возникнуть, жить и иметь обратную связь с народом. Азербайджанский театр в целом начинался с любительских трупп, прежде чем достичь профессионального уров-ня сценического искусства. История этого театра должна быть внимательно и с любовью перелистана, славный путь этого очага искусства, перешагнувшего свое 135-летие, должен быть с уважением и по достоинству оценен.

Точных сведений о «первой постановке» у нас нет; но информация о втором спектакле достоверно известна: 2 апреля 1882 года в зале Иреванской женской гимназии Гаяняна азербайджанскими любителями театра был поставлен спектакль – трехактная комедия «Жадность навлечёт врагов».

Выходящая в Иреване газета «Псак» («Венец») за 10 апреля того же года в обширной статье о спектакле писала: «Авторы пьесы – Мешади Исмаил и Васак Мадатов. В роли Мешади Фараджа выступил Назми, в роли Мамедгулу – Халил Гаджиев, в роли Фатали Мирзы – Рустам Аббасгулуханов. Спектакль во второй раз сыгран на языке азербайджанских тюрков…»

Произведения Мирзы Фатали Ахундова в Иреване читали и армяне. Драматургия Ахундова стала альфой и омегой Иреванского театра.

Наджафбек Везиров в 1875 году в Иреване написал комедию «Картина домашнего воспитания». В 80-90-х годах девятнадцатого столетия была издана книга Рагима Халилова о представлениях «шабих» (мистериях). В ряду спектаклей того периода – «Брак поневоле» Т.Рзаева, «Мусье Жордан и дервиш Мастали-шах», «Незримая шаль», «Гырт-гырт», «Ревизор», «Кровавый очаг», «Вэтэн», «Гаджи Кара», «Из огня да в полымя», «Вечерний чих – к добру», «Дурсунали и баллыбады»…Все это – неопровержимые факты, свидетельствующие о широком репертуаре, богатом опыте театра.

На стыке XI – XX веков неоценимую роль в развитии общественной мысли и истории нашей культуры сыграли самоотверженные подвижники Мирза Гадим Иревани, Мирза Исмаил Безми, Фирудин-бек Кёчарли, Джалил Мамедкулизаде, Джаббар Аскерзаде, Аббас Мамедзаде, Али Мехзун, Гашимбек Нариманбеков…

Азербайджанский театр в Иреване формировался в русле наших национальных традиций сценического искусства, на этой почве рос и развивался. Конечно, в профессиональном становлении Иреванского Азербайджанского театра благотворную роль сыграла связь с выдающимися мастерами сцены Азербайджана. В 1909 году в Иреване с аншлагом прошли спектакли «Несчастный юноша» (Н.Везиров), «Надир-шах» (А.Ахвердиев), «Лекарь поневоле» (Мольер) с участием прибывших на гастроли прославленных актёров Г.Араблинского, С.Рухуллы, И.Агаева, Дж.Багдадбекова, восхитивших зрителей, а также молодых актёров-любителей Иреванского Азербайджанского театра. В 1911 году эту традицию продолжили в Иреване Мирзага Алиев, Геярчин ханум, Зульфигар Гаджибеков. Эти неразрывные связи продолжались на протяжении всей истории Иреванского Азербайджанского театра.

В 1910-1917 годах выросла новая смена местных артистов – Мехти Кязимов, Юнис Нури, Меджид Раджабов, Асифбек Шафибеков, Али Махзун Рагимов, Мир Аббас…

В 1913 году Али Рагимов с Аскером Ахундовым учредили «Иреванскую драматическую компанию», которая поставила спектакли «Кто виноват?», «Любимое чадо», «Не стучи в дверь мою – постучатся в твою», «Лекарь поневоле», «Не та, так эта», «Несчастная семья», «Брак поневоле», «Разорённое гнездо», «Кузнец Гяве». А.Наджафов, М.Марданов, М Кирмяншахлы, Тарлана ханум сыграли в этот период спектакли «Мертвецы», «Несчастный юноша», «Аршин мал-алан, «Асли и Керем». Араблинского под бурные аплодисменты неоднократно вызывали на сцену.

...Приведённые факты говорят о богатой истории Азербайджанского театра в Иреване.

В упомянутой выше справке акцент делался на освещение последних пятидесяти лет в деятельности театра, который всегда являлся частью общеазербайджанской сцены, подарившей ей талантливую плеяду артистов, режиссёров, театральных художников.

С другой стороны, наш театр установил творческие связи с коллегами из других республик и внёс весомую лепту во взаимообогащение сценической культуры. В начале тридцатых годов на сцене театра блистал яркой игрой выдающийся азербайджанский актер Кязим Зия, как режиссер сыгравший значительную роль в профессиональном развитии коллектива.

С нашим театром связано творческое восхождение таких мастеров сцены, как народный артист СССР Исмаил Дагестанлы, народный артист Азербайджана и заслуженный артист Армении Али Зейналов, заслуженный деятель искусств обоих республик Бахши Калантарли, заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Ашраф Кулиев, заслуженные артисты Атая Алиева, Имамверди Багиров и другие.

Свою творческую судьбу с нашим театром навсегда связали заслуженные артисты Армянской ССР Мамедбагир Караханов, Зарик Терян, Юнис Нури, Али Шахсабахлы, Нварт Алиханова, Джамиль Алиев, Абасгулу Тагиев, молодая смена театра – Шамиль Демирчиев, Тамилла Абдуллаева, Мариэтта Керимова, Эльмира Исмайлова, Видади Алиев, Айдын Алиев, режиссёр Тофик Агаев…

Известные армянские режиссеры, актеры, театральные художники и композиторы были связаны с Азербайджанским театром в Иреване. На его сцене осуществляли интересные постановки известные армянские режиссёры Л.Калантар, А.Гулакян, В.Вагаршян, А.Бурджалов, В.Вартанян, В.Аджемян, А.Григорян, в ряде наших спектаклей выступали такие мастера сцены, как В.Папазян, Г.Нерсесян, Г.Абелян, А.Аветисян.

Значимое место в репертуаре занимала азербайджанская и армянская классическая драматургия (М.Ф.Ахундов, Г.Сундукян, Дж.Мамедкулизаде, А.Ширванзаде, А.Ахвердиев, Н.Везиров).

В разные годы театр смело обращался к произведениям русских и европейских классиков: «Отелло» (Шекспир), «Лекарь поневоле» (Мольер), «Без вины виноватые» (Островский), «Платон Кречет» (Корнейчук) и др. Наш театр в Иреване, начавший действовать в 1928 году, с 1935 года носит имя основоположника азербайджанской советской драматургии Джафара Джаббарлы. Его творения – «Севиль», «В 1905 году», «Яшар», «Айдын», «Невеста огня» составляли основу репертуара театра. Наш репертуар расширяли лучшие образцы советской драматургии (произведения С.Вургуна, М.Ибрагимова, С.Рустама, Г.Мдивани, С.Рахмана, И.Касумова, А.Макаёнка и других авторов).

В репертуаре нашего театра всегда подобающее место занимала армянская драматургия. Театр, с одной стороны, знакомил своих зрителей с лучшими произведениями классической и современной армянской драматургии, с другой стороны, широко пропагандировал среди армянского народа азербайджанскую драматургию.

Поскольку театр имени Дж.Джаббарлы был в Армении единственным профессиональным азербайджанским театром, то в его репертуаре всегда были музыкальные комедии и оперетты.

***

Мы выше упомянули о чиновнических манипуляциях со статусом нашего театра, в сентябре 1949 года переселённого из столицы Армении на периферию, в Басаркечарский (Вар-

денисский) район республики. По различным причинам основной часть труппы не смогла переселиться на новое место работы (А.Шахсабахлы, Н.Алиханова, А.Алиева, Дж.Алиев и др.). Возникли такие сложные проблемы, как новое комплектование труппы, соответственно, перестройка репертуара и др.

Кроме того, если учесть, что в Басаркечарском районе, расположенном далеко от Иревана, театр создавался впервые, а помещение районного ДК, где разместился театр, функционально не отвечало требованиям театра, то можно наглядно представить трудности и проблемы, с которыми столкнулось руководство театра – директор и главный режиссер Б.Калантаров. Но надо отдать им должное – оба они с честью вышли из этого испытания.

Достаточно сказать, что в начале пятидесятых годов в репертуаре театра значились новые спектакли – «Айдын», «Вагиф», «Вешние воды», «Добро пожаловать» (Сабит Рахман) и другие пьесы. Ядро труппы составляли переехавшие из Иревана актеры (Караханов, Тагиев, Мамедова, Мамедов и другие), появились и новые имена (М.Агаева, М.Фарзалиева, Ахмедов, Джафаров и другие дебютанты).

Два года (1950 – 1951 годы) театр обслуживал местную азербайджанскую публику – это было население приозерного региона, жившего в окрестностях легендарной Гейчи (Севана). Театр в прямом смысле слова вошел в жизнь народа.

Но в 1951 году театр по неизвестным причинам был вынужден прервать свою деятельность. Однако наши зрители в Армении не остались без театра. Энтузиасты сцены обосновались в посёлке Тезе-Ареш под Иреваном, в Зангибасарском районе. «Перемена декораций» – мы уже именовались «народным театром» – не отражалась на содержании сценического общения со зрителем. А зрителем был наш народ! Помимо стабильно действующего состава, имевших почётные звания режиссёров – А.Шахсабахлы, Б.Калантарлы, заслуженного артиста республики М.Караханова, А.Алиева, Дж.Алиева, Ш.Алиевой, Г.Исмайлова и других, в ряде спектаклей этих народных театров выступали также не потерявшие связь с родным коллективом Зарик Терян и Нварт Алиханова, работавшие штатно в армянских театрах.

Зангибасарский народный театр (позднее стал называться Разданским) в 1956 – 1966 годах обогатил репертуар за счет произведений азербайджанских драматургов, подготовил также несколько музыкальных комедий. При всей воодушевлённой энергии и энтузиазме, любительский коллектив не мог функционировать в качестве профессионального театра. Поэтому в республике ощущалась острая необходимость в возрождении Азербайджанского государственного драмтеатра.

Это событие произошло в 1967 году.

В старом Иреване стали заполняться новые страницы жизненной летописи Азербайджанского театра.

…Всю изложенную выше информацию я зафиксировал в справке, представленной в ЦК, в министерство культуры Армении. Долго судили-рядили, по многу раз автору этих строк пришлось участвовать в жарких дебатах.

Наконец мне поручили составить проект письма в ЦК на двух страницах от имени министра культуры республики. Это было показателем полного согласия и, как они говорили, доверия и уважения ко мне. Проект был подписан почти без корректив. Итак, настал конец этой бюрократической эпопеи! Бюро ЦК КП Армении приняло постановление: отметить 50-летие Азербайджанского драмтеатра в Иреване в республиканском масштабе!

14 апреля – в день рождения театра – республиканские газеты опубликовали указ о награждении нашего театра Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Армянской ССР. Торжественный юбилейный вечер был назначен на 29 июня.

В печати обеих республик широко публиковались материалы о нашем театре, на радио и телевидении готовили передачи с обширной программой.

Радости нашего коллектива не было предела, стали забываться тяжесть и горести пройденного тернистого пути.

***

Не думайте, что пройденные нами дороги всегда были гладкими. Чтобы воплотить задуманное в жизнь, убедить всех в своей правоте, мне часто приходилось сталкиваться с должностными лицами разного уровня, вступать в споры, а когда надо – стучаться в двери тех, кто сидит повыше.

В повести Вардгеса Петросяна «Последний учитель» выведен отталкивающий тип опасного партийного функционера – Канканяна, ответственного работника райкома партии. По должности он не опасен. Опасны были его убеждения, взгляды.

Мне довелось столкнуться в жизни со многими подобными типами, расскажу об одном. По занимаемой должности он тоже не был опасен (секретарь Иреванского горкома партии по фамилии Степанян курировал идеологию, теперь, кажется, занимает более высокую должность), но был опасным по убеждениям, взглядам, идеям.

И вот однажды звонит мне инструктор горкома, мол, тебя вызывает товарищ Степанян.

– С чего это?

– Интересуется театром.

Инструктор был со мной на короткой ноге, поэтому засмеялся и добавил: «По правде говоря, пусть это останется между нами, да и что он может решить…»

Я явился на приём. И увидел холодное выражение на лице партийного секретаря. Я начал с проблем театра. Хозяин кабинета нажал на кнопку селектора, кому-то что-то поручил, похоже, не слушая меня, не считая нужным извиниться, что отвлекается, через несколько секунд снова, подняв трубку, произнёс несколько фраз, совершенно не относящихся к теме разговора, хохотнул и дал отбой (инструктор, сидевший напротив меня, испытывая неловкость, залился краской). Смех секретаря прозвучал декоративно-холодно и истаял как мыльный пузырь. Как только он поднял трубку, я перестал говорить. Когда он положил трубку, я снова молчал.

– Так… Говорят, вы приняли на работу двух актёров, не прописанных в городе Ереван?

– Да, это так… Я только что вам говорил о жилищной проблеме… Эти актёры – выпускники Азербайджанского института искусств. Пришли в наш театр по запросу министерства культуры Армении, по направлению института. Мы их приняли на работу, направили их документы в паспортный стол, чтобы они прописались в нашем общежитии. Через месяц их прописали. Здесь ничего незаконного не было.

– Месяц жить и работать в Ереване без прописки? Если каждый начальник сначала будет принимать человека на работу, а после прописывать… тогда Ереван раздуется, и до каких размеров? И на периферии людей не останется…

– Они не с периферии прибыли, а из Баку. Мы обязаны принимать на работу молодых специалистов, прибывших по направлению. Во-вторых, театр уже одиннадцать лет не получает квартир… Этот вопрос должен больше тревожить вас… Кроме того, театру нужна, как воздух, молодая смена. Что же тогда нам делать? Закрыть, что ли, театр?

– Надо будет – и закроем, – секретарь побарабанил пальцами по столу.

– Сейчас театры новые открывают, секретарь, а не закрывают! А этот театр был открыт не по вашей милости, чтобы вы его закрывали! – я еле сдерживал себя, чтобы не сказать более резкие слова.

В этом месте разговора секретарь воистину выглядел как опасный тип:

– Вы забываете, где находитесь. Вы должны знать и то, на каком языке разговариваете! – секретарь ударил кулаком по столу.

– Я нахожусь в горкоме партии и разговариваю на армянском языке, – я собирался встать.

– Мы говорим на языке партии.

– Ваш язык – это не язык партии, у вас не хватит сил говорить на этом языке, – я выговорил это уже стоя.

– Кто вам разрешил встать?

– Я не солдат того бедного лейтенанта на военном учении… – Конечно, из сказанного мною секретарь ничего не мог понять, поэтому я уточнил: – Но и вы не похожи на того бедного лейтенанта, вы есть тот самый Канканян!

– Кто такой этот Канканян? – секретарь повернулся к инструктору.

В этом кабинете он никогда не слышал таких слов, не сталкивался с таким поведением, поэтому испугался не на шутку.

– Прочтите хотя бы «Последнего учителя» Вардгеса Петросяна! – сказал я, покидая кабинет.

В приёмной и секретарша, и ожидавшие приёма посетители оцепенели. Очевидно, мой раздражённый голос донесся до них сквозь толстые, обитые кожей двери кабинета. Инструктор, выскочивший следом, догнал меня в коридоре:

– Гидаят Худушевич, прошу вас, вернитесь, попросите извинения…

– У кого?

– У секретаря.

– Я сказал эти слова не для того, чтобы извиниться.

– Знаете… – инструктор понимал, что после моих слов ему тоже попадет, поэтому пытался уговорить меня, – вы честный человек, но вы не знаете, что здесь снимают с должности, исключают из партии секретарей, министров…

– Я не секретарь и не министр, я писатель. Если мой партийный вопрос или вопрос, связанный с моей работой, будет решать он (я показал на кабинет Степаняна), то пусть решает, посмотрим…

Инструктор дрожал от напряжения. Я предложил ему сигарету. Он обрадовался, закурил, видно, подумал, что, покурив, я успокоюсь, и он начнет снова уговаривать…

– Гамлет! – сказал я. – Я никогда не попрошу у него извинения. Он идиот! Так и передай ему!

Попрощавшись, я направился к выходу.

Перейдя через дорогу, из комендатуры ЦК, расположенной напротив горкома, позвонил заведующему отделом культуры ЦК. Завотделом догадался, что звонок вызван чем-то неординарным. Через полчаса я был у него, рассказал о диалоге с секретарём. Завотделом огорчился, испытывая досаду. Поразмыслив, позвонил первому секретарю райкома 26 комиссаров (слово «Бакинских» убрали из названия района).

Завотделом заступился за меня. Добавил, что наш театр – «образец для всех театров города».

Но этот звонок тоже не был последним в этом эпизоде. Завершающая точка была поставлена случайно. Так, по мотивам «Последнего учителя» был поставлен спектакль, который произвел сенсацию из-за поднятых там острых проблем.

Чтобы посмотреть спектакль Иреванского драматического театра, я пошел на одну из премьер.

Во время антракта художественный руководитель театра Г.Капланян, сообщив мне, что В.Петросян тоже здесь, пригласил в комнату за директорской ложей.

В комнате были и другие гости, среди них – тот самый секретарь горкома. Когда он меня увидел, изменился в лице. Разговор шел о спектакле. Секретарь горкома уже видел на сцене Канканяна, но еще не знал о его дальнейшей незавидной судьбе во втором акте.

Автор и режиссёр пригласили меня в ложу, но я отказался под благовидным предлогом. После спектакля Петросян и худрук подвезли меня домой. В машине В.Петросян неожиданно спросил меня о «пикировке» с секретарем.

– А вы откуда знаете?

– Все в городе знают… И ЦК, и горком, и Союз писателей… Тот день и Гурген (имеется в виду министр культуры Г.Аракелян) рассказывал этот случай и смеялся. На самом деле все так было?

Я рассказал все, как было. Оба захохотали, шофер тоже присоединился к ним.

Я спросил:

– Сегодня он сам пришел посмотреть спектакль, или…

– Да что ты, не видел разве, что все руководство города было в зале. Горбатого и могила не исправит. Но он ушел сильно омраченным…

…Позднее эта пьеса была успешно поставлена и в нашем театре. В.Петросян с супругой Сона-ханым посмотрели премьеру. Когда Канканян уходил со сцены, автор пьесы повернулся ко мне:

– Твой герой получился очень удачным…

Играл эту роль Сулейман Наджафов.

Конечно, какие выводы сделал Степанян после просмотра спектакля, я не знаю, однако прощать мне того, что я в его собственном кабинете вывел его на чистую воду, однозначно не собирался. Я чувствовал, что он ищет повод.

Но эту историю уже знал весь город.

***

Полувековой юбилей нашего театра был отмечен более чем сотней приветственных телеграмм в наш адрес.

Актёры А.Тагиев, Ш.Демирчиев были удостоены звания заслуженных артистов Армянской ССР, почётной грамотой Президиума Верховного Совета республики были награждены заведующий музыкальной частью К.Мискяров и зав. постановочной частью А.Бедалов. Я был удостоен почётной званием Заслуженного деятеля культуры Армянской ССР.

Добрые слова в печати адресовали мастерам сцены народный артист СССР Гурген Джанибекян, режиссёр Грачья Капланян. На торжественном юбилейном вечере с участием членов Бюро ЦК КП республики председатель Президиума Верховного Совета республики Б.Саркисов, поздравляя коллектив театра, сказал: «Дорогие братья и сестры, с праздником! Вы уже полвека идёте к этому празднику».

Глава азербайджанской делегации М.Шейхзаманов преподнёс театру дар – портрет легендарного Фархада.

Поздравления и пожелания дальнейших успехов прозвучали в телеграмме от имени министерства культуры СССР, от министерства культуры Азербайджана. «Желаем вам, дорогие друзья, новых творческих вершин во втором пятидесятилетии вашей сценической жизни…» – говорилось в послании Союза писателей Азербайджана. Редакция газеты «Совет Гюрджистаны» в приветственном послании отмечала, что театр «обогащает новыми страницами летопись дальнейшего упрочнения древней дружбы закавказских народов».

Продолжением юбилейных торжеств явились ноябрьские гастроли театра в Баку в 1978 года.

В канун гастролей у нас состоялась обстоятельная двухчасовая беседа с министром культуры Азербайджана Закиром Багировым. Отмечу, что Закир Багиров в ходе наших гастролей оказывал нам всемерную поддержку, за что я с благодарностью вспоминаю о нём.

С глубокой признательностью думаю и о тогдашнем директоре Театра музыкальной комедии Бале Касумове – он предоставил здание театра в распоряжение гастролирующего коллектива (с символической арендной оплатой). Бала Касумов в связи с этим изъял из репертуара своего театра часть спектаклей или же переадресовал выступления.

Мы показали спектакли «Зачем ты живёшь?», «Ещё одна жертва», «Пока любовь живёт на свете», «Сказка близнецов», «Насреддин», «Золотой цеп». Две недели длились гастроли (включая и дневные спектакли), сопровождаемые неизменными аншлагами.

Нас посетил из «старой гвардии» Али Зейналов, пришёл повидаться с былыми партнёрами и коллегами. Любопытно, что контролёры не пропустили знаменитого нашего друга в помещение; я поручил пригласить его в зал. Али не скрывал своего радостного изумления:

– Подойдя ко входу в театр, я вспомнил сороковые-пятидесятые годы. Сколько же у вас зрителей!…

26 ноября 1978 года. Заключительный «аккорд» бакинских гастролей.

Газеты опубликовали указ о присвоении театру Почётной грамоты Президиума Вер-

ховного Совета Азербайджанской ССР. Мне сказали, что Гейдар Алиев намерен посмотреть один из наших спектаклей. Но Гейдар Алиев, будучи тогда кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, дважды отбывал в Москву, на заседания Политбюро, а в республике в те дни проходили масштабные форумы, поэтому он не смог посетить наши спектакли, но позаботился о том, чтобы нашему театру было оказано внимание на высоком уровне государственного протокола.

География наших гастролей включала в себя и места компактного проживания азербайджанцев в Грузии – Башкечид (Дманиси), Сарван (Марнеули), Тифлис, Гараязы. Назревала идея создания Азербайджанского театра в Марнеули. На исходе семидесятых годов власти Грузии приняли решение о подготовке к реализации этой идеи. К сожалению, решение осталось на бумаге. Позднее по распоряжению Президента независимой Грузии Эдуарда Шеварднадзе в соседней стране были проведены мероприятия по созданию Тифлисского государственного азербайджанского драматического театра, и наконец этот театр открылся.

Без ложной скромности скажу, что, будучи государственным советником Азербайджанской Республики по национальной политике, при встречах с Э.А.Шеварднадзе я регулярно поднимал этот вопрос, доложил об этом нашему лидеру Гейдару Алиеву, по его поручению подготовил и представил справку. Во время официального визита Гейдара Алиева в Грузию в марте 1996 года этот вопрос обсуждался на уровне глав государств, после чего был дан старт его решению.

В 1976 году предстояли гастроли Азербайджанского театра музыкальной комедии имени Шихали Курбанова в Ереване. Все официальные подготовительные документы, письмо министра культуры Азербайджанской ССР, были получены Дело дошло до министра культуры Армении, он позвонил мне (обычно в таких случаях контакт осуществляется на уровне замминистра или начальника управления). То, что я услышал от министра культуры Армении, меня озадачило: «Азербайджан обратился по поводу гастролей театра Музкомедии в Ереван. Ведь это мешает вам, не так ли?». Я понял сразу: министр очень хочет, чтобы я сказал «мешает» и поблагодарил за внимание к нашему театру. Но я ответил: «нет»: «Гастроли бакинского театра не мешают нам, ибо наш коллектив к тому времени будет находиться за пределами Армении».

Директор театра Музкомедии Бала Касумов до этого говорил со мной по поводу иреванских гастролей. Конечно, я обещал, что с удовольствием поможем, однако предчувствовал: чтобы помешать гастролям театра Музкомедии, могут использовать фактор нашего театра. Поэтому заранее были запланированы гастроли нашего театра в Грузию….

Выступления театра Музкомедии прошли с большим успехом. Много времени спустя армянский министр при встрече со мной поинтересовался, не без иронии задав вопрос:

– Как же вы строите работу, что сюда наезжают столько бакинских коллективов, но не мешают вам?

– Это сложный механизм, не буду раскрывать его, иначе другие театры намотают на ус, – в тон ему ответил я, – но коллективы, приезжающие из Азербайджана, действительно нам не мешают. С другой стороны, нельзя же оставить сотни тысяч проживающих здесь азербайджанцев на попечение только одного театра. К тому же, среди них очень много театралов…

Министр выслушал меня с улыбкой, но сказанное мною, несомненно, пришлось ему не по душе.

Сейчас я иногда говорю себе: некоторые дела остались незавершенными, некоторые проблемы – нерешенными. Опять возвращаюсь в те годы и ясно вижу: я ничего не пожалел для решения всех вопросов, а чего не смог сделать, так это просто сил не хватило, возможности не было.

(Окончание следует)

РАУФ МАМЕДОВ

Рауф Мамедов начал писать в благословенном подростковом возрасте, когда большинство из нас тянет к рифме, как к удобному и, на первый взгляд, абсолютно доступному инструменту самовыражения своего юного «эго». Как известно, опять же большинство «нормальных» молодых людей бросают это приятное, но неперспективное занятие где-то годам к 20, и только очень немногие остаются верны ему во все сезоны жизни. Ровно половину среди этих «избранных» составляют графоманы, а вот другую половину люди, действительно причастные серьезной поэзии. Не будем обсуждать здесь диапазон дарований этих последних – он действительно очень широк: от гениев до крепких любителей, что уже не суть важно. Важно другое – всех этих людей отличает, в первую очередь, вовсе не умение рифмовать, а свой выраженный личностный взгляд на мир, на время, на людей и события. Рауф Мамедов по основной профессии философ, владеет несколькими языками, в том числе, английским, японским (он продолжительное время жил в Японии) и персидским... Он пишет на русском, продолжая традиции блестящей школы русскоязычных поэтов Азербайджана. Основная черта его поэзии – неравнодушие ко всему, что сотрясает наш непростой мир, что печалит и радует его сограждан здесь и сейчас. Сегодня, увы, все меньше тех, кто видит призвание литератора в том, чтобы «жечь глаголом» сердца современников. В этом смысле стихи Рауфа Мамедова – счастливое исключение: они то взволнованно, то гневно, то возвышенно звучат «во весь голос», обращаясь напрямую к читателю... Отметим, что автор наделен несомненным сатирическим даром (недаром он так часто обращается к жанру басни) – также редкое в наши дни дарование. Несмотря на определенные погрешности стиля и формы, у автора этой публикации в наличии главное – несомненная одаренность и желание работать над собой, что вселяет надежды на то, что наши читатели еще не раз встретятся с ним и его поэзией на страницах нашего журнала.

РАСКОЛОТЫЙ МИР

Дожди

Люблю дожди в любую пору –
Милы их капель голоса,
Что бьют подобно метроному,
И заставляют по-другому
На всё смотреть мои глаза.

Дожди... Их капельки – как люди,
А жизнь – такая же игра.
Идут дожди – идут, не судят.
Свою сонату отыграв,

Ни запятых не оставляют,
Ни многоточий позади.
И капли их земля впитает,
А звуки – сердце, что в груди...

* * *

На троне всевластная прибыль,
и деньги кругом.
Мы бьемся всечасно, как рыбы
о берег хвостом.
Как жизнь, подгоняя под рифмы,
словами ни крась,
увидим, глаза приоткрыв, мы
разруху и грязь.

Живем, наслаждаясь прекрасным
сегодняшним днем,
но призрачно все, и неясно,
что будет потом.
Пьяня, ослабляя нам нервы,
под визг дискотек
смыкает глаза Двадцать Первый
тротиловый век.

Нас всех пожирает эпоха,
и, как ни крути,
мы – люди, лишённые Бога,
но с сердцем в груди.
Мы дети, чья мать дорогая –
старуха-Земля,
которую мы выжигаем,
на части деля.

Мы в мире,который расколот
на сотни миров,
где кротко безмолвствует голод
средь шумных пиров.
Где в судьбы стреляют, как в тире,
где все мы живем
в едином, взрываемом мире –
и каждый в своем.

О мракобесах

Фанатики не любят правду слушать.
Для них земля быть круглой не могла.
Пожалуй, легче взять и землю сплющить,
Чем доказать им,что земля кругла.

В ответ на факт упрямая безмозглость
Раздует инквизиции пожар.
Фанатики всегда во всем за плоскость
И отвергают в ненависти шар!..

Им легче сжечь кяфира или нехристь,
Чем предоставить контраргумент.
Уж сколькие гонениям подверглись,
Опровергая мракобесов бред...

Голуби

Над просторами голыми
тают дыма клубы.
Белокрылые голуби
в небесах голубых.
Поле желтое, минное,
а над ним – тишина,
небо высится мирное
над землей, где война.

Ах вы, голуби,голуби –
птицы мира... Увы...
Чьи-то сложены головы
под шатром синевы.
Улетайте, крылатые,
вдаль, в небес вышину,
сердце мирное радуя,
проклиная войну!..

Мира хрупкие символы –
в небесах, у богов
нам прощение вымолив,
возвращайтесь под кров.
И на землю ранимую
с вышины голубой
мир с покоем, родимые,
принесите с собой.

Небо высится ясное...
Кто же в том виноват,
что железные ястребы
в том же небе парят?
Что планета расколота...
За какие грехи
наши боги, о, голуби,
к нашим просьбам глухи?

Ах вы, голуби, голуби,
может, все мы, как знать,
жили в счастье без горя бы,
коль умели б летать.
Но надежда обманчива,
вероломна судьба –
небо хоть и заманчиво,
но не спят ястреба́...

Наваждение

**Без предупреждения,
ни со дна, ни с пира,
явилось Наваждение
всему честно́му миру.
Идейно и провористо,
неясно, кто по нации,
какого пола, возраста,
какой ориентации.**

**Вслед за Наваждением,
выйдя из-под спуда,
явилось подозрение
на то, что дело худо:
что это Наваждение –
для общества опасное,
поскольку, мол, идейное,
но суть идей – неясная!**

**Сразу же по поводу
появились слухи,
и полетели по́ ветру,
что дело – к заварухе.
Надо, мол, установить
личность Наваждения
и радаром уловить
местонахождение!..**

**Ну, а Наваждение
разбежалось в стороны,
что теперь – враждебные,
им легко рассорены.
Там оно попряталось,
по умам в извилинах.
Всё кругом разладилось
в прениях усиленных.**

**Говорят на севере:
«Всё проделки юга!..
С их явилась сервера,
эта злая штука!..»
А на юге свой ответ,
и ответ уверенный:
«Виноват во всем сосед,
безусловно, северный!..»**

**Вот приходят с запада
криптограммы срочные.
Там, согласно рапортам,
всё – дела восточные!
Вопиёт востока глас**

по пустыне: «Как это?!..
А по данным, что у нас,
всё – проделки запада!..»

Юг враждует с Севером,
ну, а Запад с Югом,
спорят шурин с деверем,
спорят все друг с другом...
Всюду те же прения,
много шуму, пыли –
а про Наваждение
все уже забыли...

Послание

Я это посланье тебе отправляю в конвертце –
откроешь, заглянешь
и в нем найдешь – мое сердце.
Найдешь там зарю, и свет,
и закат наш прощальный...
Дойдет этот мой конверт
Через все расстоянья.

Открыв, между строк найди
ветер, пыль и дороги,
и радость, и смех среди
сотен лун одиноких.
За каждой строкой молчит
миллион многоточий,
где спрятан, как динамит,
крик – что есть мочи...

Когда на кону судьба,
даже миг – это много
лавируем кое-как
между чертом и Богом
Мы только момент живем,
а потом – неизвестность...
Чуть-чуть не доскажем слов
и уйдем в бессловесность.

Я в этих словах живой,
пусть я телом не до́жил
до вечности... Важен миг –
ничего нет дороже
За вечность идет борьба –
все хотим, хоть на миг, но продлиться...
Когда на кону судьба,
в миг один всё вершится!..

Безымянный солдат

Облаков плывет река
В небе сонном,
Стал и я, как облака,
Невесомым.
Молчаливым небом к ним
Был заманен,
И теперь я как они –
Безымянен.

Жил нелепо, невпопад,
Наудачу,
Обо мне не говорят
И не плачут.
И судьба могла навряд
Быть иною...
Облака зато парят
Подо мною.

Я пропал – врага патрон
Был не холост.
Оборвал со свистом он
Жизни волос.
Я попал не в рай, не в ад –
А куда-то,
Где не может быть наград
Для солдата.

Тени

Мы – друг друга тени,
Но живые вроде.
Рук сплошные звенья
В темном хороводе.

Мы, друг друга тени,
Ищем нашу стену,
Уходя со сцены
На другую сцену.

В театре привидений
Движемся с испугом.
Мы, друг друга тени,
Брошены друг другом.

Мы – единоверцы,
Лишь не знаем, кто мы.
Близнецы – два сердца –
Просто не знакомы.

Мы – друг друга снимки,
Схожи, как две капли...
Только – невидимки,
Без ролей в спектакле.

Панацея

– Здравствуйте, я ваш семейный доктор,
Всем известный анестезиолог.
Приходите смело на осмотр,
Я не стану в вас вонзать иголок.

Знаю все про боль, и знаю, сколько
Выпало ее на вашу долю...
В памяти засевшие осколки
Удалю и душу обезболю.

Нет нужды рассказывать в деталях
Мне свою историю напастей.
Знаю все о бедах и печалях
Так же, как о радости и счастье.

Помогу любому без расспросов –
Славлюсь с этим именно в связи я.
Ждет в итоге рано или поздно
Каждого моя анестезия.

Даже если ни гроша в кармане,
Помогу любому безвозмездно.
Всюду – от Америки до Ганы –
Бескорыстность всем моя известна.

Из угла в незримом кабинете
Наблюдаю пристально за всеми...
Самый лучший доктор на планете –
Это я, а имя мое – Время.

Верните небо!

Вновь озираюсь – направо, налево...
Небо исчезло. Мир пуст надо мной.
Люди, прошу вас, верните мне небо,
Небо верните любою ценой!

Душу открыл для плевков и объятий –
Что пожелаете, делайте с ней.
Только взамен мне небо отдайте,
В мире без неба страшней и темней.

Дам вам, сограждане, зрелищ и хлеба,
Всё раздарю, чем так скромно богат.
Только, прошу вас – верните мне небо,
Небо взамен мне отдайте назад!

Торг не намерен вести с вами, люди.
Всё, что хотите, берите скорей,
Только мне небо отдать не забудьте –
С небом и ночь несравненно светлей.

Всё вам отдам до последнейшей нити,
Сам буду бегать, одетый в рваньё...
Только обратно мне небо верните –
Самое нужное небо мое!

КАТРЕНЫ О ВЕЧНОМ

О тунеядстве

Все любят лежебочество и хмель,
Все жить хотят вольготно и беспечно.
Но трудно обеспечить всех Емель,
Когда на всех всего одна лишь печка...

Философский камень

Вот если был бы древним я философом,
Тогда – борясь с невежеством кромешным,
Я философский камень бы использовал,
Им прошибая головы невеждам!..

Про совесть

Мерзавец не страдает от бессонниц,
Его душа спокойна и нагла.
Однажды у него проснулась совесть,
Оправилась и – снова спать легла.

О литературе

Развелось сейчас поэтов
Хоть стреляй из пистолетов..
Но на всех их, бесов,
Не найти Дантесов.

Парадокс

Друг с другом вечно спорят знатоки –
У умных часто мнения полярны.
Зато единодушны дураки,
И в глупости друг с другом солидарны!..

АГИЛЬ ГАДЖИЕВ

МОИ ВСТРЕЧИ С ЧИНГИЗОМ АЙТМАТОВЫМ

С 25 по 26 февраля 2008 года в Баку с кратковременным визитом, приуроченным к его 80-летию, находился знаменитый советский киргизский писатель и общественный деятель, аксакал тюркской литературы Чингиз Айтматов. Великий писатель хотел узнать, чтобы затем донести ее до мировой общественности, правду о Ходжалинском геноциде и армяно-азербайджанском конфликте.

Чингиза Айтматова принимали на высочайшем уровне. Президент Азербайджанской республики Ильгам Алиев вручил ему орден «Достлуг» (Дружба), сделав его первым обладателем этой вновь утвержденной в Азербайджане награды: «Я хотел бы наградить вас высоким орденом Азербайджана. Этот орден называется «Достлуг». Мне известны, по рассказу отца, ваши отношения с ним. В тяжелые минуты вы всегда поддерживали нас, и ваш голос всегда звучал очень отчетливо за справедливость, за мир, за сотрудничество».

Маститого писателя и классика приглашали на встречи во многие учебные заведения Азербайджана, но он остановил свой выбор на Бакинском государственном университете – флагмане азербайджанского образования. Тогдашнее руководство филологического факультета БГУ предложило мне прийти на эту историческую встречу с классиком и задать ему несколько вопросов.

Подготовив их, я уселся в зале, ожидая, когда мне будет предоставлено слово. Объявили, что из-за временных ограничений выступят только двое – доктор философских наук, академик Фуад Касимзаде и преподавательница, работающая над диссертацией, посвященной творчеству Айтматова.

Пока академик Фуад Касимзаде читал свой доклад, от имени руководства БГУ мне предложили выступить сразу после него. Я попытался отказаться, мотивируя это решение тем, что, с одной стороны, мне изначально было предложено не выступать с докладом, но именно задавать вопросы, а с другой – тем, что имена докладчиков уже были оглашены. Однако доводы мои приняты не были, и буквально через пару минут меня уже пригласили выйти к трибуне. Моя речь, таким образом, ни в коей мере не была подготовленной, явившись чистейшей импровизацией. Позже, с любезного разрешения ректора Бакинского государственного университета академика Абеля Магеррамова, я получил видеозапись того моего давнишнего выступления. И вот, перенеся этот текст на бумагу, я без всяких изменений впервые предлагаю его вниманию читателей:

«*Уважаемый президиум! Уважаемый Чингиз Айтматов! Дамы и господа!*

Когда по всему миру гремела писательская слава великого сына киргизского народа Чингиза Айтматова, мы, азербайджанцы, воспринимали это и как собственное национальное достижение, радовались этому, как всенародному счастью. И в те, сегодня канувшие в Лету советские годы, и в нынешние времена восстановленного национального суверенитета азербайджанцы воспринимали и воспринимают Чингиза Айтматова как своего национального писателя. У нас в стране Чингиз Айтматов едва ли не единственный писатель, которого каждый азербайджанец называет классиком литературы.

Было такое понятие: «многонациональная советская литература». Это понятие

охватывало произведения литераторов всех больших и малых народов, живших в Советском Союзе, но далеко не каждому доводилось стать классиком многонациональной советской литературы. Чингиз Айтматов принадлежит именно к тем счастливым единицам, которые удостоены этой великой чести, ведь именно благодаря ему киргизская литература как бы воспрянула.

Напомню, что в начале 1970-х годов, когда я обучался в очной аспирантуре при кафедре истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, со сцен целого ряда московских театров не сходили пьесы киргизского драматурга Мара Байджиева, который, как и, по всей видимости, другие представители его поколения, пришел в литературу именно по тому пути, который проложил Чингиз Айтматов. Потому что всегда нужен лидер, а он именно и был таким лидером, и не только в киргизской, но и во всей многонациональной советской литературе.

В 1995 году мне посчастливилось участвовать в работе международной научной конференции, посвященной тысячелетию киргизского национального героического эпоса «Манас». Та памятная конференция проходила в расположенном на живописном берегу озера небольшом турецком городке Изнике. Азербайджан на этой конференции представлял один я, и отчетливо помню, как в один день этот небольшой городок буквально переменился. Прибыл самолет из Бишкека с киргизской делегацией, и этот мирный десант преобразил не только весь городок, но и все его окрестности. Повсюду были построены многочисленные юрты, в каждой из которых киргизские умельцы выставляли результаты своего труда. По всему городку, по берегу озера, покрыв головы киргизскими национальными головными уборами, гуляли многочисленные участники конференции, прибывшие из разных стран. Невозможно забыть тот факт, что хотя конференция и была посвящена «Манасу», тем не менее каждый выступавший на ней (в том числе и я) рядом с именем Манаса называл имя Чингиза Айтматова.

Отмечу, что представителям тюркоязычных литератур на конференции было предоставлено право выступать с докладами на своем родном языке. В соответствии с этим доклад на тему «Manas» və Türk dastan ənənələri» («Манас» и традиции тюркского героического эпоса) я прочитал, а впоследствии опубликовал на азербайджанском языке («Dil və ədəbiyyat» jurnalı, 1996, № 3, s.133 – 134).

Известно, что киргизский язык для представителей турецкого народа не очень понятен, но во время конференции турки хорошо понимали выступавших. Рядом со мной сидел турецкий ученый-литературовед, который во время выступления посланцев Киргизии понимающе кивал головой. Не выдержав, я спросил его, понимает ли он выступающих? Улыбнувшись, он ответил: «Я все понял. Они говорят о «Манасе» и об Айтматове!»

«Манас», вошедший в книгу рекордов «Гиннеса» по своему объему, охватывает все стороны жизни киргизского народа того времени. Вы же, Чингиз Айтматов, охватили все стороны жизни киргизского народа нашего времени, именно поэтому я считаю, что вот эта параллель между «Манасом» и вами вполне логична и убедительна. «Манас» повествует об истории, о прошлом киргизского народа, вы же говорите об его сегодняшнем дне, об его нынешнем состоянии. И самое главное – каждое ваше произведением столь значительно и по объёму, и по содержанию, что любой человек, независимо от его национальности и вероисповедания, найдёт в нем ответы на все волнующие его вопросы. Именно поэтому я начал своё выступление со слов, что Чингиз Айтматов – классик, живой классик. И завершить своё выступление я хочу этими же словами: уважаемый Чингиз Айтматов, вы – живой классик литературы. Благодарю за внимание!»

Эта моя импровизированная речь была с интересом выслушана присутствующими. Без ложной скромности отмечу, что многие участники мероприятия (ряд моих коллег, преподавателей Бакинского университета: член-корреспондент Академии наук Азербай-

джана, заведующий кафедрой тюркологии, профессор Тофик Гаджиев, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английского языка, доцент Аббас Аббасов, доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой теории функций и функционального анализа, профессор Али Ахмедов и другие, а также приехавшие вместе с Ч. Айтматовым в Баку незнакомые мне гости из Киргызстана) благодарили меня за это выступление. К сожалению, мнение на сей счет самого Чингиза Айтматова узнать мне тогда не удалось, поскольку сразу по окончании встречи он и сопровождавшие его лица покинули здание университета.

Через несколько месяцев, в начале мая 2008-го года, мне позвонили из международного отдела БГУ и сообщили, что я командируюсь на родину Чингиза Айтматова, в столицу Киргизии – Бишкек. Цель командировки – участие в торжественных мероприятиях, посвященных 85-летию общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиева и 100-летию выдающегося азербайджанского прозаика, профессора Бакинского университета Мир Джалала Пашаева. Новость эта меня чрезвычайно обрадовала по ряду причин. Во-первых, участие в такого рода мероприятиях само по себе высокая честь. Во-вторых, в силу ряда обстоятельств субъективного и объективного характера мой последний выезд за пределы Азербайджана датировался 1997-м годом, хотя ранее я не был домоседом и успел побывать в целом ряде стран Европы и Азии. В-третьих, Средняя Азия, где, как известно, располагается Киргизия, была для меня «неосвоенной» территорией, поскольку мне доводилось бывать только в Туркмении, в городах Ашхабад и Красноводск. И самое главное, в-четвертых, мне, как филологу, было весьма интересно посетить родину живого классика Чингиза Айтматова, которого мне посчастливилось приветствовать в Баку парой месяцев ранее.

Не без труда достав билет на ближайший авиарейс Баку – Ташкент – Бишкек, я вместе с другими членами нашей делегации в состав которой входили депутат Милли Меджлиса профессор Низами Джафаров, профессор Вагиф Арзуманов и другие ученые, а также популярные артисты, вылетел в Бишкек. Перелет складывался весьма удачно, но когда самолет приземлился в бишкекском аэропорту «Манас», я, пройдя таможенный контроль, оказался в одиночестве у выхода из аэропорта. Многочисленные водители такси, частные извозчики с раскосыми киргизскими глазами обступили меня, предлагая свои услуги.

Не видя около себя никого из своих попутчиков (задержавшихся, как оказалось, на таможенном контроле), я, естественно, растерялся. Но тут ко мне подошел молодой человек и на чистейшем азербайджанском языке спросил: «Aqil Hacıyev sizsiz?» – Вы Агиль Гаджиев? Услышав мой положительный ответ, он взял у меня из рук мою ручную кладь и небольшую сумку и предложил следовать за ним. Вдвоем мы вновь вошли в здание аэропорта, где я, к своей радости, увидел своих попутчиков, беседующих с молодым представительным интеллигентом. Нас представили друг другу. Как оказалось, это был председатель вышеназванного фонда, гражданин Киргизии и азербайджанец по национальности Нусрет Мамедов.

Сразу отмечу, что Нусрет Мамедов – это уникальный человек. В Бишкеке он выполняет огромную работу не только как председатель Фонда поддержки политики тюркоязычных государств, но и как своего рода руководитель азербайджанской диаспоры. За три дня пребывания в Бишкеке мы убедились, что именно фонд, возглавляемый Нусретом Мамедовым, является общепризнанным центром, объединяющим многочисленных представителей азербайджанской диаспоры (замечу в скобках, что на май 2008-го года наша диаспора там насчитывала более пяти тысяч человек). Работники фонда поселили нас в комфортабельной гостинице «Жибек-Жолу» (Шелковый путь), расположенной в самом центре Бишкека и принадлежащей уроженцу Азербайджана – Саттару Мамедову.

Программа нашего пребывания в Бишкеке была продуманной и насыщенной. Она

включала в себя и юбилейные торжества, и конференции, посвященные 85-летию Гейдара Алиева (6 мая) и 100-летию Мир Джалала Пашаева (7 мая), а также концерт с участием приехавших из Азербайджана артистов.

6-го мая огромный зал величественного здания Национальной филармонии Киргизии был переполнен. Всеобщее внимание привлекали красочные афиши, на которых были размещены сведения о юбилярах – великих сынах азербайджанского народа. Вдруг по рядам присутствующих прошел шепот. Присмотревшись к небольшой группе поднимавшихся по лестнице людей, я заметил улыбающегося Чингиза Айтматова, самого, пожалуй, известного и, не побоюсь этого слова, великого киргиза на планете Земля. Далее было объявлено об открытии юбилейных мероприятий, прошли торжества и награждения победителей многочисленных конкурсов, проведенных ранее фондом. Особо отмечу, что награды победителям вручал сам Чингиз Айтматов. После церемонии награждения начался концерт, в котором наряду с прилетевшими с ними популярными азербайджанскими певцами и музыкантами выступили и представители азербайджанской диаспоры Бишкека.

Вечером мы были приглашены на торжественный ужин в ресторан гостиницы «Жипек-Жолу». Откровенно говоря, я не предполагал, что на нем будет присутствовать сам Чингиз Айтматов. Однако когда я, переодевшись, вошел в расположенный на первом этаже гостиницы ресторан, то сразу увидел великого писателя, сидевшего в окружении деятелей киргизской науки и литературы. Когда я подошел к столику, чтобы поприветствовать классика, он, указав на меня, сказал сидевшим о бок с ним: «Если бы вы слышали, как он меня приветствовал в Бакинском университете, если бы вы знали, какую речь он тогда произнес!» Это была величайшая оценка моего выступления со стороны всемирно известного писателя.

Незабываемо прошел и весь следующий день – 7 мая. Большой зал филармонии снова был переполнен. Мне было предоставлено слово, и я прочитал обстоятельный доклад на тему: «Западная и русская литература в творчестве Мир Джалала». Доклад этот был внимательно выслушан присутствующими. Участвовавший в работе конференции ответственный редактор киргизского журнала «Вопросы литературы и искусства» попросил у меня текст моей речи, который затем опубликовал в очередном номере своего журнала («Вопросы литературы и искусства». Бишкек, 2009, № 1 (6), с. 65-74).

Как и в предыдущий день, в работе конференции принимал участие Чингиз Айтматов. Мы с ним беседовали, сфотографировались на память. Запомнились мне его следующие слова: «Давно я не видел, чтобы зал нашей филармонии так интенсивно заполнялся два дня подряд. Это, конечно, результат нашего братского отношения к представителям азербайджанского народа. Такие мероприятия нам очень нужны. Я рад, что гости из Азербайджана сегодня с нами». Это были последние слова маститого писателя, услышанные мною.

Затем мы гуляли по Бишкеку – удивительному городу, расположенному в окружении белых, безлесых гор.

Утром 8-го мая мы покинули Бишкек, вылетев обратным рейсом домой.

Помню, что я планировал через некоторое время снова приехать в Бишкек, встретиться и побеседовать с Чингизом Айтматовым. Но этим планам не суждено было сбыться: 10 июня того же 2008 года жизнь великого писателя оборвалась.

НАРИМАН ИБРАГИМОВ

Рассказы Наримана

Друг мой Нариман Ибрагимов умер почти сорок лет назад, в середине 70-х, молодым еще сорокалетним журналистом. По причине, так и оставшейся непонятной семье и друзьям. Какой-то диагноз, конечно, там написали, но кому от этого легче. Факт тот, что приехал из Ашхабада в Москву на обследование, уже собирался домой, набрал покупок, соскучился по двум дочкам и только что родившемуся Сальманчику – и во время переливания крови вдруг потерял сознание и умер.

Для тех, кто его знал, это до сих пор рана. И живой нестираемый образ. Нариман есть Нариман. Умный и веселый, лукавый и грустный, он успел увидеть и понять в человеке что-то такое, над чем мы все бьемся и бьемся, и понять не можем. Тут нельзя не назвать и очень южный город его детства, летом раскаленный, как сковородка, Кызыл-Арват. Из того, что он рассказал и вчерне набросал, можно составить десятки таких рассказов. Что это блистательная проза, он не брал в голову и смеялся, когда слышал: «Вот ты про это и пиши! Сколько нас таких там в пыли бултыхалось, разве это для книг?» Так что мне успелось изложить на бумаге с его слов и после его смерти немного. Остальное в памяти, в обрывках разговоров, в его доброй и чуткой улыбке: «Ай, Андрюша, все равно жизнь мудрее нас». Или: «Если конь старается – зачем его хлестать?» И хоть жизнь, к сожалению, не блещет мудростью, покидая нас и отнимая друзей, и хоть загнанных лошадей пристреливают, есть в рассказах Наримана тот лучик надежды, пусть даже безмерно грустный, с которым мы можем продолжать это наше сосуществование друг с другом, так порой похожее на общение и взаимодействие инопланетян.

Автора этих рассказов нет – но они звучат его голосом. И с его улыбкой, сочетающей вековую мудрость с детским простодушием удивленности. От которых мы лучше узнаем самих себя. И помянем Наримана.

Андрей Тарасов
Ашхабад – Москва
2018 г.

Мяч

На нашей улице команду набирал всегда хозяин мяча.

А мяч был у каждого. Но смотря какой.

Поэтому перед игрой шла процедура отбора.

Все придирались друг к другу, суетились, склочничали, становились мелочными и просто противными. Каждый до смерти хотел стать фасоней. Фасоня – это и есть обладатель счастливого мяча. Мячи бесконечно проверялись на круглость, на легкость, на прочность и даже на прыгучесть. Что вообще заранее невозможно по очень простой причине: все мячи были тряпочными.

Теперь понятно, как недосягаем был идеал?

Туго скручивая рванины тряпья, ушивая их в мешковине, мы еще наловчились добиваться кой-какой округлости. Но вот легкость!

Конечно, если повезет найти целый женский чулок! Да к нему – комок ваты! Ух, мечта футболиста. Но женщины так хитро их от нас прятали, что хоть весь дом пе-

реверни – ни левого, ни правого не найдешь. На просушке возле них так и стояли, держась за веревку. Или сушили на руках возле печки. Или на подоконнике, при крепко запертых окнах. Просто дразнили близкой недосягаемостью, настоящее издевательство.

А с ватой разве легче? Единственное место добычи – подушка. Надо ночью, когда все в доме уснут, бесшумно вспороть наволочку и не только успеть надергать, но и запихать вместо ваты тряпки, опилки или просто траву.

Все это, конечно, до первой стирки. Вот тогда лучше не попадайся, а попался – не обижайся.

Зато если в результате всех ухищрений у тебя появлялся мячик из чулка, набитого ватой... – можешь заранее считать себя фасоней.

Фасоня набирал команду, стоя на каком-нибудь командном бугорке. Остальные тянулись перед ним, вобрав животы и выпятив тощие груди, некоторые даже силились играть мускулами, но уж это было возможно только мысленно. Хоть война уже год, как кончилась, и про голод начали забывать.

Слабонервные в отчаянии вскрикивали: «Ты, я тебя брал, да, в команду?» Но им другие претенденты жестоко затыкали рот: «То в прошлый раз, а теперь в этот, стой и молчи, пока не получил, да!»

Наконец команда выстраивалась, и сразу начиналась драка.

Дрались за место в другой команде, играть против фасонь.

Побитые с ворчанием усаживались вдоль забора ждать своего часа. Все знали, что игра начнется, и он тут же пробьет.

Играть против команды, которая только что вышла из драки, и выиграть всегда было немыслимо. Это была отчаянная команда. Если кому-нибудь из них попадал мяч, то он гнал его «от ворот до ворот» с яростью льва, но упаси бог пробить мимо. Его тут же выгоняли в шею товарищи по своей же команде, и место занимал тот, кто сидел у забора. Конечно же, после небольшой драки.

Отчаянная команда сражалась так яростно, что перевес в пять-десять мячей считался обычным делом.

Тогда все фасони применяли один и тот же подлый прием. Они выхватывали из пыли свой потерявший форму мяч и делали вид, что уходят. Отчаянные, зная, что от них требуется, истошно вопили: «Давай сначала!»

И все начиналось с нулей и с середины поля.

Но тут, в разгар пятого тайма, из-за угла выскакивала женщина и кричала:

– Вот он, товарищ милиционер! Вот мой чулок! – Все как одна женщины почему-то при этом добавляли одно: – Я эти чулки только вчера на базаре выменяла на охапку дров! – Или на десяток яиц. Или на три лепешки.

Участкового дядю Сашу мы все хорошо знали. Он нас тоже. Поэтому никто не убегал, а все молча ждали решения.

Он неспеша подходил, нагибался, долго рассматривал мячик, как след преступления, и двумя пальцами поднимал его из пыли. И становилось ясно, что чулка больше нет. В дырки клочьями лезла серая вата. Женщина начинала плакать и бросать в нас проклятиями, между ними и всхлипами мы различали сумбурные воспоминания о дровах и чулках.

Дядя Саша кивал: пошли. И даже те, кто сидел у забора, шли покорно и молча. В своей большой, пустой, зимой холодной участковой комнате в конце улицы дядя Саша садился за свой большой, пустой стол. Мы – вдоль стенок на лавки. Начинались

смотрины.

– Чей мяч?

На лице каждого появлялось такое выражение, что он сразу должен был понять: мяч ничей.

– Кто залезал в форточку?

Враз расправлялись все плечи, и опытный сыщик был должен понять и другое. Такие здоровые парни никак не могут влезть ни в какую домашнюю форточку.

– Вату где своровали?

– Пусть не врет, вата не ее, – оскорбленно бормотал кто-то, и становилось ясно, чей мяч, кто лазил в форточку, в чьей подушке обнаружится вместо ваты трава.

Но дядя Саша почему-то не понимал. «Значит, пишем, что виновник неизвестен». Поддернув за ремень пустой рукав штопаной гимнастерки, он начинал неловко писать уцелевшей рукой. Мы, поняв этот сигнал, начинали робко выстраиваться посреди комнаты, длинные сзади, карапузики спереди. И одновременно с последней точкой запевали «Раскинулось море широко». Любимую дяди Сашину. В первые приводы получалось нескладно, зато теперь – хоть на школьную сцену. Но хулиганов туда не пускали.

После песни, на цыпочках, чтоб не спугнуть задумчивость начальника, покидали опасную комнату. И через секунду пыльным клубком неслись по улице продолжать матч.

У нас с братом редко случался пригодный для игры мячик.

А фасони нас в команду не брали из-за хилых коленок. Приходилось много драться за право играть, но и долго сидеть под забором.

И вдруг все перевернулось.

Что-то случилось с нашим городком. Возле него приземлился целый авиаполк!

Вообще все вышло из оцепенения, мимо громыхали эшелоны с фронтовиками. Возвращались и наши – кто уцелел. В одних дворах пели, в других плакали. Одни семьи собирались и уезжали в неизвестные края, другие прибывали к нам и начинали знакомиться. Движения было много. Но полк – это совсем особенно. Город сразу вырос в наших глазах, оказывается, твердый такыр вокруг нас, высохшее морское дно – лучшая в мире площадка для аэродрома. Нигде такой нет. Мы даже загордились.

Солдаты сразу взялись строить военный городок. Офицеров с семьями и поодиночке расселили по дворам. Один капитан остановился у нас.

Легко представить, как мы вдрызг расшибались, когда летчики по пути с аэродрома останавливались посмотреть нашу игру. Как барахтались в пыли, борясь за мяч, как прорывались к воротам, как смело шли на таран и ложились костьми под удар нападающего. Кровь из носу – гвардейское отличие. И все для того, чтобы наши кумиры подумали: этих парней можно брать в летчики. Болели они за тех ребят, в чьих дворах жили, нам это добавляло отчаянности. Но тут возникал дядя Саша с очередной жертвой чулка, и мы понуро отправлялись на спевку.

Однажды утром, сидя на корточках возле дворовой печи, тандыра, мы с братом услышали сзади себя странный, ни на что не похожий, звонкий и упругий звук. Мы повернулись к нему.

И остолбенели.

Наш летчик стоял в дверях своей времянки. Был он и сам хорош, в белой ослепительной чистоты майке, сам коричневый от загара, а плечи – как гири, но главное

было в руке, на ладони. Белый-белый. Круглый-круглый, звенящий и гладкий.

Мяч.

Настоящий.

Мы остолбенели. Летчик, улыбаясь, слегка стукнул мячиком о землю. А тот, вместо того, чтобы плюхнуться и расстелиться блином, мгновенно и упруго подскочил обратно в ладонь.

Какой умный мяч!

Мы думали, такой бывает только в кино.

– Держи!

Мяч брошен прямо брату. Брат испугался – и мне. Я – летчику, летчик – в середину двора.

Одна молодка со смехом катнула бабушке. Та – соседке. Белый, круглый мяч прыгал по двору. Все забыли о своих делах, о завтраке, о соседских спорах. Потом мяч снова послушно прыгнул на ладонь летчику.

– Вот... – летчик вдруг стал серьезным. – Казенное имущество, но жесткое для волейбола. Отбивает ладони.

Мы подумали, что никаких ладоней не жалко.

– Надо хорошенько постукать, чтобы размягчился, – подмигнул летчик. – Ногами поработайте как следует, пофутбольте. Вы же мастера спорта. Ну-ка...

И бросил мяч мне. Эх!

Мы с братом шли на поле как можно медленнее. Мы нарочно опоздали к набору команд. Дали всем вдоволь подраться. Дали сегодняшнему счастливчику-фасоне, чванясь и важничая, подойти к центру поля, чтобы возложить туда свою тряпочную лепешку.

Но к фасоне никто не пошел. Все от него отвернулись. И свои, и противники. Потому что разинули рты в нашу сторону. И фасоня крикнул из своего одиночества:

– Это неправдашний мяч! Склеили из бумаги!

Сейчас, спустя годы, мне его даже жалко. А тогда было нет. Я дождался, когда он подошел ближе, и так дал в лоб мячом, что он сразу сел. И понял, что мяч не бумажный.

В этот день мы в футбол не играли.

Мы играли в мяч. Перепасовывались головой. Подбивали коленкой. Принимали «на пузо», на грудь. Но ни разу не ударили босой ногой. Мяч изнемогал от наших ласк. Но тут подошел летчик.

– Да вы что, огольцы! – крикнул он. – Кто так стукает?

Мы съежились. Конечно, виноваты. В одном месте с мяча чуть облезла кожа, в другом протянулась царапина. Проклятые камни сплошь усеяли нашу многострадальную площадку, прощай, белый, круглый, настоящий мяч! В фасони ты нас так и не выкатил.

– Я же сказал, колотить со всей силы! Что вы с ним няньчитесь! Вот так надо!

И дал священному мячу такого пинка офицерским кованым сапогом, что мы думали, мяч тут же лопнет. Но он весело взмыл в небо свечкой, туда, где гудели красавцы-самолеты.

Но мы в тот день играть все равно не могли. Надо было все обсудить. Договорились на завтра. А пока уселись в кружок и посередине на большой камень водрузили свой мяч. Каждый хотел дотронуться до него. Один – сосчитать, из скольких кусков кожи он сшит. Другой – рассмотреть нитки на швах, третий – заслюнявить ца-

рапину, но с них тут же стягивали трусы и заставляли усесться.

Вдруг истошный крик, будто кого-то режут:

– Пацаны! Где шнуровка?!

Мы не на шутку встревожились. Шнуровки-то не было! Испуганно вертели мяч в руках. И только после большой паники догадались, что мяч надувается, видимо, через маленькое, едва заметное отверстие, и не надо никакой камеры. Мы слышали, что есть такие мячи, но многие из нас в это не верили, а остальные не верили, что когда-нибудь подержат такой в руках.

Провожали мяч всей ватагой. Когда мы с братом вернулись во двор, остальные долго сиротливо стояли у нашей калитки.

Оказывается, и летняя южная ночь может быть изнурительно длинной, бессонной. Мы ворочались на топчане под виноградником, а между нашими подушками покоился мяч. Мы поочередно щелкали его и, приложив ухо, слушали таинственные звуки внутри гладкого упругого тела. Мяч звенел изнутри. А под светом луны отливал серебром.

Рассвет мы проспали. Оказывается, петуха, который всегда нас будил, ночью вместе с курами украли. Как же они ухитрились, если мы, не смыкая глаз, щелкали по мячу?

Зато на поле все уже были в полном сборе, и даже с излишком. Сегодня всякая драка была бесполезна, никого не заставить сидеть под забором. Поэтому играли все. По двадцать футболистов в команде, не хватало только свистка и судьи. Но нашлись и они. Участковый дядя Саша, привлеченный яростным гвалтом, решил, что в городе наконец совершилось преступление и ускоренным шагом шел к нам. Увидев мяч, он тоже как бы застыл в изумлении, хотя видел в жизни много чего больше нас. А затем, схватившись за свисток, издал заливистую милицейскую трель и побежал к центру.

Мы ринулись в игру. Она не останавливалась, хоть свисток верещал непрерывно, фиксируя подножки и толчки, игру рукой, дерганье за трусы и за волосы и множество других футбольных преступлений. Все кричали хором: штрафной, штрафной, пеналь, офсайт, аут! – но клубок исцарапанных тел с мячиком посередине без остановки катился от ворот до ворот.

Четыре раза он успел перекатиться туда-обратно, когда последовал первый несильный удар по воротам, но для нас это был удар похоронного грома.

В воротах в то время стояли самые непригодные. Не знаю, как в Москве, на стадионе «Динамо», а у нас только хромые и толстые, кому нечего делать в поле. Ставили их в ворота насильно, это было равносильно позору. Часто и этот вопрос решался дракой.

У нас стоял в тот день толстый Сусран. С лица его не сходила плаксивая гримаса, но спину он добросовестно выгнул, а ноги растопырил, подражая тем вратарям, которых видел в кино. Ему-то и достался исторический первый удар.

Сейчас толстый Сусран работает диктором на радио. Я, как услышу его бархатный голос, начинающий репортаж с футбольного матча на стадионе «Копет-Даг», моментально выключаю приемник. Это кажется мне кощунством. Все моментально оживает перед глазами.

Бил же, наоборот, Кекос. Он сильно размахнулся, но надо знать Кекоса. Большой палец босой ноги ковырнул ногтем землю, наш везун взвыл от боли и покатился в одну сторону, а мяч тихо-тихо в другую. В ворота Сусрана.

Толстый Сусран мог остановить его взглядом. Мог медленно и лениво выставить толстую ногу, мячик сам бы уткнулся в нее. Но он подражал вратарям из кино и поэтому поступил иначе. Он дождался мяча, прицелился и тяжко плюхнулся животом в землю. На то место, где мяч уже прокатился.

Все закричали: гол! гол! гол!

И какой гол!

Из-за угла выскочила полуторка. Единственный грузовик в нашем городе. Наша четырехколесная радость. Сколько раз, бросив даже футбол, мы гонялись за ней, вскарабкиваясь на ходу в щербатый кузов, сколько раз мыли, помогали ремонтировать, качать шины.

Вот эти истертые лысые шины, под которые безмятежно катился пропущенный толстым Сусраном мяч.

Хлопок.

Нет, взрыв. Такой взрыв, что полуторку снесло в сторону, шофер Митя, гордость всего городка, вспомнил «путь-дорожку фронтовую» и выскочил, чтобы залечь в кювет. Потом два раза обежал вокруг машины, постукал по скатам, ничего не понял, погрозил нам кулаком и укатил. Все стряслось в один миг. Мы стояли в ужасе, даже не пытаясь забросать машину камнями, хотя ее следовало разнести на куски.

Но куски остались только от мяча, жалкие пыльные клочья на глинистой мостовой. Его камера, оказывается, внутри была красной. Мы повернулись к Сусрану, чьей крови сейчас жаждали. Сорок пар глаз. Но его уже не было. Его не было ни в воротах, нигде.

Оплакивали мяч в курятнике, где никто не мешал. Петуха с курами еще не успели найти и водворить на место, чем заканчивалось каждое местное воровство. Тишина нам сочувствовала.

Как сказать летчику?

Как смотреть ему в глаза? Как смотреть в глаза всем летчикам, которым теперь нечем играть в волейбол? Которые доверили нам... А если бы это было боевое задание в самолете? Кто после этого нас к нему пустит?

Мы не могли смотреть друг на друга. Таких надо только расстреливать, и никакой пощады. Этот мяч прилетел в самолете из самого Китая. Больше таких нигде нет, нигде, никогда, даже старый фасоня не радовался, хотя комкал в руках свой чулок. Кто же полетит в Китай за новым?

Вдруг возле курятника раздался тот знакомый, всем уже снившийся стук-стук-стук, тот же звонкий и вызывающий. Мы оцепенели, не веря ушам. И осторожно, как разведчики, высунулись.

Мяч воскрес!

Только не белый, а желтый. Он так же стукался о землю и так же ловко впрыгивал на ладонь нашего с братом летчика. Круглый-круглый, желтый-желтый.

– Эй, – сказал летчик. – Что вы там сачкуете? Бензин кончился? Ну-ка, нате, повкалывайте, не жалейте шассей. Наши не любят, когда отбивает ладони.

И бросил нам мяч, и засмеялся прекрасным сильным смехом лучшего в мире летчика – победителя всех врагов. И повернулся, чтобы уйти.

Тогда мы увидели чудо у него за спиной.

Чудом была сетка, а в ней – целая куча мячей, наверное, семь или десять. Круглых, цветных, настоящих. Какого хочешь цвета.

Дальше почему-то вспоминается не игра. А нечто совсем другое. Например,

что тогда у нас в городе не было ни одного светофора. Про них только рассказывали – те, кто выбирался с родителями в Баку или Ашхабад, чьи рассказы звучали неправдоподобно. Ну как это: все останавливаются или все едут, когда горит разный цвет. Хоть бы глазком увидеть. Другой мир.

И вот светофор появился – ощущение светофора от сетки новых цветных мячей. Открывающей нам путь в новое будущее…

Горбушка

Обычно все решалось на большой перемене, когда и раздавали хлеб. Но сегодня почему-то его принесли раньше, и нарезанные кусочки – наши пайки – ждали на учительском столе, мешая читать и считать. Все силы организмов шли на сглатывание слюны. Запах хлеба был такой, что хватай и беги. Мы бы так и сделали, если бы не новая учительница. Она приехала откуда-то издалека и была очень красивая, и мы ее стеснялись, и поэтому сидели все тихо. Делали вид, что решаем задачу.

На самом деле задачу мы решали совсем другую. Особенно Кекос. Только учительница поворачивалась к доске, он делал стремительную перебежку к передним партам и что-то там кому-то внушал на ухо, добиваясь согласия. А если согласия не было, то он подтверждал сказанное грязным кулаком, сунутым в нос. Помня силу кекосова шелабана, от которого гудела любая башка, несогласный скисал и кивал. Все это Кекос успевал проделывать до того, как учительница отрывала мел от доски. Обернувшись, она заставала его уже сидящим на месте, с преданным лицом и выпученными от усердия глазами.

Так он прокладывал путь горбушек к нам, на «камчатку», в зависимости, с какого ряда начнется раздача. Нужно было учесть множество нюансов. А то как ни начнут – не видать нам горбушек. Расхватывают по пути. А жизнь без горбушек – не жизнь. Во-первых, поджаренная корочка вкуснее. Это, как нам объяснили, аксиома. Во-вторых, горбушка легче мякоти. Проверено не раз на химических лабораторных весах. А это значит, при развеске получается кусок больше. В-третьих, твердую корочку не так быстро сжуешь, можно долго сосать. Эту арифметику мы за четыре года войны во как выучили. Было за что повоевать.

Наконец, звонок. Класс напрягся. Кекос привстал, чтобы видеть, куда надо ринуться. Учительница еще только подумала бы, с какого ряда зайти, а он уже оказался бы там, на месте его послушно соскользнувшего хозяина. Новая учительница еще не запомнила, кто где сидит.

Но случилось невероятное. Она взяла поднос и направилась к нам.

Клянусь! К нам, к заднему ряду.

Бедняжка, она же не знает, что нас, сидящих там по второму и третьему году, не исключили из школы только потому, что махнули на нас рукой. Отцы наши, может, сгинули там, куда ушли все мужчины. Без геройских наград, без писем и извещений. У матерей сил не хватает кормить семью, никому мы не нужны, живем, как можем.

Но учительница точно шла к нам. И первому Кекосу подставила поднос с хлебом: «Бери». Кекос сполз с парты, как сползает боксер после тяжелого удара. Стесняясь смотреть на учительницу, он тихо ответил: «Сами дайте».

Впервые за все годы войны мы остались в классе после раздачи хлеба, так решил Кекос. Но вскоре он об этом пожалел. Потому что первым, кого вызвали к доске, был его друг Топор. А Топора – все знали – вызывай, не вызывай, все равно

двойка. Но сейчас Топор делал вид, что получает ее из-за Кекоса. Ведь это он решил остаться в школе, где после раздачи хлеба нам нечего делать. Топор от доски смотрел так. будто Кекос слопал его кусок. Кекос, который учил его играть на гитаре и отбивать чечетку с выходом. Который обещал, что они вместе, Кекос на мандолине, а Топор на гитаре, скоро будут играть в ресторане джаз-банд. Имелась в виду наша городская столовая. Топор слуха совершенно не имел, пальцы у него от струн облезли и болели, но, предвидя сытые вечера, он старался, а Кекос, как учитель, радовался.

И вот он не выдержал укоризненного взгляда, взывавшего к его потерянной из-за горбушки совести. Еще и толстый Сусран чихнул, что всегда предвещало двойку. Нервы Кекоса не выдержали. Он зажег киноленту.

В густом дыму, сквозь девчоночий визг, слышался голос наглеца Топора, который застрял с Сусраном в окне и заверял учительницу, что сейчас вернется к доске.

Так вся задняя скамья и перекочевала на веранду к Сусрану. Теперь мы лежали на ее теплых досках и слушали, как Сусран донимал свою бабку. Целью его была где-то спрятанная банка муки. Он сидел на корточках и, вытянув палец, канючил:

– Одну! Одну только...

Мы втайне надеялись, что одной лепешкой дело не ограничится. Вдруг повезет на две маленькие. Но сами же и понимали бесплодность этих мечтаний.

Бабку Сусрана звали на нашей улице «Офицер немецкой разведки». Она была высохшая, как клюка, и одноглазая, а в углу рта всегда сжимала папиросу. И по тому, как она спокойно сейчас пыхтела, было ясней ясного: орать Сусрану еще долго.

Эту банку муки она когда-то выменяла на кольцо и держала на случай, если бы, скажем, Сусран умер. Но он же не умер.

А наоборот – орет, что есть силы, что хочет есть. Лепешка должна была поднять авторитет Сусрана в наших глазах, и он очень старался. Нам особенно нравилось, как, задрав подбородок, он закатывал глаза и завывал по-собачьи: «Есть хочу-у!» Бабка в ответ делала «пых» такой порцией дыма, что у всех нас слезились глаза.

Когда он не выдерживал и, хлопнув калиткой, уходил на улицу отдыхать, Кекос тоном клубного конферансье объявлял:

– Первая часть концерта окончена! В перерыве – танцы! – и удобней растягивался на старенькой кошме.

Во второй части Сусран должен был вернуться, держась за живот. И, не отвечая на бабкины вопросы, с тихим стоном лечь на кровать, такие номера иногда проходили.

Но в этот раз он явно переиграл. Он ворвался во двор с таким криком, будто его укусила оса. Даже мы поверили в его заворот кишок. Он выкрикивал какое-то слово, тыча пальцем в калитку, будто там привидение. Когда же мы расслышали, то сами подскочили, как на пружинах. Это слово в то время могло поднять мертвого из могилы. «Мука! Там мука!» Мы прильнули к забору. И точно. Чуть поодаль на улице, у соседнего дома, стоял «студебеккер» с крытым кузовом. Задний борт был обильно припудрен белой пылью, так что сомнений не оставалось: в машине мука! Кто же оставил ее без присмотра? Что делать?

Кекос первый принял решение. И страстно зашептал свой план. В плане был только один изъян: нужно было ждать сумерек. А до сумерек животы совсем скрутятся. Или машина уйдет. Или сторож придет. Невыносимо.

Топор предложил встречный план: «на хапок». Это значило, что каждый черпает из машины по миске муки и убегает. Но тут же получил шелабан от Кекоса. Пока каждый залезет и слезет, пока зачерпнет и рассыплет... «Мука тебе не дыня, хапушник!»

Скажет же Кекос: дыня! Дыни нас в войну от смерти спасли. Правда, летом. Что спасло зимой – не поймем сами. Летом идешь на базар. Там большие и маленькие горки: дыни, арбузы, виноград, помидоры.

Хватай и беги. Догоняют – быстрей пихай в рот. Поймают... Ну что ж, разок-другой по шее, за съеденное и пострадать не страшно.

Еще можно стать *пачахчи* – кожурятником.

За ведро кожурок для домашнего скота хозяева давали кусок хлеба величиной с ладонь. Взрослую. А иногда в придачу шоколадную конфету. Но конфету просто так никто не съедал. Есть шоколадную конфету при всех нельзя – всегда найдется силач и отнимет. В одиночку – кто же поверит потом. А хотелось, чтоб знали: этот съел шоколадную конфету! Поэтому конфетой густо обмазывали рот и пузо, что для всех окружающих значило: я объелся шоколадными конфетами.

Но чтобы быстрее набрать ведро корочек, надо прежде всего иметь вид. Вид – это ножи веером и белоснежная салфетка, перекинутая через локоть. Ну и стремительный подлет к клиенту, лихой и бывалый, вежливый и сноровистый. Только ножи наши были из тех, что давно выброшены хозяйками за ненадобностью. А «белоснежную» салфетку из-за мух и липкой грязи совсем было не разглядеть. Но что поделаешь – чем богаты, тем и рады.

Итак, стремительный и радостный подлет к потенциальному клиенту – ведра бьют по ногам, одно уже полное кожуры, второе – наполовину. Кожурки рассыпаются, слева и справа рысью мчатся соперники-конкуренты, друзья-пачахчи, кругом сутолока и пинки сердитой базарной толпы. Подлетишь с ветерком – и промахнешься. Клиент оказался такой, что не только сладкую дынную мякоть – кожуру проедает до дыр. Такому потом нашего ножа не видать. А нравились нам офицеры с солдатами. Особенно летчики. Лейтенант с девушкой – это просто богатство. Его великодушие и щедрость безграничны, если он ей берет одну дыню и один арбуз, ведро, считай, полное. Столько мякоти на корках нам никто больше не оставлял.

Еще везет, если солдат попросит выбрать ему дыню. Усадишь солдата на камушек, в тень, и выполняешь боевое задание. И продавцы тебя уважают, тогда еще в этой торговле знать не знали, что такое весы. Если бы кто, продавая, начал взвешивать дыню или арбуз, его бы не только прогнали с базара, а эти продукты разбили бы о его собственную голову. Примеривались на глазок, торговались, кричали, что дорого, а в это время под шумок еще откатываешь назад из-под себя ближайшую дыню… В цирке за этот фокус исполнителю хлопают, а на базаре, правда, по шее бьют. Если поймают. Но попробуй, поймай. Дыня с бугорка хорошо катится. Там пацаны наготове, хорошо знают, как поступать дальше.

Хорошо летом на базаре. Но до лета еще далеко. А мука – вот она, уже созрела. Только взять надо. Сусран после того, как успокоился от крика, предложил дымовую завесу. Кекос в наказание поставил его дальше от машины, на углу двух наших узких кривых улиц, «на атасе». Наказание состояло в том, что Сусран боялся остаться без муки, пока он там топчется вдали от главных событий.

Пока совещались, наступили и сумерки, можно было выполнять план. План был простейший. Сам Кекос смело ныряет под брезент и насыпает прямо из мешка пол-

ное ведро, которое держит под бортом преданный учителю Топор. Я в это время приникаю глазом к щели калитки, за которой кейфует у родственников шофер грузовика. Если кто-то оттуда появится, мне приказано орать, что есть силы: «Дайте щепотку чая!»

К счастью, никто не появился, и ведро было наполнено с молниеносной быстротой. Когда мы ввалились с ведром муки, единственный глаз бабки расширился, а тот, стеклянный, чуть не выпал. Стало интересно, его можно подержать на ладони?

Бабка поднесла к ведру фитиль лампады и потерла муку длинными тощими пальцами. После чего изрекла:

– Разве бывает мука выше высшего сорта?

– Конечно бывает! – пробормотал Сусран, торжествуя за свои унижения перед бабкой и показывая, кто хозяин этой прекрасной муки, но в то же время помня, что если не бабка, то некому и лепешку испечь. Он уже по-хозяйски запихивал в печь саксаулину.

И бабка сдалась. Опасаясь, что ее обделят, она не без угодливости заметила, что будет вкуснее, если эту очень белую муку смешать с ее ржаной. Никто не возразил. Вкуснее так вкуснее.

Май в наших краях уже жаркий, почти лето. А когда Сусран докрасна раскалил печурку, в комнатушке и дышать стало нечем. Открыть же окно или дверь он ни за что не соглашался, твердя, что кормить всю улицу не собирается, на это и целой машины не хватит. Мы, забившись в угол, потели от жары и от предвкушения.

А бабка все тащила и тащила из сундука свои свертки, тряпки, чашки, пиалы, ложки, плошки, докапываясь до заветной банки с мукой. Сусран на всякий случай запоминал бабушкин тайничок.

Наконец, бабка расстелила на полу скатерть, а на ней клеенку. От этих приготовлений голод в нас разгорелся с силой пожара. Вот она смешала в тазике почти полведра белой и банку черной муки. И сказала: «Лей!»

Свершилось. Сусран всю жизнь этого ждал. Вода с бульканьем просочилась меж бабкиных пальцев. «Отменные будут лепешки», – заколдовала бабка с замесом, и мы явственно почуяли их запах.

Но что это? Она не может оторвать пальцы от тазика! Поднимает руки – и вместе с ними таз! Сусран в него вцепился и тянет назад: «Отдай, старая!» Она с ужасом смотрит, думая, что он отомстил ей за жадность, и от того, как в полумраке зловеще засветился ее стеклянный глаз, нам стало страшно.

Тесто в тазу окаменело, и бабкины руки оказались замурованы в этот камень. Кекос схватил лампаду, добавил фитиля и кинулся к ней, как огромная птица, пощупал, посветил и сказал единственное роковое слово.

– Гипс...

Вот что было в бумажных мешках в «студебеккере». Вот почему его никто не охранял. Мы на него за войну насмотрелись на руках и ногах раненых в госпитале. А про порошок даже забыли.

Значит, бабка высыпала в гипс свою последнюю муку, и надеяться не на что. Еще одну ночь будем бороться с голодом, стараясь уснуть поскорее. А в глазах только одно – большая перемена и раздача кусочков хлеба. Кому перепадет горбушка?

Казалось, не было такой силы, которая бы не пустила нас в школу к этой горбушке. Но утром мы в школу не пошли, потому что нашлись дела поважнее. Утром объявили День Победы.

Сцены у базара и фонтана

Первого сентября Кекоса выгнали с первого же урока.

Говорил я ему: не дерись на танцах с мужем учительницы. Но он удержаться не мог, потому что любил ее. Это было общеизвестно, и никто над ним в школе не смеялся, все там были сильно младше него, в шестом классе он начал бриться. К этому времени у нас уже у всех полезли усы. А на одних партах с нами сидели совсем дети, мы ждали их три года войны, когда занятий почти не было, потом три года после, когда все начинали сначала, и вот уже скоро в армию, а проклятая алгебра никак не давалась.

Мы свои усишки выставляли напоказ, хоть по три волосинки, а Кекос почему-то стеснялся и впервые пересел на переднюю парту. Это новая учительница его пересадила. Она думала, так он лучше будет понимать. Но Кекос больше понимал совсем в другом. Он все время что-то ронял: то ручку, то тетрадку, то карандаш, то резинку, то линейку, то транспортир. И каждый раз долго доставал, пыхтя и возясь под своей первой партой, он проводил там по пол-урока, и причиной тому были ноги учительницы, таких белых ног мы не только не видели никогда, но даже и не думали, что они такими могут быть. Это было что-то волшебное, как будто ненастоящее. Возникал даже спор, свои они у нее или приделанные, из какого-то особого материала. Вместо того, чтобы делать уроки. Учительница ничего не могла понять и только повторяла: «Ты когда-нибудь вылезешь из-под парты?» Кекос пыхтел оттуда: «Сейчас». И через три минуты что-нибудь снова ронял.

Кончилось тем, чем должно было кончиться. Однажды на уроке учительница дернулась, как от тока, и громко вскрикнула. Сначала мы думали, ее там укусила крыса, по потом оказалось, это Кекос, а не крыса. Он дотянулся из-под парты под учительский стол и потрогал ее ногу. Удивительное было не в том, что он это наконец сделал, а в том, сколько он до этого терпел. Эти белые ноги лишили его сна и покоя, а мы знали, что если Кекос потеряет из-за чего-то покой, он этого обязательно добьется.

Например, пальто. Пальто в нашем климате никто никогда не носил. Как ненужную роскошь. Зимой хватало и свитера под пиджаком, а то и просто толстого шарфа. Ватная фуфайка считалась шубой, и те несколько морозных дней с редким снежком, которые выпадали за зиму, в крайнем случае можно было перебиться под крышей. Так бы мы и не узнали о необходимости этой принадлежности мужского гардероба, но на беду нашу в клубе косяком пошли трофейные фильмы. Настоящие мужчины в них представали одетыми в элегантно-длинные пальто и плащи, с сурово поднятыми воротниками и надвинутыми на лоб шляпами, мы захлебывались, пересказывая друг другу много раз всеми виденные «Сети шпионажа». «Да, ты, он ему в спину должен выстрелить, а он его друг, и он так идет сзади и руку в карман, достает в темноте и щелк – там зажигалка, он сигарету прикуривает, еще так затягивается, и вдруг бах, с другой руки, с левой, незаметно достал пистолет из другого кармана и выстрелил в спину, да, ты?» Из всего этого было ясно одно: настоящий мужчина должен ходить в длинном, перепоясанном пальто или плаще с поднятым воротником, а не в куцем бумазейном пиджачишке с грязным шарфом.

Кекосу пора было стать настоящим мужчиной, особенно в глазах новой учительницы. И он знал, как этого добиться. Потому что знал, где отец с матерью прячут накопленные деньги. Конечно, под своим матрасом, где же еще. Как и в каждой

городской семье. Как настоящий разведчик он выждал, пока из трепаных трешек и двадцатипятерок не набралась нужная сумма, намеченная им в городском магазине. Там и висело длинное пальто из песочного толстого драпа с заветным поясом, таким широким и внушительным, что Кекос просто млел. Мы все знали, что ему грозит за изъятые из-под матраса сбережения. Но знали и непреклонность Кекоса. Он назначил нам день, когда пройдет по городу в новом пальто, как герой трофейного фильма. Только его собственные родители были единственными, кто не подозревал о его замысле. Деньги набрались почти к лету, и неудивительно, что пальто долежалось, теперь его сезон надолго прошел. Но Кекос не мог ждать до осени. Как только под матрас легла последняя недостающая трешка, он в сопровождении нас всех направился в магазин промтоваров. Это было людное шествие, потому что каждому по пути объявлялось: Кекос идет брать пальто! Многим хотелось увидеть собственными глазами – как это перед летом, когда надо покупать тапки и майки, человек покупает пальто. Он примерял его так и эдак, скрывался в кабине со старым треснувшим зеркалом, высовывал голову между шторок, звал по одному ближайших дружков дать совет и оценку. Оценки были самые высокие, а советы осторожные. Слишком хорошо мы знали отца Кекоса, человека непредсказуемого нрава из-за ранения в голову. Он вернулся о войны не сразу, долго лечился по госпиталям и вместо наград принес справку, что ему все можно, и он за себя не отвечает. Так ее переводил с медицинского языка сам Кекос, и мы все время ждали от его отца, заросшего могучей черной бородой, но лысого, как биллиардный шар, с красноватым шрамом поперек этой лысины, какого-нибудь необыкновенного подвига. И вот, кажется, час этого подвига наступил.

Кекос шел по улицам во главе многолюдной процессии. Солнце палило вовсю, остальные прохлаждались в рубашках и майках. Кекос же обливался потом в плотно застегнутом желтом пальто, туго подпоясанный широким ремнем с пряжкой, утопив подбородок в поднятый, простроченный с изнанки, воротник. Он удлинил свой мучительный путь, сделав крюк возле школы, где надеялся быть увиденным новой учительницей. Это был путь героя перед тем, как лучший друг выстрелит ему в спину. И одновременно путь агента, которому поручили убить лучшего друга. Общий вид немного портили сатиновые шаровары и сандалии на босу ногу, чего мы сроду не видали на агентах, щеголявших лакированными штиблетами и складками на выутюженных брюках. Но Кекоса это не смущало, брюки и штиблеты он считал делом второстепенным.

Возле школы он постоял минут десять и выкурил две папиросы. В открытых окнах скучилась малышня, из учительской остолбенело пялились завуч с директором. Такой наглости они не ожидали даже от закоренелого многогодника с усами. Только когда за их спинами мелькнуло лицо сероглазой учительницы в обрамлении светлосоломенных волос, Кекос шикарным щелчком стрельнул окурком в радостную свиту и повернул к дому.

Там его ждал отец, предупрежденный о событиях несколькими сменами гонцов. Сначала о том, что сын Кекос очистил подматрасную заначку и несет ее в магазин, в чем он сразу же и убедился, отвернув угол матраса. Затем о том, что похищенная сумма достигла промтоварного магазина и приблизилась к отделу верхней одежды. Затем – что сумма превратилась в светложелтое пальто и теперь движется назад к дому. Шрам поперек отцовской лысины стал раскаленным, а в руках у отца появились огромные портновские ножницы, которыми он защелкал и залязгал в ожидании блуд-

ного сына, приплясывая перед своей калиткой. Рано или поздно, как ни крути по другим улицам, которым Кекос хотел показать себя, ему пришлось пойти и по своей.

Он шел с выражением лица из кинофильма «Судьба солдата в Америке», а те, кто бегал доносить отцу, и те, кто доказал свою верность, шли теперь в единой процессии сзади, как на похоронах или на первомайской демонстрации. Все знали, что его отец копил деньги на швейную машинку и ожидали развязки.

Увидев на расстоянии двух маленьких переулков такого красивого сына, отец еще яростнее защелкал ножницами и закричал: «Иди, иди, ближе иди! Ты думаешь, ты пальто купил? Ты смерть свою купил!» Многие думали, что после этих слов Кекос образумится и бросится назад, подальше от отцовских объятий.

Но он решил доказать, кому надо, и только капельки пота выступили вокруг темных усиков. Он шел вперед, не сворачивая, прямо на лязг огромных ножниц, только побледнев и устремив взгляд выше заборов и крыш, к горизонту, показывая свою непреклонность.

Мы думали, ножницы перережут Кекосу горло или хотя бы отхватят нос. Но отец с красным шрамом выбрал самое оригинальное и неожиданное для нас всех решение. Он схватил мужественного сына за поднятый воротник, и через секунду этот воротник отделился от пальто и остался в руках у отца. Со свирепой улыбкой папаша схватил сына за рукав, и в три могучих щелчка сдернул рукав с руки, отбросив и его в сторону; то же самое произвел и со вторым. Кекос стоял, как в примерочной, с голыми руками и шеей, но не пошевелился, проявляя высокое мужество. Отец дико захохотал, ножницы, ликуя, заходили по бортам, отворотам, полам, спине, клочья красивейшего желто-песочного драпа летели направо и налево. Пальто превращалось в ничто.

Кекос стоял, не шевелясь, подняв подбородок и не говоря ни звука. Теперь он был партизаном под пыткой в гестапо. Отец не переставал хохотать, приплясывать, метать из шрама молнии, и мы теперь воочию видели, что такое волшебная справка. Действительно, человек без такой справки просто бы снял с Кекоса пальто и отнес обратно в магазин, получив свои деньги назад. В крайнем случае, продал бы на базаре или на вокзале проезжающим пассажирам. Справка же позволяла отцу как бы лично, своими руками, изрезать громадными ножницами собственные свои сбережения на швейную машинку и не бояться, что жена, мать Кекоса, проломит ему за это голову утюгом, стукнув как раз по красному шраму, пересекавшему череп.

Нам бы всем по такой справочке. Сколько полезных дел можно было бы совершить на базаре, вокзале, в кино, в школе, в промтоварном и в продовольственном магазинах. Чуть что – достал, показал учителю или милиционеру и беги себе дальше.

Кекос, показавшись в пальто учительнице, счел его назначение выполненным и поэтому, наверное, не оказал должного сопротивления, хотя перерос отца уже на голову.

Через несколько дней после этого он созрел и до касания учительской ноги. Наверное, подумал, что человеку в пальто можно все.

На педсовете, к сожалению, по указанным причинам он стоял не в пальто, а в нормальных своих синих шароварах и застиранной рубашке. Но с видом вполне пальтовым, молча и отсутствующе, как угрозы в гестапо, слушая, кто он такой. Конечно, и бандит, и хулиган, и психопат, и кретин, и дебил, и недоразвитый, и умственно отсталый. Все это он вынес молча и героически, упершись подбородком в грудь. Как

всегда у нас, сначала обругали всяческими словами, а потом спросили, почему он так сделал. Что он должен был им сказать? Что думал до сих пор, будто черный цвет пыльных пяток, дочерна загорелые икры всех городских девочек, женщин и девушек и есть их самый естественный вид? И что эта приезжая белизна женских ног вызывала самые необыкновенные чувства, которые так трудно выразить известными ему словами? Крики «говори!», «отвечай!», «чего молчишь?» стучали в ушах, подгоняли, требовали, перебивали мысль, наводили тоску. Он был готов терпеть любые пытки в гестапо, но учительская была недостойна его героизма, и он сказал:

– Я думал, они протезные.

Из всего педсовета только один человек проголосовал за то, чтобы Кекоса не исключили из школы сейчас же, а объявили последнее предупреждение. Это была сама новая учительница. Она сказала какие-то странные слова, будто бы из знакомого кинофильма, но из какого – забыл, то ли из «Секретной миссии», то ли из «Индийской гробницы».

– Я не хочу, чтобы из-за меня была разбита эта судьба, – услышал он.

Этого хватило, чтобы Кекоса оставили с последним предупреждением, но оставили только до первого сентября. Потому что первого сентября на педсовете обсуждали уже его драку на танцах с мужем учительницы, который захотел вступиться за честь своей жены и потребовал, чтобы Кекос не смел до нее дотрагиваться своими грязными лапами. Как будто Кекос намерен был продолжать это делать на каждом уроке. Его вообще уже снова пересадили на заднюю парту, так что это при всем желании сделалось невозможным. Но Кекос на танцах повел себя так, будто был намерен именно каждый день, на каждом уроке, продолжать начатое и хочет отстоять это священное право. Муж учительницы был капитаном танкового полка, и силы на танцах были явно неравны. Кекос пострадал дважды, сначала там, потом в школе. Но и это были не главные удары. Первого сентября в школе не оказалось и самой учительницы. Она с мужем переехала на новое место службы. Наверное, на повышение. Остался один педсовет, который довершил начатое.

Да Кекосу уже и не нужна была школа. Свободно вдохнув полной грудью пыльный наш прогорклый и прожаренный воздух, он полностью отдался игре в «лямку» и альчики за школьной уборной, где был клуб всех сбежавших с уроков. Там с цирковой ловкостью мелькали босые чумазые пятки, взлетали мохнатые блямбы, хлюпали сопли, вспыхивали моментальные ссоры и драки из-за перескока со «сто одиннадцать» на «сто пятнадцать», причем здесь все оказывались успевающими по арифметике, слышалось визгливое «атас!» при появлении дежурного учителя. Только Кекос мог при этом не рвать с толпой голопузых прогульщиков за глиняную ограду, а спокойно, вставив в зубы окурок «Прибоя», встречаться с ним как равный с равным и даже здороваться за руку.

Только наступившая зима оттеснила его с улицы в дом. В крайнем случае, в автобус с зафанеренными окнами. Этот единственный в городе автобус трясся по единственному в городе маршруту, от базара до вокзала и обратно, с долгими остановками, на которых водитель Фарад то обстоятельно беседовал со знакомыми парнями, то подливал воду в мотор, зачерпнув ее брезентовым ведром из арыка. И самым постоянным и преданным его пассажиром стал Кекос, начав даже выполнять мелкие шоферские поручения.

Весной он уже по-настоящему вышел на работу. Работу Кекосу искали всем городом из уважения к его отцовскому шраму. Она должна была быть такой, чтобы

туда не страшно было опоздать. Но в то же время, чтобы там ничего не могло взорваться или загореться, ударить током или ошпарить кипятком; чтобы какой-нибудь керосин не мог залить мешки с сахаром, а отснятая фотокассета вместо красного света вылезти прямо на белый. По этим многочисленным причинам одна работа за другой отпадали, пока, наконец, стараниями самых дальних родственников не нашлась та, что надо.

Сладостным весенним утром, не слишком рано и не слишком поздно, Кекос выходил за порог и брел между дувалами, как бы никуда не спеша. В одной руке у него был пакет с каким-то порошком, в другой – мандолина. Тем и другим он время от времени замахивался на баранов, привязанных возле каждого дворика на молодой траве, или сбивал цветы с веток распушившейся алычи, и они осыпали его плечи и черную голову мягким снегом белых лепестков. Успев раз-другой погнаться за непочтительными, на его взгляд, пацанами, раз-другой дернуть также от взрослых, которым сам он показался непочтительным, забравшись на несколько крыш и деревьев, заглянув в несколько сараев и прокатившись на двух-трех ржавых и скрипучих чужих велосипедах, он, наконец, приходил к месту своего трудового подвига.

Это были покрытые весенней травой и алыми полянами тюльпанов загородные холмы, необозримый простор, еще не испепеленный летним яростным солнцем. Что должен был делать Кекос, ступив на эту землю в момент ее краткой неописуемой красоты, дарованной природой будто по недосмотру, чтобы сейчас же вернуться и отобрать? Ведь это про наш город, не про какой-нибудь другой, во всех частях туркестанского военного округа говорили: зачем богу ад, если есть Кызыл-Арват. И мы этим очень гордились, но и тут была короткая минута истинного рая. И в этот-то рай Кекос должен был высыпать ядовитый порошок из своего пакета. В круглые аккуратные дырочки сусличьих норок, в жилища плодовитых зверьков, чем-то мешающих городской санэпидстанции. Да, наш Кекос ходил на холмы травить сусликов, и это была его ответственная работа.

Как он ее делал? Очень просто. Чтобы не тащить обратно порцию отравы, за которую расписался в конторе, высыпал весь пакет порошка в одну какую-нибудь ямку, на его взгляд нежилую, присыпал сверху землей, притаптывал, чтоб никуда не распылилось, усаживался на пригретом солнышком склоне, на свежем ветерке, и начинал играть на мандолине, в основном, грустные вальсы, из которых самым любимым был «На сопках Манчжурии». Кекос играл и играл, а вокруг вылезали из норок и становились на задние лапки спасенные им от отравления суслики. Пока он играл, они стояли, как завороженные, слушали и шевелили губами. Может, подпевали, может, дожевывали какую-нибудь вчерашнюю еду. Может, говорили Кекосу спасибо за то, что не принес вреда их земляному племени, не оставил их детей сиротами. Так и проходил рабочий день. А иногда, выходные.

Но не здесь я оставлю Кекоса, на его первой и, может быть, лучшей в жизни работе. Не на «зеленых холмах Африки», как их кто-то назвал, когда до нас добрался Хемингуэй. И не на другой работе, куда наш Кекос попал в более зрелые годы, когда мандолина в его руках сменилась на банджо. Да, после фестиваля, когда начали нас развращать, на весь Советский Союз было, наверно, пять банджо, и одно из них оказалось в ресторане в Кызыл-Арвате в руках Кекоса. Но он недолго на нем играл. Он это банджо об голову разбил. Не пьяного офицера, лезущего под фартук официантки Джульетты. Не своего лучшего друга Топора, который фальшивил на гитаре. А о свою личную, когда делал цыганочку с выходом. На следующий день опять сусликам на

холмах на мандолине играл. Такой грустный. Из ресторана его выгнали.

А оставлю я Кекоса на ваше усмотрение в громадном городе Москве, почти на Красной площади, вернее, около нее, в огромном замечательном ГУМе, в который он попал, возвращаясь из армии и ожидая поезд на Ташкент. В Ташкенте ему предстояло пересесть на самый грязный и самый медленный в СССР поезд Ташкент – Красноводск и уже с его подножки, небрежно позевывая, как подобает истинному дембелю с бляхой ниже пупа, ступить на родимый перрон. Ехал же он откуда-то из-за Урала, где всю службу строил в какой-то тайге какую-то железную дорогу. Строил, строил, строил и так и не понял, откуда и куда она ведет. Еще искусанный таежным гнусом, с противным запахом болота, не отбитым свежим гуталином на сапогах и крепким тройным одеколоном, Кекос приехал на метро с вокзала в ГУМ, о котором так много слышал и где решил купить скромные подарки сестре и матери.

Но подарки Кекос не купил. Странно, скажете вы, если узнаете, что он провел в ГУМе три дня. Три дня от открытия до закрытия, возвращаясь на вокзал переночевать и побриться в кафельном подвальном туалете, где все время журчит вода. Но это именно так. Ибо первое, что услышал этот покупатель, войдя в высокий свод, было: «Граждане, потерявшие друг друга, встречайтесь у фонтана в центральной секции». И еще много раз: «Ждите друг друга у фонтана».

И он пошел к фонтану и встал там. У фонтана в ГУМе. Потому что другого такого места на земле, где бы ждали друг друга люди, которые потерялись, он еще не встречал. У нас в Кызыл-Арвате это был базар. Крохотный, пыльный, с кособокими хромыми столиками-прилавками, а в основном с товарами, горками помидоров или гранатов, сыром, чуреками и лепешками, разложенными прямо на земле на платках. Но кто мог потеряться в Кызыл-Арвате? Смешно даже подумать. Через пять минут он сам собой, куда бы и зачем ни шел, от кого бы ни хотел скрыться и кого бы ни хотел сам догнать, оказывался на базаре. У всех на виду, делай с ним что хочешь.

Но где искать человека, который потерялся за пределами Кызыл-Арвата, а именно там и потерялась учительница, Кекос до сих не знал. И вот узнал. И сразу же подумал об учительнице. Его как озарило. И вот, как был в черных погонах со шпалами, он там и встал. Мимо из разных отделов весь день шли многие и многие люди. Они несли покупки, которые и Кекос хотел бы сделать для мамы и сестры. Шелковые или нейлоновые платочки, чулки, поясочки с блестящими пряжками, заколки и брошки, дразнящие медной позолотой, губную помаду, пластмассовые черные очки, стеклянные бусы, зеркальца и тьму других соблазнов. Скудных солдатских денег у Кекоса хватало на что-нибудь одно для сестры и что-нибудь одно для мамы. Но для этого надо было долго ходить выбирать по всем трем этажам трех громадных пролетов, в тысяче заманчивых отделов. А Кекос боялся отойти от фонтана даже на шаг – вдруг в этот момент она как раз и подойдет. А его там нет. Он стоял целый день, купив только раз мороженого, и последним уходил, когда все закрывали... Вернее, его выгоняли уборщицы. Несколько раз у него проверяли документы и выправку, но они были в полном порядке. Тем более, с билетом на поезд. И пока до поезда оставался хоть день или час, он имел право стоять и не терять надежды. И он не терял. Он стоял и стоял, слушая и слушая, завороженный обещанием: «Ждите друг друга у фонтана»...

ГОСТЬ

Бахытжан Канжапьянов – известный казахский поэт, писатель, переводчик, сценарист и кинорежиссер – прямой потомок Чокана Валиханова, являющегося одной из самых ярких фигур в истории казахской культуры и науки…

Сегодня мы представляем нашим читателям несколько стихотворений нашего казахского гостя, в которых он размышляет о поэзии и ее месте в нашем непростом мире.

АЛИНА ТАЛЫБОВА

БАХЫТЖАН КАНАПЬЯНОВ

* * *

Я отправился в путешествие
В тиши библиотеки,
И переплет каждой книги на полке
Манит мой взгляд,
Словно портрет или ландшафт
Воображаемой Вселенной –
Моего пути в грядущее.

Это было вчера.
А сегодня –
Лист бумаги пугает и манит
Своей белизной.
Экран монитора дышит огнями
Небесного разума.
Что-то заело… Сканер души –
Что будет завтра?..

Сомнамбулический сонет

Где дышат Патриаршие пруды
Вечерним светом отраженных окон,
Там над скамейкой, где сидела ты,
Свисая с ветки, шелковичный кокон
В угоду рифме твой напомнит локон.
И повторится все: сидела ты,
Дышали Патриаршие пруды
Вечерним светом погруженных окон.
Быть может, персонажи баснописца
Из дерева и камня – оживут,
Мартышка, рак, ворона и лисица
К скамейке подлетят и подползут,
И скажут мне, что, опустив ресницы,
Вчера весь день она грустила тут…

* * *

В этом мире, пустом и безумном,
Чист твой образ в оправе окна.
Даль распахнута в трепете юном,
С ней сроднится в сиянии лунном
Только вкус молодого вина.

Одарила нас щедро природа,
Мы не ценим ее до поры.
Ко всему переменчива мода,
Только вечны любовь да свобода,
Да под осень земные дары.

* * *

Стихи неподвластны преградам,
Стихи не имеют границ.
Фиксирую в памяти взгляда
Метафоры этих страниц.

А все остальное не в тему,
А все остальное не в счет.
Герой мой покинул поэму,
И нас за пределы влечет.

* * *

Живем, как будто впереди ждет вечность,
Отодвигая планы на потом.
И по душе нам детская беспечность,
Как говорят – пока не грянет гром.

Дверь приоткрыта в календарь эпохи,
Желаю, чтобы все же повезло.
Пережигаем мы земные строки...
Под пеплом где-то – вещее число.

* * *

Щедрый станет скупым,
Но останется в памяти щедрым.
Скупой станет щедрым,
Но останется в памяти нашей скупым.
Не зря говорят,
Что исключения эти из правил
Вновь оттеняют
Закономерность судьбы.

* * *

Днем не слышно горной речки –
По ночам она слышна.
И ее послушать речи
Смуглая плывет луна.

Речка у ветвистой ели
Расплескала лунный свет...
А к утру вблизи ущелья
Ни луны, ни эха нет.

*** * ***

Негатив прошлой жизни
Засняли – мелькнули шторки,
Фотограф седой – учтив.
Быть белой душе на пленке,
Когда она – негатив.
Скрытой камере виден каждый,
Все вобрал в себя объектив.
Но белой душою в стоп-кадре
Обозначится негатив.
Знать, раньше иного срока
Перед всевидящем оком
Грехи небесами отпущены.
Душа моя белая сушится,
Свесившись пленкой раскрученной,
Где белой души мгновения
Преломлялись сквозь призмы,
Период пройдет проявлений
В лабораториях жизни.
И вот вам – цветной портрет.
А белого света – нет!..

Страна юности и детства

Мы всё еще прошлым живем,
Романтикой бывшей страны.
В час оный все так же вдвоем,
Но с этой уже стороны.

Не знали, что там, наверху,
Не рвались на бал Сатаны.
Душой уходили в строку
На гребне сердечной волны.

Порою с весельем был страх,
Вернее, лукавым он был.
Но что-то дышало в стихах,
Как будто бы ангел кружил.

Стихами помянем страну,
Покуда мы живы, она
Из памяти тянет струну,
И звоном стоит тишина.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

Президент «открывает» Америку

Актовый зал Музея культурного наследия американских индейцев был полностью заполнен нью-йоркской диаспорой, состоящей из азербайджанцев, турок, евреев и русских, а также многими представителями дипломатических служб ООН. В этот день, 10 мая 2008 года, в Нью-Йорке отмечалось 85-летие со дня рождения лидера Азербайджана – президента Гейдара Алиева. В этой почти «домашней» обстановке я почувствовал себя как бы в одном из обычных залов Баку, например в ДК им. Дзержинского, где всегда отмечались какие-либо праздники. Этому способствовал привычный гул бакинского разноязычия. Собравшихся объединяло чувство глубокого уважения к лидеру, создавшему свободный, независимый и сильный Азербайджан. И то, что этот день отмечался в Нью-Йорке, только подчеркивало высокий авторитет президента Гейдара Алиева в такой стране, как Соединенные Штаты Америки.

В праздновании юбилея принимала участие внучка Гейдара Алиева Лейла ханым Алиева. Неожиданно она оказалась сидящей в предыдущем ряду от меня.

И я вдруг вспомнил о необычном эффекте от визита президента Азербайджана Гейдара Алиева в Америку. Американские телевизионные каналы с удивлением комментировали активность азербайджанского гостя. Было просто здорово слышать на английском языке репортажи о встречах и беседах Гейдара Алиева о различных сферах государственной деятельности. Президент так свободно ориентировался в казалось бы незнакомой обстановке бизнеса, что я заподозрил: а не провел ли наш лидер в Нью-Йорке и Вашингтоне какие-то свои ранние годы? Бывал ли Гейдар Алиев в Америке, будучи офицером КГБ, выяснить не представилось возможным по той простой причине, что автору не предложили покопаться в секретных материалах некогда могучего и тайного ведомства...

Итак, первый официальный визит в США президента Азербайджана проходил с 27 июля по 5 августа 1997 года. Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев прибыл в США по приглашению Президента Соединенных Штатов Америки Билла Клинтона.

Глава Азербайджана, работавший в очень тесном рабочем графике, в течение 10 дней провел более ста встреч и переговоров в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго и Хьюстоне с авторитетными представителями официальных государственных и высших деловых кругов США. Этот официальный визит главы государства имел важное значение для развития политических, дипломатических и экономических связей между США и Азербайджаном.

Взглянув на график работы президента, можно убедиться в том, насколько он был насыщенным.

28 июля 1997 года в Нью Йорке Гейдар Алиев встретился с руководящими лицами нефтяной компании «Би-Пи Америка»; были обсуждены перспективные разработки этой компании, получившей крупную долю в «Контракте века», в Азербайджане.

29 июля Гейдар Алиев встретился с членами Американо-азербайджанской торговой палаты и делового совета Международной организации по взаимопониманию. Глава государства выступил с обширной речью, посвященной экономическому потенциалу и направлениям перспективного развития Азербайджана, а также ответил на многочисленные вопросы представителей деловых кругов Америки, имеющих желание сотрудничать с Азербайджаном. Информационное агентство «Доу Джонс», сообщившее о том, что речь Гейдара Алиева вызвала большой интерес, получило согласие на распространение текста данной речи в мировых информационных агентствах.

В тот же день в Генеральном штабе ООН состоялась встреча Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева с представителями гуманитарных организаций (Международного комитета помощи, Международного центра реабилитации, Международного комитета по распределению продовольственных товаров, Американской организации поддержки, ЮНИСЕФ), действующих в рамках данной международной организации.

Уже во второй день визита Президент Азербайджанской Республики дал интервью журналу «Уолл Стрит Джорнал» и газете «Нью-Йорк Таймс», а также имел беседу с редактором издаваемого в США журнала «Институшнал инвестор» Стивеном об экономическом потенциале и внешней инвестиционной среде Азербайджана.

29 июля Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев, завершивший нью-йоркскую часть официального визита в США, вылетел в Вашингтон. Даже в самолете президент не тратил время впустую: он дал интервью газетам «Филадельфия Инкуайрер» и «Корнел оф Коммерс».

В тот же день, по прибытии в Вашингтон, в конгрессе США Гейдар Алиев встретился с делегацией, возглавляемой членом Комитета по внешним связям Бенджамином Гильманом. В ходе беседы была подчеркнута важность уделения особого внимания развитию экономических связей между двумя странами. После завершения многочисленных встреч и переговоров в Конгрессе Американо-азербайджанская торговая палата организовала в Национальном музее строительства в Вашингтоне официальный прием в честь Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева.

30 июля Президент Гейдар Алиев встретился в отведенной ему резиденции в Вашингтоне с президентом компании «Халлибертон» Ричардом Чейни. На встрече были обсуждены трехлетняя деятельность компании в Азербайджане и новые возможности сотрудничества в различных областях национальной нефтяной промышленности.

31 июля Гейдар Алиев принял президента «Эксимбанка» США Джеймса Хармана. Между ними состоялся обмен мнениями о подготовленном для подписания документе, который должен был регулировать финансовые отношения между двумя странами. Затем он по отдельности встретился с министром финансов США Робертом Рубином и министром энергетики Федерико Пенья. Были обсуждены вопросы сотрудничества в конкретных областях. В тот же день в Министерстве торговли США, на встрече с представителями деловых кругов Америки, Президент Азербайджана выступил перед ними с обширной речью. Являясь великолепным оратором, он со знанием дела рассказал об истории, политической и экономической системе, культуре Азербайджана, коренных реформах, проводимых в стране после обретения независимости. Высокопоставленная аудитория с большим вниманием выслушала Президента. Гром аплодисментов прогремел по окончании интересной речи Гейдара Алиева. Затем он ответил на многочисленные вопросы участников церемонии.

Но и это не было завершением повестки дня. Президент принял в отведенной ему резиденции Джеймса Вульфенсона – президента Всемирного банка, являющегося самой крупной международной финансовой структурой, действующей в рамках ООН. На приеме были обсуждены реформы, проводимые в последние годы в финансовом секторе Азербайджана, и их положительные результаты.

В конце дня министр торговли США Уильям Дейли и министр энергетики Федерико Пенья организовали в честь Президента Азербайджанской Республики официальный прием в здании «Олд сенате суите» Конгресса США. В приеме приняли участие высокопоставленные лица правительства Б.Клинтона, видные политики, государственные деятели, руководители различных компаний США.

1 августа 1997 года в Белом доме состоялась встреча Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева и Президента США Билла Клинтона. После окончания встречи состоялась церемония подписания вышеотмеченных официальных документов с участием глав государств. Затем каждый из президентов выступил с заявлением.

Позже при участии Гейдара Алиева и Билла Клинтона между нефтяными компаниями

США и ГНКАР состоялась церемония подписания контракта о совместной разработке четырех нефтяных месторождений в азербайджанском секторе Каспия. Церемония была организована в комнате Рузвельта (конференц-зал) в Западном крыле Белого дома. Следует отметить, что в этом помещении подписываются контракты и соглашения, имеющие особую значимость для США.

Затем от имени Президента США Билла Клинтона был дан официальный прием в честь Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева.

Вечером того же дня Президент Азербайджана, продолжая визит, отправился на самолете в город Хьюстон, известный как один из крупных бизнес-центров США.

Таким образом, в рамках этого визита были подписаны нижеследующие документы, действующие в настоящее время и имеющие важное значение для создания и развития экономических связей между США и Азербайджаном:

Заявление о намерении создать двусторонний диалог между Азербайджанской Республикой и Соединенными Штатами Америки по развитию энергетики;

Совместное заявление об американо-азербайджанских отношениях;

Контракт о поощрении и взаимной защите капиталовложений между правительством Азербайджанской Республики и правительством Соединенных Штатов Америки;

Генеральное соглашение о поощрении проектов между правительством Азербайджанской Республики, Национальным банком Азербайджанской Республики и «Эксимбанком» Соединенных Штатов Америки.

Хочу обратить внимание читателей, что все эти разные по сути соглашения были подписаны в один день, 1 августа 1997г.

Можно только восхищаться работоспособности вообще-то уже немолодого человека.

2 августа Президент Азербайджанской Республики встретился с представителями крупных нефтяных компаний страны, провел переговоры по вопросам, представляющим взаимный интерес. В конце дня Американо-азербайджанская торговая палата и Хьюстонское общество по сотрудничеству организовали официальный прием в честь Президента Гейдара Алиева. На приеме Гейдар Алиев выступил с речью.

3 августа 1997 года Президент Азербайджана принял президентов крупнейших компаний: «Эксон», «Тексако», «Арко», «Шелл», «Мобил», специализирующихся на добыче, транспортировке и продаже нефти во всем мире. Были обсуждены будущие инвестиционные проекты этих компаний в Азербайджане, присоединившихся к сотрудничеству в рамках нефтяной стратегии.

В конце дня Гейдар Алиев, прибывший из Хьюстона в Чикаго, встретился с бизнесменом из знатной семьи штата Иллинойс Томасом Прицкером, вкладывающим крупные инвестиции в ненефтяной сектор Азербайджана.

4 августа в Чикаго состоялась встреча Президента Азербайджанской Республики с руководителями компаний «ФМС», «Катерпиллар», «Моторолла», «АМОКО» , где были обсуждены инвестиционные вклады в различные секторы экономики Азербайджана. В тот же день Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев принял председателя Американо-евразийской торгово-промышленной палаты Елену Теплицкую. Затем Гейдар Алиев, посетил известную товарно-сырьевую биржу, функционирующую в Чикаго, где выступил перед собравшимися с речью.

Наконец, 5 августа – в последний день официального визита – в «Чикаго клуб» была организована встреча Президента с руководителями финансовых и банковских структур США, таких, как корпорации «АМОКО», банки «Сосайте Дженерал», «Джейс Манхеттен», «Гольтман Чаджс», «Ситибанк», «Морган Стенли», «Лазерт Фререс», «Кредит Сьюс Бостон», «Банк оф Америка».

На этом Президент Азербайджана Гейдар Алиев завершил свой первый официальный визит в США и вернулся на родину.

Восхищенные эрудицией азербайджанского президента, в январе 1999 года Совет директоров Кембриджского международного биографического центра присваивает Гейдару Алиеву звание «Выдающийся деятель XX века», наградив его серебряной медалью и вписав его имя в Почётную книгу королевства Великобритания за проведение миролюбивой политики и большой вклад в развитие демократии.

Долго ещё в американских СМИ обсуждался визит президента-интеллектуала.

Большой неожиданностью явилось приглашение Гейдар Алиева в Вашингтон 22 апреля 1999 года по поводу мероприятий, посвященных 50-ти летию НАТО.

Здесь он выступил с яркой речью на встрече с сенаторами и видными общественно-политическими деятелями Соединенных Штатов Америки.

В рамках этого юбилея 23 апреля прошла встреча со слушателями Академии военно-морского флота 23 апреля.

А 24 апреля в Белом доме состоялась беседа Президента Азербайджана Гейдара Алиева с Президентом Соединенных Штатов Америки Биллом Клинтоном и с бывшим Государственным секретарем США, видным политическим деятелем Генри Киссинджером.

В Госдепартаменте прошла интересная беседа с Государственным секретарем США Мадлен Олбрайт.

И, конечно же, 27 апреля 1999 года – уже ставшая традиционной встреча с конгрессменами США.

Без сомнений, конгрессменам было весьма удивительно встречаться с человеком, который просто и мотивированно отвечал на все их подковыристые вопросы.

Следующий визит Гейдара Алиева в Америку состоялся снова по инициативе президента США в середине февраля 2000 г.

14 февраля Президент Азербайджана выступил с эмоциональной программной речью в Университете Джона Гопкинса в Вашингтоне. Президент остановился на развитии Азербайджана как нефтедобывающей страны и на политике республики в свете Кавказских событий.

В небольшой информационной статье нет возможности осветить все вопросы и проблемы, обсужденные Гейдаром Алиевым в ходе этого визита. Можно не сомневаться, что все они были поставлены для решения проблем во благо Азербайджана.

Вот фрагмент его выступления 16 февраля на официальном приеме в Вашингтоне:

«*Хочу сообщить вам, что моя встреча и переговоры, проведенные с Президентом Клинтоном, имеют очень большое значение для меня, для Азербайджана. Разумеется, у нас много требующих обсуждения вопросов. Но мы, в основном, обсуждали вопросы мирного урегулирования армяно-азербайджанского, нагорно-карабахского конфликта. Мы также провели обсуждение вопросов, связанных с использованием энергетических запасов Каспийского моря, обеспечением добычи нефти, газа и выводом их на мировые рынки, в частности, в связи со строительством нефтепровода Баку – Джейхан.*

Мы также вновь обсудили вопрос отмены несправедливой в отношении Азербайджана 907-й статьи, принятой конгрессом США в 1992 году. Мы также коснулись ряда вопросов развития американо-азербайджанских связей».

Джордж Буш-старший, экс-президент США, видимо, сожалея об упущенной инициативе в бытность своего президенства, приглашает Гейдара Алиева с неофициальным визитом в свою резиденцию – г. Кеннибункпорт 9 сентября 2000 года.

Встреча проходила в дружеской атмосфере.

А накануне, 8 сентября, Президент Азербайджана провел встречу с руководителями влиятельных еврейских организаций США.

В своем выступлении на этой встрече Гейдар Алиев, признав, что в 1989-92 годы в результате нестабильной обстановки многие евреи иммигрировали из Азербайджана (по мнению автора, подобное не произошло бы, будь у руля республики несгибаемый Гейдар Алиев), уверил присутствующих, что, «*начиная с 1993 года удалось обеспечить в Азербай-*

джане внутреннюю общественно-политическую стабильность, и миграция людей резко прекратилась. Более того, люди, переехавшие в свое время из Азербайджана в Израиль, сегодня уже возвращаются в Азербайджан. Так, в последнее время в Азербайджан возвратились 40 еврейских семей. Они, естественно, не выражают недовольства пребыванием в Израиле. Но они были настолько привязаны в прошлом к Баку, Азербайджану, что чувство ностальгии возвратило их обратно. А жизнь тех семей, что не уехали, остались, улучшается день ото дня».

Далее президент остановился на встрече с премьер-министром Израиля:

«*7 числа я встречался с премьер-министром Бараком. У нас состоялась очень теплая, дружеская беседа. Я встречался с ним и в ноябре прошлого года в Стамбуле, у нас была очень приятная беседа. Он сказал мне: Мы еще не можем найти корни 11 еврейских племен. Я ответил: Приезжайте, проведите исследование в Азербайджане. Там вы их обязательно найдете. Горские евреи живут как в столице, в Баку, так и в близлежащих районах.*

Так, недалеко от Баку находится Губинский район, где расположен поселок под названием Красная Слобода. Там живут только они (евреи). Помню, впервые я был в Красной Слободе в 1952 году. Потом я поехал туда год назад и не узнал это место. Там построены такие виллы, которых нет даже здесь, у вас. Они живут очень хорошо».

Затем президент напомнил, что: «*На президентских выборах 1998 года они (евреи Красной Слободы), собравшись вместе, заявили, что поддерживают кандидатуру Гейдара Алиева, и до конца поддержали меня. Я набрал 100 процентов голосов евреев. Это небольшой обзор, касающийся наших связей. Тем самым я хочу еще раз заявить, что наша дружба нерушима*». (Газета «Бакинский рабочий», 21 сентября 2000 года)

Вскоре, 23 февраля 2003 года, новый президент США Джордж Буш-младший, очевидно, внимая совету старшего, торопится пригласить к себе в гости успешного лидера Кавказа – президента Азербайджана Гейдара Алиева. При этом президент США Джордж Буш-младший назвал его «главной личностью на Южном Кавказе».

Гейдар Алиев встретился с президентом США Джорджем Бушем. Причем пресс-секретарь Белого дома Ари Флейшер предварил саммит заявлением:

«Азербайджан является ключевым партнером в наших усилиях по борьбе с терроризмом, усилению глобальной энергетической безопасности и достижению справедливого и прочного урегулирования в Нагорном Карабахе».

Такая формулировка напрочь уничтожала все усилия армянского лобби в их стараниях противодействовать процессу возвращения азербайджанских земель.

Отношения Баку и Вашингтона стараниями мощнейшего в США армянского лобби оставались, мягко говоря, напряженными. Серьезные подвижки к лучшему последовали после того, как Гейдар Алиев предложил американцам воспользоваться воздушным пространством Азербайджана во время афганской кампании, а затем поддержал требования о разоружении Ирака. В Белом доме призадумались и решили, что ставить в Закавказье на прозападный и богатый ресурсами Азербайджан куда выгоднее, чем на пророссийскую, конфликтующую со всеми соседними государствами Армению.

Можно без преувеличения сказать, что стратегический поворот Америки в сторону Азербайджана состоялся благодаря визитам и дипломатическим усилиям одного азербайджанца – Гейдара Алиева.

6 августа 2003 года, самолётом МЧС России, президент Азербайджана в последний раз был доставлен в госпиталь Кливленда (штат Огайо, США), откуда 12 декабря того же года, Гейдара Алиева, уже как экс-президента, навсегда привезли на родную землю...

Но завязавшееся доверие между Азербайджаном и Америкой осталось на долгие годы.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

П А Л Ь Т О

Рассказ

Дверь распахнулась, едва Заур Меджидович нажал на кнопку звонка.

– Ну что, купил?! – выдохнула Манюня, глядя на объемный пакет в руках мужа.

– Купил, – улыбнулся он.

– Слава Богу! – сказала Манюня и, проходя в кухню, приказала: – Пойдем обедать. Потом покажешь.

Спорить с женой Заур Меджидович не стал – за полдня хождения по магазинам он здорово проголодался.

Поглощая наваристый борщ, приготовленный по рецепту бабы Мани – Манюниной бабушки, Заур Меджидович рассказывал о своих хождениях-похождениях. Манюня слушала его, присев на краешек стула и подперев голову рукой, и все, о чем он рассказывал, отражалось на ее лице – она то улыбалась, то поджимала губы, то широко распахивала глаза. Он любил в ней это умение живо реагировать на то, о чем он говорил, ее неравнодушие ко всему, что с ним происходит, ее заинтересованность. Когда-то это зацепило его, и эта его «зацепленность» не прошла до сих пор. Его радовало, что этих своих качеств она не утратила и в свои, в общем-то, довольно солидные годы.

А почему «Манюня»? Вообще-то звали ее Марьям. На людях он обращался к ней не иначе, как Марьям-ханым, и это гораздо больше шло к ее внешности – она была крупной женщиной, достаточно рослой и, что называется, с формами. Маряьм ее назвал папа-азербайджанец, но русская мама называла Маней в честь своей матери, бабы Мани – удивительно душевной женщины, доброй, ласковой, готовой всем прийти на помощь. Уход бабы Мани из жизни, а прожила она 86 лет, не только родные, но и все, кто ее знал, переживали как огромную потерю. Так что Манюня – это от Мани, уменьшительно-ласкательное, и дома, для своих, Марьям-ханым была Манюней.

– Ну что, пойдем смотреть, – сказала Манюня, когда Заур Меджидович кончил есть и выпил свои обычные три стаканчика-армуды крепкого свежезаваренного чая.

Они прошли в гостиную, где на диване вольготно расположился принесенный им пакет. В пакете было пальто, купленное в срочном порядке по требованию сына – он должен был приехать уже завтра. Это был подарок Фарида к Новому году. Он выслал деньги и заявил, что когда он приедет к новогодним праздникам, у отца непременно должно быть новое пальто – самое лучшее! Денег на это Фарид выделил даже больше, чем нужно. Сын работал в другом городе, теперь уже даже в другой стране, зарабатывал очень неплохо, вот только жениться не спешил, хотя давно уже было пора.

От покупки пальто Заур Меджидович пытался отговориться:

– Да что я, сам себе пальто купить не могу? – говорил он в трубку телефона. – Оно мне просто не нужно, мне гораздо удобнее в куртке, а пальто я все равно носить не буду.

Но сын настаивал:

– Папа, ты солидный человек, с солидной должностью, ходить в куртке для тебя как-то несерьезно.

Заур Меджидович продолжал возражать, но сын подвел под разговором черту:

– Короче, я высылаю деньги и прошу тебя: к моему приезду купи пальто! А то обижусь, – пустил он в ход свой обычный и самый действенный козырь.

Раскрыв пакет, Заур Меджидович извлек из него пальто и накинул его на плечи.

– Как следует надень, – попросила Манюня.

Одернув полы пальто и оглядев Заура Меджидовича с головы до ног, Манюня восхищенно проговорила:

– Ой, какой ты у меня! Просто красавец! Тебе очень идет. Отличное пальто!

Пальто и впрямь было отличное и Зауру Меджидовичу очень шло – он стал будто моложе и выше ростом и при этом выглядел очень представительным мужчиной.

– А говорил – не нужно мне пальто, не нужно, – напомнила Манюня.

– Но ты же отказываешься от шубы, сколько я говорю, давай купим – нет и нет.

– Шуба меня будет полнить, я тебе уже говорила, а я и так толстая, – сказала Манюня.

– И ничего ты не толстая, – возразил Заур Меджидович.

– Нет, шубу не хочу, – уверенно проговорила Манюня. – У меня есть прекрасное пальто, я, в отличие от тебя, в свои годы не хожу в куртке. Нет, ну какое пальто замечательное! – вернулась она к обновке Заура Меджидовича. – Фарид будет доволен.

Манюня удалилась в кухню доделывать какие-то свои бесконечные дела – к приезду сына готовились все его любимые блюда, и все нужно было сделать для того, чтобы успеть к сроку.

Заур Меджидович прилег на диван – хотелось отдохнуть после сегодняшней суматошной беготни по магазинам в поисках «самого лучшего» пальто.

Он не ожидал, что покупка так его обрадует. Обычно он не испытывал особых эмоций по подобным поводам. Разве что тогда, когда купил себе первое свое дорогое пальто. С его покупкой была связана целая история, которая теперь припомнилась Зауру Меджидовичу во всех подробностях.

Он тогда учился на третьем курсе химфака Азербайджанского государственного университета имени С.М.Кирова, сейчас это Бакинский государственный университет, или БГУ. Учился на «отлично», получал повышенную стипендию, его уважали не только однокурсники, но и ребята с других курсов – они дружно избрали его председателем профкома факультета, одним словом, учиться ему было во всех отношениях вполне комфортно. Но однажды его вызвал декан и сказал:

– Я давно за вами наблюдаю. Вы – прилежный, упорный, умный… – и ошарашил его вопросом: – Вы не хотели бы учиться в Москве?

Заур знал, что были студенты, в том числе и с их химфака, которых университет отправил учиться в Москву, в МГУ, они приезжали на каникулы и рассказывали, как там все здорово. К тому же это открывало большие перспективы. Там преподавали известные на весь мир ученые, и культурная жизнь била ключом. Но Заур не предпринимал никаких шагов для того, чтобы туда поехать, и вообще не думал об этом. И вдруг – такое неожиданное предложение!

Правда, декан предупредил:

– В Баку жить проще – здесь жизнь не такая дорогая, как в Москве.

И поинтересовался:

– Тебе отец сможет помогать – высылать деньги на жизнь в Москве?

Заур не знал, что ответить, нужно было спросить у отца.

Вообще предложение декана его не особенно вдохновило. Здесь, в Баку, у него все было налажено. В Москве же, как он понимал, его ожидало множество проблем. И первая – языковая. Дело в том, что в школе он учился в азербайджанском секторе, то есть проходил обучение на азербайджанском языке. Отец его, родом из одного из бакинских поселков, практически бакинец, русский язык знал очень неплохо. Мать же была из отдаленного горного района Азербайджана и с русским у нее были большие проблемы. Правда, в те годы, живя в Баку, а мать жила здесь уже больше двадцати лет, не знать русского было практически невозможно. Но она была домохозяйкой, с соседями почти не общалась, а дома у них говорили на азербайджанском. В школу Заура отдали в азербайджанский сектор и, соответственно, в университете он учился тоже на азербайджанском языке. Конечно, русский он знал, но больше на бытовом уровне. Так что вдруг взять и перейти на обучение в университете на русском языке, да еще в Москве – конечно же, это было бы связано для него с большими сложностями.

Вторая проблема была та, о которой говорил декан – материальная. В семье, кроме Заура, было еще двое детей. Брат учился в 8-м, сестра – в 5-м классе, их нужно было поднимать. Работал в семье один отец, он и содержал всю семью. Отец работал на заводе фрезеровщиком 6 разряда, зарабатывал неплохо, но все же кормить одному пятерых было непросто. Жили они скромно, так что откуда у отца лишние деньги, чтобы посылать Зауру в Москву? Тем более, что вторая проблема была частично связана с первой – здесь Заур был отличником и получал повышенную стипендию в 50 рублей, а в Москве, резко перейдя на обучение на русском языке, на котором он никогда не учился, вряд ли он сможет получить даже обычную стипендию в 35 рублей. Во всяком случае, в первое время. Так что Заур был уверен, что ехать в Москву ему не стоит. Все же он рассказал дома о предложении, сделанном деканом.

Мать сразу же воспротивилась:

– Куда?! Зачем?! Учится, да, ребенок в университете. Что еще надо? Мальчик, в Москве, один! Что будет кушать? Кто будет следить за его одеждой? И там свяжется неизвестно с кем – с плохой компанией, с распутными девушками… Кто его остановит?

Отец же, напротив, загорелся:

– Конечно, поезжай, даже не думай! Это же такие перспективы! И такое образование! Халыг, вон, дочку в Москву отправил учиться, не побоялся. А ты – парень. Что с тобой там может случиться? Голова на плечах, слава Аллаху, есть. К тому же, Халыг столько хлопотал, стольких «подмазывал», чтобы дочку в Москву послали учиться! А тебе счастье привалило, и безо всяких усилий с твоей или моей стороны!

Тогда Заур изложил ему свои сомнения. Но и это отца не смутило:

– Русский не знаешь? А кто с соседской Ленкой часами на лавочке болтает – не на русском с ней говоришь? Это не тот русский? А какой? Бытовой? Выучил бытовой, выучишь и научный. Не сомневайся, поезжай! А деньги? Ну, 50 рублей в месяц я тебе как-нибудь наскребу, буду высылать, может, первое время и немного больше. А там освоишься, стипендию начнешь получать. Жить, как тебе сказали, будешь в обще-

житии, бесплатно. Одежда пока есть. На глупости, типа друзья, девочки, тебе не нужно – обойдешься. Остается только на еду. Думаю, справимся.

…После окончания третьего курса, в конце августа, Заур вместе с другим парнем с их факультета прибыли в Москву

Отнесли документы на факультет. Там выяснилось, что оба они зачислены снова на 3 курс, на котором уже отучились в Баку – как им объяснили, это для того, чтобы они адаптировались и усовершенствовались в русском языке.

Затем они отправились к коменданту общежития. И Заур, и его товарищ говорили на русском с акцентом, некоторых московских словечек не понимали, что очень смущало обоих. Но комендант их успокоила, сказала, что они быстро все освоят.

Заур и его товарищ хотели поселиться вместе, но оказалось, что двухместных комнат не осталось, есть только 4-местные, да и в тех – только по одной свободной койке.

Увидев, что ребята расстроились, комендант сказала:

– Да это для вас и лучше, будете больше общаться на русском, быстрее выучите язык, а то у нас эстонцы живут, только друг с другом и общаются, доучились до 4 курса, а так толком и не говорят по-русски.

Заур и его товарищ попали в разные комнаты на разных этажах. Отыскав комнату, в которой ему было выделено место, Заур вошел и увидел, что там занята лишь одна кровать – на ней сидел худощавый парень с молодым лицом, но совершенно седой головой, и листал какой-то журнал. Они познакомились. Его звали Виктор Сомов. Он указал Зауру на его кровать, сказав, что две другие заняты парнями, которые пока не приехали. Какое-то время они с Сомовым жили вдвоем. Это был спокойный, доброжелательный парень. Вообще люди, с которыми Заур сталкивался здесь, ему нравились – ребята, в основном, были интеллигентные, общались друг с другом уважительно – других Заур не встречал. Позже он поймет, что какое-то время ему просто везло.

Жизнь его постепенно вошла в какое-то более или менее постоянное русло. Заур ходил на занятия, обедал в столовой, обеды были дешевые и вкусные, затем шел в их комнату и готовился там к занятиям. Комната была удобная, с туалетом, ванной и душевой, одним словом, ему жилось достаточно комфортно. Вскоре их послали «на картошку» Заур обрадовался – это сулило какой-то перерыв в занятиях, которые пока что давались ему с трудом. Колхоз, в котором они трудились, хорошо их кормил, а студенты весь день собирали в поле картошку. По вечерам отдыхали, кто как хотел и как умел – в основном, играли в карты, иногда пили, но чаще курили и матерились. Недели через две студенты вернулись в Москву. Там Заура ждал сюрприз – две пустовавшие до этого кровати в их комнате оказались заняты – на них лежали чьи то сваленные в кучу вещи.

Вечером в комнату ввалились двое. Один – большой, усатый, с широким красным лицом. Зауру показалось, что он заметно старше других студентов по возрасту, потом он узнает, что до университета парень успел отслужить в армии и два года отучиться в техникуме. Звали его Володя Терехин. Второй – долговязый, тощий. Этого звали тоже Володей, фамилия его была Гнатюк, но все называли его просто Вовчиком. Войдя и оглядев комнату, усатый пренебрежительно– покровительственно похлопал Заура по плечу и сказал:

– Привет, черножопый! Из каких краев прибыл?

От подобного, совершенно беспричинного хамства Заур на несколько секунд

оторопел. Затем кровь ударила ему в голову, и он ответил:

– Тебе что до этого, краснозадый?

– Чего?! – угрожающе проревел усатый.

– Того! – ответил Заур и спросил: – Ты мою жопу видел?

– Еще чего! – воскликнул усатый.

– Откуда знаешь, что черная?

– По роже вижу.

– А у тебя рожа красная.

– И что?

– Я и говорю – краснозадый.

Усатый еще больше побагровел и стал угрожающе надвигаться на Заура. Потом вдруг ухмыльнулся и сказал:

– А ты ничего, за словом в карман не лезешь, удар держишь… Ладно, живи.

И они стали жить. Терехин не обращал на Заура особого внимания, но больше и не задирал его, Заура это вполне устраивало.

Терехин и Вовчик были друзьями не разлей вода, везде ходили вместе. По тому, как с ними общались другие студенты, Заур понял, что эти двое у ребят в авторитете. Заур на их счет особо не заморачивался, его сейчас больше беспокоил предстоящий коллоквиум по одному из профильных предметов и по военной подготовке. И Заур вцепился в учебники – времени до коллоквиума оставалось мало. Заур не надеялся сдать эти предметы так же хорошо, как это удавалось ему в Баку – ему нужно было их хоть как-то сдать, чтобы не опозориться перед остальными. Ребят у них на курсе тупых не было, все учились хорошо, на равных вели научные дискуссии с преподавателями, и надо было быть если не лучшим, то хотя бы соответствовать.

Но заниматься в их комнате было невозможно – в ней теперь царили Терехин и Вовчик. Почти сразу после занятий они выдвигали стол на середину комнаты, и начиналась бесконечная игра в преферанс. Игроков было четверо, плюс постоянные болельщики, которые стекались из других комнат – все они что-то выкрикивали по ходу игры, общаясь, в основном, матом – переговаривались, комментировали игру, и все это сливалось в общий многоголосый ор. При этом все курили и пили пиво, закусывая дешевой колбасой с резким чесночным запахом – в комнате дым стоял столбом, на полу валялись окурки и шкурки от колбасы. Все это происходило ежедневно и длилось часов до 3 ночи. Утром Терехин и Вовчик просыпались поздно и на занятия шли только на вторую двухчасовку. Заур не мог себе позволить пропускать занятия, и потому вставать приходилось в половине седьмого утра. Конечно же, он не высыпался. Пытаться изменить ситуацию было бессмысленно – на любую просьбу быть потише начинался еще больший ор, теперь уже возмущенный и обращенный в сторону недовольного. Жаловаться администрации у студентов было не принято – тут же ты становился «стукачом». Ни спать, ни заниматься, ни вообще жить в комнате стало невозможно. Какое-то время Заур ходил заниматься в комнату к товарищу, с которым они вместе приехали в Москву и с которым их заселили в разные комнаты. Товарищу повезло больше, чем Зауру – у них в комнате было спокойно, там жили нормальные люди. Но вскоре Заур понял, что стесняет тамошних ребят, которых и без него было четверо, они встречали его недовольными взглядами, и он перестал туда ходить. По утрам Заур, невыспавшийся, неготовый к занятиям, шел на лекции, на которых его затуманенный бессонницей мозг практически ничего не воспринимал. Так прошло 10 дней, и он понял, что ему конец – его выгонят из университета за не-

успеваемость. Несколько раз он подходил к коменданту общежития, просил помочь, переселить куда-нибудь. Она обещала что-то придумать, но все оставалось по-прежнему – преферанс, матерный ор, пиво и сигареты в их комнате продолжались. Но, пожалуй, хуже всего было вот что. В их комнате, как и во всех других, была радиоточка, и радиопередачи были постоянным спутником терехинских игрищ. Правда, за постоянным ором их почти не было слышно. Но в 24-00 передачи заканчивались, и напоследок звучал гимн Советского Союза. И каждый раз в этот момент Терехин врубал звук на полный ход, так что репродуктор ревел, будто сейчас взорвется. Гимн разносился по всему этажу, заставляя бедных студентов вскакивать спросонок с кроватей. И никто ничего, казалось, не мог поделать. Заур чувствовал, что долго так не выдержит, но выхода не видел. Он ненавидел и Терехина, и гимн СССР, и, главное, чувство своего бессилия.

Как-то Заур встретил в столовой одного из земляков – студента-старшекурсника – и поделился с ним своей бедой. И тот посоветовал ему, как от нее избавиться. Студенты-старшекурсники жили в общежитии в другом здании.

– Там и к учебным корпусам ближе, и есть свободные места в двухместных комнатах. Правда, туда заселяют только старшекурсников, но если «подмазать» коменданшу… – говорил земляк.

Коменданшу нужно было заплатить 50 рублей – все, что высылал ему отец на месяц. Но Заур готов был голодать, только бы избавиться от каждодневного кошмара, происходившего в их комнате.

Однако денег у Заура пока что не было – нужно было дождаться почтового перевода от отца, а это еще почти две недели, и Заур не знал, сможет ли он их пережить. Он окончательно пал духом. И тут неожиданно пришло спасение, и спасли его… студенты из ГДР, жившие в соседней комнате – Отто и Клаус. Зауру они очень нравились – жили тихо, держались вместе, защищали друг друга, ни с кем не ссорились, не скандалили.

И вот в один из дней – тогда, когда включенный Терехиным гимн СССР разносился по всему этажу, в дверь их комнаты тихонько постучали, потом постучали громче. Терехин остановил игру и приказал Вовчику:

– Иди, посмотри, кому там неймется.

Вовчик открыл дверь, и в комнату вошли Отто и Клаус.

– У нас к вам просьба, – вежливо начал Клаус. – Дело в том, что мы ложимся спать в 11 часов вечера, а вставать нам надо в 7 утра, чтобы успеть на занятия. Если мы не спим, мы ничего не усваиваем на лекциях. В 24-00 вы включаете Гимн, мы просыпаемся и потом уже не можем уснуть. Можно включать Гимн не на полный звук?

Тут Терехин угрожающе надвинулся на немцев:

– Вам что, гимн СССР не нравится?! – воскликнул он.

– Нет, нам нравится, – сказал Клаус, – просто потише можно включать?

– Ах, вы хотите потише, вы что, гитлерюгенд, так и этак вашу мать, фашисты проклятые, вас надо было гнать еще в 45-м году вон отсюда!

Немцы ушли, а Терехин еще долго возмущался:

– Их всех надо перебить, – орал он, – права они тут качают – здесь, в центре Москвы!

Затем они продолжили игру, а Заур еще до 3-х ночи лежал без сна в своей кровати, утром пошел в университет совсем разбитый и понял, что еще несколько дней – и он свалится. Вернувшись, он увидел, что в коридоре, неподалеку от их комнаты,

стоит несколько солидных, представительных мужчин. Рядом с ними стоял Отто. Зауру почему-то показалось, что они ждут именно его. И действительно, увидев его, Отто сказал:

– Вот он! – и один из мужчин направился к Зауру.

Его пригласили войти в их комнату, где сидело еще несколько мужчин, один из них – проректор по идеологической работе, другой – зам. декана факультета, а третий, как потом оказалось, – посол ГДР. Заура спросили, кто он, откуда, и попросили рассказать о том, что вчера произошло в их комнате. Заур рассказал, опустив заявление Терехина насчет «гитлерюгенда». Ему задали еще несколько вопросов и отпустили. Потом они говорили с другим жильцом их комнаты, Сомовым, и с ребятами из соседних комнат.

Вечером ни Терехин, ни Вовчик в комнате не появились, и на следующий день тоже, и Заур вдруг обнаружил, что они с Сомовым живут без них, а через несколько дней увидел, что перед доской объявлений толпятся студенты, а на доске – объявление об исключения Терехина и Вовчика из университета.

Заур с облегчением вздохнул – он понял, что его мытарства наконец закончились. А следом пришла и еще одна радость – он получил деньги из дома. Теперь он мог переселиться в корпус, о котором ему говорил земляк-старшекурсник. Хотя Терехин и Вовчик больше не жили в их комнате, Заур все же решил не рисковать – мало ли кого еще к ним с Сомовым подселят. Он отнес деньги коменданту, а взамен получил бумагу о том, что он официально переселен в одну из комнат в корпусе для старшекурсников. Условия там были прекрасные – в холле были телефон и телевизор, а главное – комнаты были двухместные, между ними – коридор и душевая, общие для каждых двух соседних комнат. Заур стал жить с хорошими людьми – со Славой Селиным в одной комнате, а в соседней жили якут Коля и Роберт Шнитке из Ленинграда.

Его сосед Слава Селин был интеллигентный парень, очень образованный, с ним было интересно поговорить. Заур многое от него узнал о западной литературе и живописи. После терехинского засилья Зауру казалось, что он попал в рай – он общался теперь с нормальными людьми и имел возможность не только готовиться к лекциям, но и просто отдыхать, читать книги. Вообще народ здесь был другой, особый. Здесь интересы не вращались вокруг преферанса и покера – здесь интересовались книгами, выставками, театральными постановки. Свои коллоквиумы Заур, наконец, успешно сдал и был теперь вполне доволен жизнью.

Очень ему нравился и Роберт Шнитке. Это был парень с одутловатым, изборожденным морщинами лицом, некрасивый. Но когда он начинал говорить о науке или искусстве, в которых прекрасно разбирался, или играть на гитаре, он преображался, и лицо его становилось прекрасным. Но и этих замечательных ребят не обошла общая для жителей России беда – Роберт крепко выпивал, а иногда с ним пил и Слава. Случалось, они звали с собой и Заура. Сидели в пивной, разговаривали, спорили. За вечер Слава с Робертом могли выпить по 5-6 поллитровых кружки пива. Заур с трудом одолевал максимум две. У Славы в Москве были родственники, и он иногда по несколько дней гостил у них. Тогда Заур оставался и вовсе один в их комнате и чувствовал себя совсем вольготно.

Роберт Шнитке был не только не дурак выпить, но и любил погулять с девушками, у которых, при всей своей внешней некрасивости, пользовался успехом. Както он пригласил Заура к ним в комнату, где они с Колей что-то отмечали. Роберт был

с одной из своих девиц, а Коля – со своей постоянной возлюбленной, Ирой. Они сидели за накрытым столом, Роберт что-то наигрывал на гитаре, когда в дверь постучали, и в комнату вошел незнакомый Зауру парень. Их познакомили. Парня звали Максом. Посидев еще немного, все вскоре разошлись.

Через несколько дней Макс вновь пришел к ребятам, их не оказалось дома, и он заглянул к Зауру.

– Организуй чайку, – попросил Макс.

Заур выложил на стол все, что у него было. Макс просидел у него несколько часов, болтал о чем-то, рассказывал анекдоты. Он умел сразу расположить к себе – высокий, крепкий, модно одетый, с модной стрижкой, веселый, компанейский – Зауру он очень нравился. Увидев у него на тумбочке томик Лермонтова, Макс с восхищением начал говорить о его поэзии, чем окончательно подкупил Заура – Лермонтова он очень любил.

Через несколько дней Макс зашел к Зауру снова, на этот раз он был с девушкой. Заур был один, Слава гостил у московской родни.

– Ты не мог бы переночевать сегодня в соседней комнате, у Роберта, он сегодня один, Коля остался ночевать у Иры, – попросил Макс. И, кивнув на девушку, пояснил: – Ты ж понимаешь…

Заур согласился. Наутро, вернувшись к себе, он обнаружил, что все его припасы съедены, со стола не убрано, кровати не застелены. Он не особо расстроился, отнесся ко всему с пониманием – ну, не до уборки было людям.

После этого Макс частенько стал захаживать к Зауру – и с девушками, и один. Если Славы не было, оставался ночевать. Обычно, придя, просил «чего-нибудь пожевать». Частенько они вместе ходили в университетскую столовую. Платил за обоих, как правило, Заур – Макс подолгу рылся в карманах, и Заур доставал деньги за двоих. Его это не особенно напрягало – дела с учебой у него наладились, и он теперь, помимо отцовских денег, получал еще и стипендию, правда, пока обычную, в 35 рублей, но он надеялся со временем дотянуться и до повышенной. Заур гордился тем, что у него такой друг, и что он может оказать ему хоть какую-то услугу, он – ему, а не наоборот. Ведь Макс был такой модный, стильный парень, а Заур – нет. Макс был здесь своим, а Заур – чужаком. У Макса были девушки, а у Заура не было. И ему очень льстило, когда Макс, встретив знакомых, которых у него было великое множество, представлял им Заура:

– Заур, мой друг.

Между тем близилась зима, было уже начало ноября, сильно похолодало. Отец в письмах спрашивал, не мерзнет ли Заур, Москва ведь не Баку, там бывают сильные морозы. Заур действительно мерз в своем бакинском пальто «на рыбьем меху», в чем и признался отцу, попросив выслать теплый свитер.

Отец ответил, что свитер вышлет, но это несерьезно, нужно купить хорошее пальто, он постарается найти деньги. Заур понимал, насколько тяжело будет отцу оторвать от семьи деньги ему на пальто, но понимал и другое – если он начнет болеть, то поставит под угрозу свою учебу. Все же он надеялся как-то выйти из положения – свитер из дома он получил и, надевая его под пальто, почти не ощущал холода…

Однажды вечером к ним в комнату вошел Макс. Славы не было, Заур был один.

– Заур, спасай меня, – заявил Макс с порога. – У меня отец заболел, нужна срочная операция, нужны деньги, помоги!

– Я бы с радостью, – ответил Заур, – но откуда у меня деньги?

– У тебя есть, есть деньги! – воскликнул Макс и протянул Зауру почтовое извещение, из которого следовало, что ему почтовым переводом перечислено 250 рублей.

Дело в том, что все почтовые извещения, приходившие на имя студентов, находились на столе у коменданта общежития, и если кто-то ожидал денежного перевода или посылки, он подходил и смотрел, есть что-то для него или нет. Вот Макс и увидел там извещение на имя Заура и принес его.

Зауру стало стыдно – вышло так, будто он хотел скрыть от друга, что у него есть деньги.

– Я не знал, что отец все же пришлет деньги, – начал он оправдываться, – да еще такую сумму. Это на пальто. Мое совсем холодное, в нем ходить уже невозможно. Извини, но я не могу отдать тебе эти деньги.

– Ты не понял, – заявил Макс, – деньги нужны всего на несколько дней. Сегодня пятница, завтра у отца операция, мать деньги выслала, со дня на день они придут. Уже во вторник, максимум, в среду, я их тебе отдам. Богом клянусь! Клянусь жизнью отца! Помоги, мы ведь друзья! А во вторник или в среду деньги будут у тебя прямо с утра.

Конечно, Заур не мог ему отказать. «Ничего, похожу еще несколько дней в старом пальто, – думал он. – Зато другу помогу».

Назавтра с утра Макс уже был у него.

– Пойдем быстрее на почту, – сказал он. – Деньги нужны срочно…

Прошло несколько дней, наступила среда. Потом четверг. Но ни Макса, ни денег не было. С каждым днем все больше холодало, и Заур мерз все сильнее.

Наконец он сам отправился к Максу, но его в комнате не было.

– А где Макс? – спросил Заур у парня, с которым Макс делил комнату, и тот ответил, то Макса нет еще с субботы, уехал к Маше. На вопрос Заура, кто такая Маша, парень ответил:

– Это девушка Макса, живет в подмосковных Люберцах, Макс у нее иногда остается на несколько дней.

– Как же он смог уехать? – удивился Заур. – Разве в субботу его отцу не сделали операцию?

– Какому отцу? – удивился парень. – Отец у него умер лет 10 назад. У него только мать и брат в Куйбышеве.

Заур был потрясен.

– А что случилось? – поинтересовался парень. Заур рассказал.

– Плакали твои денежки, – заявил парень.

Заур не мог поверить в случившееся.

– Как же так? Ведь Макс обещал, клялся, что не позже среды утром он вернет деньги!

– Ну, не знаю, – сказал парень. – Когда Макс появится, я передам, что ты его спрашивал.

В глубокой печали Заур отправился к себе. Как же так? – размышлял он. – Выходит, Макс меня обманул. Никакого отца нет, и не было никакой операции? А может, операцию делали Маше, просто Макс постеснялся мне об этом сказать, – пытался как-то разъяснить для себя ситуацию Заур. Ему никак не хотелось верить, что Макс просто обманщик.

Через несколько дней Заур встретил Макса в коридоре общежития.

– А, Заур! – ничуть не смущаясь, воскликнул тот, – здравствуй! Да, я в среду не смог принести тебе деньги. Я их еще не получил – там есть некоторые обстоятельства. Но ты не волнуйся, на следующей неделе я деньги обязательно отдам. Верь мне – ведь мы же друзья.

И Заур вновь поверил. Конечно же, Макс деньги вернет. Не может не вернуть. Ведь он знает, как трудно живет семья Заура, с каким трудом его родители, отказывая себе во всем, находят деньги, чтобы послать ему, чтоб он мог спокойно учиться, – Заур ему об этом не раз рассказывал. Это же будет большой грех, если он его обманет.

Так Заур твердил себе, не умея поверить, что человека, друга, – ведь Макс все время говорил, что они друзья, – того, кто тебе полностью доверял, можно так подло обмануть, забрать деньги, которые родители кое-как собрали своему сыну на пальто, чтоб он не мерз, не болел, и прогулять их со своей девушкой – у Заура все же была мысль, что именно так Макс и поступил. Но он гнал эту мысль от себя, не хотел, не мог поверить, что так может быть…

Но прошла еще неделя, пошла вторая, Макс не появлялся, и в голове у Заура постепенно крепла мысль, что, как выразился сосед Макса по комнате, плакали его денежки – Макс отдавать их просто не собирается.

Но он снова сам подошел к Зауру и сказал:

– Ты не волнуйся насчет денег, я помню, я верну, ты не думай, что не верну.

Заур обрадовался так, как если бы Макс уже вернул ему деньги – он же помнит, сам подошел, значит, вернет! Значит, Заур напрасно плохо о нем думал. А то, что задерживает возврат денег – мало ли какие обстоятельства у него могут быть.

Заур продолжал ходить в старом пальто, мерзнуть, но его грела надежда на то, что Макс все же вернет долг. Под свое бакинское пальто он надевал старый отцовский свитер, чувствовал себя плохо одетым, но таким образом как-то выходил из положения.

Так прошла еще неделя, и снова Макс, встретив Заура, сказал, что помнит о долге и скоро его вернет, и позвал его в столовую, где Зауру вновь пришлось заплатить за них обоих. Но денег Макс все не возвращал, хотя уже шел к концу декабрь. Однажды Заур увидел его в очереди возле билетных касс в кинотеатр – красивого, хорошо одетого, в теплом пальто с меховым воротником, под руку с девушкой. Они ели мороженое и весело смеялись. Заур стоял в своем старом демисезонном пальто, и ему было очень обидно. Чувство обиды заставило его решительно подойти к ним и сказать:

– Макс, ты уже почти два месяца не отдаешь мне 250 рублей, которые взял в долг на два дня. Я не могу больше ждать. Отдай мне мои деньги.

В ответ Заур услышал:

– Ну, ты и хам! Где твое воспитание? Видишь же, я здесь с девушкой, подходишь, портишь мне настроение. Разве можно говорить такие вещи при девушке? – возмущался Макс. Затем, взяв девушку под руку, сказал: – Пойдем отсюда! – и они ушли.

Заур остался стоять, как вкопанный, он ничего не понимал. Оказалось, что он же еще и хам, он же еще и виноват! Он чувствовал себя незаслуженно оскорбленным, униженным…

Вернувшись в общежитие, он никак не мог прийти в себя, так что даже Слава

Селин заметил, что с ним что-то не так.

– Заур, что у тебя стряслось? – спросил он.

Заур Славу очень уважал, он был порядочным парнем, в чем Заур не раз уже мог убедиться. Он не выдержал и рассказал ему все.

Слава выслушал, качая головой.

– Ну что же ты, Заур, такой наивный, такой доверчивый? – посетовал он. – Макс – известный прохвост, это все знают. Его, кстати, собираются исключить из университета – он не учится, только ходит по общежитию и просит у всех деньги, которых никогда не отдает. Иди к декану, пожалуйся, расскажи, как он тебя обманул.

– Нет, это нехорошо, – сказал Заур, – я же сам, своими руками отдал ему эти деньги.

– Тогда забудь о своих деньгах, – сказал Слава.

И тут Заур окончательно понял, что остался без пальто – ходить ему в старом еще три года, до окончания университета. Правда, он надеялся, что летом, когда им дадут стипендию за три месяца сразу, он что-то на них купит, и немного успокоился.

В самом конце декабря Заур пришел на факультет и как тогда, в случае с Терехиным и Вовчиком, увидел, что у стенда с объявлениями толпится народ. А на стенде – объявление об отчислении ряда студентов за аморальное поведение и прогулы, и во главе списка отчисленных – фамилия Макса.

Закончился первый семестр. Все экзамены Заур сдал успешно, проблем с русским языком у него уже не было никаких, занимался он усердно, его хвалили педагоги и даже ставили в пример другим, и он чувствовал себя намного уверенней, чем вначале. На январские каникулы он поехал домой. Заур был в приподнятом настроении – он все сдал, выдержал все испытания. Одно плохо – он ехал в старом пальто.

Заур ожидал, что встречавший его отец сразу же спросит, где его новое пальто, на которое ему выслали деньги. Но отец не спросил, и только мама через несколько дней поинтересовалась, почему он ходит в старом пальто, на что Заур ответил:

– Я новое пальто берегу, чтоб оно подольше оставалось новым. И потом, в Баку такое теплое пальто ни к чему.

– Хорошее пальто купил? – спросила мама

– Очень хорошее, у меня такого еще никогда не было, – соврал Заур. – Импортное, югославское. Очень теплое. И очень мне идет.

– Ну и хорошо, сынок, – сказала мама. – Носи на здоровье. Только в будущем году, прошу тебя, приезжай в новом пальто – очень хочется посмотреть, какой ты в нем. Ты ведь у меня такой красивый…

И следующей зимой Заур приехал домой на каникулы в новом пальто, как и обещал маме. Летом он собрал все летние стипендии – теперь он получал повышенную стипендию, как отличник, еще какие-то деньги скопил к тому времени – и купил себе югославское пальто. Увидев его в нем, мать расплакалась.

– Какой ты взрослый, настоящий мужчина, – говорила она, осматривая его со всех сторон. Она была горда и счастлива, что ее сын в таком солидном, красивом пальто, которое они с отцом, пусть и с трудом, но ему купили. А Заур был счастлив еще больше, что после всех передряг он все же купил себе пальто. И больше ни одна покупка в его жизни так не его не радовала. Разве что, это, купленное сегодня на присланные сыном деньги пальто, которое вдруг доставило ему почти такую же радость…

РЕНА МИРЗОЕВА

Не терзай опять меня

Распинаться перестань,
Сердце заново не рань,
Речи сладкие оставь,
Не подсластишь ложью явь.

Сказки сказывать горазд,
Их наслушалась не раз,
Не вздыхай, не трать огня,
Не терзай опять меня.

Долго цацкалась с тобой
И с неласковой судьбой,
Не ропща и не кляня,
Не терзай опять меня.

Уходи с дороги прочь,
Понапрасну не морочь,
Не цепляйся, не порочь,
Не терзай опять меня

Мы не ровня, не чета,
Ты Аллаха не гневи,
Не понять тебе любви,
Ты себя люби всегда.

Ангелом казался мне,
Притворялся, лгал ты мне,
Мне открылась западня,
Не терзай опять меня.

Я наслушалась вранья,
Цену знай моим словам,
В сердце не зажечь огня,
Не терзай опять меня...

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ТЕЙМУР АХМЕДОВ

О КНИГЕ ЛЯТИФЫ МИРЗОЕВОЙ «ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ЮЖНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА»

В начале XIX века в результате русско-персидских войн территория Азербайджана была разделена, и раздел этот выражался не только в колючей проволоке, отделяющей северную часть страны от южной, были прерваны все связи, что образовало глубокую пропасть в развитии. Но духовное единство, традиции и обычаи, литературу разделить и поработить невозможно. В этот тяжелый и нелегкий период сложившейся исторической несправедливости оплотом в борьбе за национальное единство выступили выдающиеся деятели азербайджанской общественно-политической мысли, а также представители культуры, такие как: Джалил Мамедгулузаде, Нариман Нариманов, Шейх Мохаммед Хиябани, Саттархан, Гасан-бек Зардаби, Узеир Гаджибеков, Мамедэмин Расулзаде, Сеид Джафар Пишевари, Али-бек Гусейнзаде. Среди классиков XX века, продолжателей пути этих корифеев – Самеда Вургуна, Сулеймана Рустама, Шахрияра, особое внимание привлекает Народный писатель Азербайджана, академик Мирза Ибрагимов, посвятивший свою жизнь борьбе за единый Азербайджан.

Мирза Ибрагимов был редактором газеты «Vətən yolunda» («За Родину») в Тебризе, принимал активное участие в революционном демократическом движении в Южном Азербайджане и сыграл важную роль в пробуждении общественной мысли, в защите родного языка и борьбе народа за свободу и независимость. В 1946 году, уже после подавления национально-освободительного движения (1946-1993 годы), он много сделал для развития литературно-критического мышления и литературоведения в Южном Азербайджане и, смело можно сказать, стал основателем новой литературной школы.

В созданный в 1976 году отдел литературы Южного Азербайджана он пригласил на работу научных сотрудников из различных отделов Института литературы им.Низами при Национальной академии наук: Балаша Азероглу, Исмаила Джафарпура, Рзу Халилова, Ашрафа Агазаде, Мирали Манафли, Рафигу Гасымову, Захида Акберова, Хураман Гулиеву, Назима Ризванова, Тамиллу Мамедову, Эльмиру Ахундову, Гусейна Кюрдоглу, Рагима Алиева. На должность зама он пригласил первого аспиранта отдела, кандидата филологических наук Теймура Ахмедова.

За короткий период, используя все свои возможности, он превратил отдел литературы Южного Азербайджана в настоящий научно-исследовательский центр и на протяжении 17 лет, до конца своей жизни, возглавлял его. Сотрудники отдела, работая с первых дней в рамках проектов Мирзы Ибрагимова, успешно проводили свои научные работы и исследования.

В книге Лятифы Мирзоевой «Центр исследования литературы Южного Азербайджана» подробно освещена научная деятельность сотрудников отдела за прошедшие 40 лет (1976-2016). Автору удалось дать полную панорамную картину исследований литературы Южного Азербайджана, распространения выходящих там изданий.

В историческом решении Президиума НАНА от 20 мая 1976 года об открытии отдела литературы Южного Азербайджана говорится: «*В современном мире, когда расширяются и укрепляются литературные связи, существует необходимость всестороннего изучения литературы иранского Азербайджана, его богатого фольклора, особенностей проходящих там литературных процессов, исследования влияния литературы Азербайджана на литературу Южного Азербайджана и укрепления связей с Ираном. На основании этого Президиум принял решение открыть в Институте литературы им.Низами отдел «Литература Южного Азербайджана*»…Как видим, в официальном документе очень осторожно оговаривается открытие этого отдела.

На протяжении 170 лет власти Ирана всячески препятствовали развитию духовно-моральных ценностей, языка и культуры тюркского (азербайджанского) народа.

Мирза Ибрагимов, глубоко изучив письменную литературу, устное народное творчество, критику и литературоведение, пламенную публицистику, отражавшие борьбу народа, живущего в феодальных тисках, который, невзирая на давление и аресты, с несгибаемой верой в победу бесстрашно поднимался на борьбу и показывал чудеса мужества на поле битвы, при этом сохраняя волшебную силу национальных духовных ценностей, язык и культуру, приложил все свои силы для объединения литературы своей разделенной Родины. Это должно было положить конец равнодушию лжепатриотов и стать эликсиром, возрождающим наше единство.

По мнению писателя и публициста Эльмиры Ахундовой, «*не зря Мирза Ибрагимов назвал свой роман «Наступит день». Этот человек всем своим существом был нацелен на будущее, трудился ради него и приближал его*».

Именно эта высокая цель подвигла Мирзу Ибрагимова создать центр исследования литературы Южного Азербайджана.

За прошедший период этот отдел открыл для общества ценности национально-духовной сокровищницы, превратив забытое наследие в национальную гордость.

С сожалением надо сказать, что отдел «Литература Южного Азербайджана», сыгравший большую роль для всего Азербайджана и с такой радостью встреченный в Южном Азербайджане, в 1993 году, в период правления Народного Фронта, неожиданно был закрыт. Это тяжело отразилось на здоровье Мирзы Ибрагимова. Сокрушенный и больной, он искал пути для восстановления работы отдела, часто звонил мне, советовал, куда обратиться за помощью. Каждую неделю Мирза Ибрагимов посещал отдел. Научные сотрудники отдела, несмотря на сложившуюся ситуацию, продолжали свои исследования.

17 декабря 1993 года Мирза Ибрагимов ушел из жизни. Научные сотрудники отдела сделали все возможное, чтобы возобновить работу и продолжить дело, начатое писателем. После возвращения к власти Гейдара Алиева и его официальных визитов в страны Европы и Иран, учитывая пожелания южных азербайджанцев, он издал указ о восстановлении работы отдела.

Руководство Института литературы 1 июля 1996 года предложило мне должность начальника восстановленного отдела «Литература Южного Азербайджана». С тех пор и по настоящее время мы вместе с талантливыми и трудолюбивыми сотрудниками работаем над научными проектами по изучению литературы Южного Азербайджана в соответствии с наставлениями и пожеланиями Народного писателя, академика Мирзы Ибрагимова. Незабвенная память о нем является нашей духовной опорой.

Еще в 1976 году Мирза Ибрагимов привлек научных сотрудников отдела к коллективной работе – созданию «Антологии литературы Южного Азербайджана». В связи с этим он направил письма писателям в Тегеран и Тебриз с предложением прислать свои произведения для включения в антологию. Публикация присланных с Юга произведений, а также статей о жизни и творчестве этих писателей в журнале «Azərbayçan» и на страницах газет «Ədəbiyyat və incəsənət», «Azərbaycan müəllimi» вызвала большой отклик в Южном Азербайджане.

С 1976 по 1992 годы были изданы массовым тиражом «Избранные произведения» Сахиба Тебризи (1980), «Азербайджанское устное народное творчество» Джавада Хеййата (1990), «Избранные произведения» Джаббара Багджабана, «Yalan dünya» («Обманчивый мир») Шахрияра (перевод с персидского языка и транслитерацией арабского алфавита). Наряду с этим были изданы книги научных сотрудников отдела: Мирзы Ибрагимова «Жизнь Первиза» (1981), «Книга моей жизни» (1979, 1982), «Niyəsiz, necəsiz bir yazisan sən» (1985), «Легенда о любви» (1988); Балаша Азероглу: «Мохаммед Амани» (1977), «Поэтический мир Сахиба Тебризи» (1981), «Избранные произведения» в 2-х томах (1982-1983), «Гора Савалан – опора моя» (1984); Исмаила Джафарпура «Письмо на Юг» (1977); Гусейна Кюрдоглу «Тысяча и одно баяты» (1992); М.Манафлы «Абдурагим Талыбов» (1877), положительно встреченные читателями.

За время руководства Мирзой Ибрагимовым отделом «Литература Южного Азербайджана» в этом научном центре были исследованы произведения устного народного творчества, литературно-художественные и драматические произведения, созданные в период с XIX века по настоящее время. Были изучены и классифицированы диссертации, книги, статьи,

опубликованные в периодической прессе и посвященные литературе Южного Азербайджана, что привнесло ясность в эту область литературоведения. Проделанная работа не только раскрыла перед читателями яркую и красочную палитру тем произведений, но и удивила своей яркостью и красотой.

Научно-исследовательский центр Мирзы Ибрагимова привлек внимание не только читателей в Южном Азербайджане, но и эмигрантов в разных странах, создавших литературные союзы, органы печати и научные организации.

Писатель Рагим Дегиг в своем письме от 17 сентября 1983 года писал из Тегерана Мирзе Ибрагимову: «…*Антология литературы Южного Азербайджана», выпущенная под Вашим руководством, показала народу Азербайджана и Ирана, а вернее, всем народам почти забытую историю нашей литературы. До сих пор Ваши произведения служат маяком народам Востока, указывая верный путь в борьбе за свободу. Поэты и писатели Южного Азербайджана, вдохновленные Вами, используют «метод Мирзы-муаллима», чтобы исполнить выпавший на их долю долг*».

Каждый, кто приезжал в Баку из Южного Азербайджана, непременно встречался с Мирзой Ибрагимовым и сотрудниками отдела, знакомился с их научными работами, публиковал свои статьи в периодической печати о своих впечатлениях. Они писали письма и постоянно поддерживали связь с Мирзой Ибрагимовым. Общественная дестельность, художественные произведения, научные и публицистические статьи писателя-мыслителя оказывали большое влияние на соратников по перу в Южном Азербайджане. В своих письмах они признавали влияние творчества Мирзы Ибрагимова не только на создание нового общественного сознания, но и нового литературного направления.

Не раз наши соплеменники, живущие за Аразом, поднимались на борьбу за свою свободу, но разрешить создавшуюся ситуацию им не удавалось. Наступит тот исторический момент, когда трехцветное знамя в лучах восходящей зари окрасит отблеском города и села, скинувшие с себя ярмо прошлой жизни. Этот счастливый день увидят будущие поколения. Но сегодня святой долг каждого азербайджанца состоит в том, чтобы не забывать своих исторических корней и братьев, живущих по ту сторону пограничной реки, относиться к ним с братской любовью, помогать нуждающимся, изучать нашу общую историю, культуру, духовные ценности, давая новый импульс для их развития и тем самым создавать монолитный памятник нашему единству. Это наш святой долг перед Родиной.

Независимость должна пустить глубокие и сильные корни. На каждом участке мы должны создавать условия, способствующие усилению нашего единства и государственности. Нужно глубоко изучать как устное народное творчество, так и письменную литературу Южного Азербайджана. К сожалению, гуманитарный отдел НАНА не предпринимает никаких шагов для решения этой проблемы на государственном уровне. Необходимо создать Институт литературы Южного Азербайджана имени Мирзы Ибрагимова. В эпоху нашей независимости решение этого вопроса не только возможно, но и необходимо...

В книге Лятифы Мирзоевой дана обширная, всесторонняя информация о работе сотрудников за прошедшие сорок лет, представлены рецензии профессоров-исследователей, одобрительно высказывающихся по поводу этой работы.

Эта книга, являющаяся результатом большого и серьезного исследования, рассказывает не только о сорокалетней деятельности отдела, но и о том, как созданный Мирзой Ибрагимовым отдел «Литературы Южного Азербайджана» за короткий период вырос в научный центр, где впервые широко изучались и пропагандировались устное народное творчество и письменная литература, литературно-критическая мысль, вызвавшие широкий интерес общества, а также о создании писателем-мыслителем новой литературной школы. Книга станет ценным подарком для читателей, интересующихся литературой Южного Азербайджана, и путеводителем для исследователей, изучающих историю национальной литературы.

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ГЮЛЬТЕКИН СУЛТАНОВА

ВЛЮБЛЁННЫЙ В АЗЕРБАЙДЖАН

На гостеприимной азербайджанской земле, славящейся своими интернациональными традициями, обрели счастье представители многих национальностей, приобщившиеся к культуре и менталитету нашего народа и по праву считающие Азербайджан своей второй родиной.

Одним из тех, кто сохранил благоговейное чувство любви и уважения к нашей стране, её народу, его высоким культурным ценностям является и известный поэт Михаил Сальман. В 1990 году он вместе с супругой и двумя детьми репатриировался в Израиль, где продолжал заниматься поэзией. Бакинец в третьем поколении, он все равно остался коренным жителем нашей страны. За последние годы вышло три поэтических сборника автора: «О вас и о себе», «Сам по себе» и «Сто страниц о себе». Поэт печатается в периодических изданиях Израиля, Азербайджана, Украины, Америки и Германии.

Настоящий сборник посвящается 95-летию Гейдара Алиева и 100-летию Азербайджанской Демократической республики.

Сын Израиля и Азербайджана, всю свою жизнь он посвятил воспеванию этих дорогих его сердцу святынь. С особой нежностью относится Михаил Сальман к Баку, «красивому, доброму и звонкому» городу, без которого он ощущает себя сиротой…

Нелегко поэту далось прощание с любимым городом, где прошло его детство, юность и зрелые годы:

Моя душа останется в Баку,
А тело бренно, тело преходяще,
В Баку оставлю радость и тоску,
И взгляд свой скорбный и скорбящий.

Всё мило и дорого сердцу певца в стране Огней.

Вот приближается Новруз Байрам, любимый праздник всего тюркского мира. Ароматом многоцветья полон воздух. Везде улыбающиеся лица. Звучит завораживающая музыка, от которой светлеют души. Весна вступает в свои законные права.

Поэт окрылён. Из глубины поэтической души появляются прекрасные строки, посвящённые этому славному празднику, пронизанные ярким национальным колоритом.

И пахлава, и сямяни,
Шякяр бура и блюдо с пловом…
В Новруза праздничные дни
Всех поздравляю с Новым годом.
Цветёт природа и душа,
И сердце бьётся чуть быстрее…

«Новруз Байраму»

В Азербайджане его пленяет всё – волшебная природа с её густыми лесами, величественными горами, украшенными снежными шапками. И особенно – любимый им Каспий, к которому он относится как нежный друг.

Ему полюбились и сладкозвучная кяманча и мелодичный тар, и мугам, который, по искреннему признанию поэта, он воспринял не сразу. «Но изменилось бытие», и «грустный звук его тягучий» прочно поселился в его сердце.

Находясь в Израиле, он испытывает неизбывную ностальгию по Азербайджану и чтобы как- то умерить свою тоску, просит жену:

Налей в стаканчик «армуды»
Мне чай, как ранее, бордовый.
Спасусь я сразу от беды –
Печали давней и не новой.
К нему кизил или инжир
В старинной вазочке хрустальной…

«О, этот мой ушедший мир!» –
Шепчу в тоске исповедальной…

«Ностальгия»

И потому неудивительно, что Михаил Сальман как праздник воспринимает приезд в Израиль азербайджанских писателей, родных его сердцу коллег. Об этом повествуют и следующие ликующие строки:

Сегодня праздник у меня –
Не календарный он, но всё же:
Ко мне приехала родня,
Нет счастья больше и дороже.

Я как вернулся к очагу,
В страну утраченного рая,
Который в сердце берегу
И не забуду, умирая.

«К приезду азербайджанских писателей в Израиль» .

Ему близки имена многих корифеев азербайджанской поэзии, гуманные, благородные идеи которых так понятны его сердцу.

«Низами» открою, «Физули»
Или же «Вазеха» и «Мушфига»,
Будто бы вдохну родной Земли.
Будто предо мной Она – не книга.
Будто предо мной её леса.
Степь почти бескрайнего Ширвана,
Море, что вобрало небеса –
Небеса народа-пехлевана.

«Ностальгия»

Михаила Сальмана характеризует глубинное проникновение в богатый духовный мир азербайджанских классиков. Вот он с томиком стихов Вазеха в руках. Ему сродни мысли и чувства этого самобытного художника слова. Он ходит по тем же улочкам, по которым ходил и его азербайджанский собрат. И также смотрит в себя, как смотрят в высь. «Истины искал и находил»...

Очень высоко оценивает Михаил Сальман творчество Низами Гянджеви, великого азербайджанского поэта, одного из корифеев мировой литературы.

В газели равных нет, в касыде,
В стихах любви, что он пропел,
Как глубоко он мог провидеть,
Как в жизни многое успел.
Меджнун, Лейли, Ширин с Хосровом –
Ромео предки и Джульетт…
Он одарил нас вечным словом.
Властитель времени. Поэт!

«Низами»

Поэт искренне делится с нами своими сокровенными строками. Они льются естественными порывами из его переполненной возвышенными чувствами души.

Вот он идёт вдоль крепостной стены на встречу с сладкозвучным Вахидом:

Иду туда, где дух чайханный,
Где дух Баку благоуханный
Так мне знакомой старины
Иду туда, где царь газелей
В негромком скверике стоит,
Где будто тихий звук свирели,
Стихи Вахида говорит.

«Вахиду»

Высоко оценивает Михаил Сальман и творчество азербайджанских художников. Читателя не может оставить равнодушным стихотворение, посвящённое замечательному мастеру кисти Саттару Бахлулзаде. Поэта восхищает этот художник, создавший чудесные полотна будто из «воздуха и света…»

О, как же этот профиль тонок,
Среди житейских бурь и гонок
Не растерявший дивный дар:
Творить из воздуха и света
Волшебный мир полей и гор,
Звуча мелодиями цвета.
В нас окружающий простор.

«Саттару»

Лаконичными и то же время ёмкими штрихами поэт создаёт обаятельный облик этого, ни на кого не похожего, художника. Очарованный волшебными картинами самородка, поэт будто слышал в своей душе созвучные им чудесные мелодии.

Михаил Сальман неизменно разделял радости и горести азербайджанского народа. Его до глубины души потрясли кровавые январские события, произошедшие в 1990 году. Он отозвался на них гневными строками, бичуя убийц. Поэт был непосредственным свидетелем подлого убийства безоружных мирных бакинцев. Эту страшную трагедию азербайджанского народа Михаил Сальман воспринял как свою личную. Его стихотворение «Чёрный январь» звучит как гневное обвинение:

… Кому мы сделали и что,
Чтоб по толпе вот так, снарядом:
Старик в простреленном пальто
Упал на снег с ребёнком рядом.

«Чёрный январь 1990 года»

Сердце поэта разрывалось при виде залитых кровью улиц родного Баку.

Это было началом страшных бед, обрушившихся на нашу страну.

Гарабах, цветущий край, захватили вероломные агрессоры.

Поэт, явственно ощущал острую боль в душе. Это в него «*страшной пулей разрывной… враг выстрелил жестоко*».

И кровь, текущая рекою,
Уж не чужая, нет, не чья-та…
И я, не ведая покоя,
Всё жду и жду: когда ж расплата?
Когда родной взовьётся флаг
Над местом горечи и страха?

«Земля Гейдара, Хатаи…»

А Ходжалы?! Его ни в чём не повинные жители, более 600 человек, были зверски убиты в одну ночь. Никого не пощадили подлые убийцы – ни детей, ни стариков. Трагедия ходжалинцев потрясла все честные сердца. Не мог не отозваться на это всенародное горе и Михаил Сальман Он счёл своим гражданским долгом открыто написать об этом кровавом злодеянии.

Писать об этом в мир – не «в стол» –
Не сомневался ни мгновенья,
Ведь это там Я с ними шёл
Чрез горы снежные, селенья.
Ведь это в спину и лицо
Стрелял Мне изверг-измыватель,
Взяв город в клещи. Взяв в кольцо.
Приведши в действие взрыватель.

«Ходжалы»

И поэт верит, что мудрая история всё расставит по своим местам и «*Все убитые вчера/ восстанут к жизни, как святые*».

С особой признательностью и безмерным уважением относится Михаил Сальман к лидеру азербайджанского народа Гейдару Алиеву, в ком он видит богатырского потомка легендарного племени огузов, о которых пел славный сказитель Коркуд.

Богатырским был потомком,
О котором пел Коркуд,
Говорил не очень громко,
Но был слышен там и тут.

Был лишь труд ему опорой
И познания стезя,
И земля, где рос, которой
Позабыть никак нельзя.

«Лидер»

Многогранна и многозвучна лирика Михаила Сальмана. Она будто впитала в себя множество настроений, самых разнообразных, восторженных и печальных. Его поэтическая душа откликается на все светлое, доброе, талантливое. И тогда появляются чудесные стихи о людях незаурядных, восхищающих своими талантами. Это стихи о народной артистке Азербайджана Дине Тумаркиной, о его кумире, знаменитом футболисте Алекпере Мамедове, о неповторимой азербайджанской певице Флоре Керимовой, завораживающей слушателей своим волшебным голосом.

Особой нежностью пронизаны стихи «Любимой азербайджанке», посвящённые супруге поэта Егяне-ханым:

Есть что-то от чудес необъяснимых
В наш легкомысленный и умный век, –
Что ты как в первый день любима
И остаёшься Меккой Мекк,
Что каждый день подобен хаджу
К Каабе, камню всех камней,
Что каждый вздох и миг свой каждый
Молюсь тебе я – иудей.

Азербайджан преображается с каждым днём. Его авторитет в мире неуклонно растёт. И поэт радуется, видя чудесные картины обновления любимой страны. Он верит, что будущее Азербайджана прекрасно.

Земля Гейдара, Хатаи,
Бабека и Мелик-Мамеда,
Я верю, что настанут дни,
Когда к тебе придёт победа.

ЛЯМАН БАГИРОВА

Н О В Е Л Л Ы

Цикорий

А. и Н. Касимовым посвящается…

Цикорий делает сознание четким,
так что человек говорит и думает логично,
без всяких непоследовательностей.

Из энциклопедии

В Федоровском детдоме Кустанайской области Казахской ССР имеют место массовые побеги детей репрессированных родителей. Дети не занимаются, так как их избивают школьники-хулиганы. Наблюдаются массовые дебоши. В столовой детдома на 212 детей имеется всего 12 ложек и 20 тарелок. В спальне — один матрац на три человека. Дети спят в одежде и обуви.

(Из приказа НКВД СССР № 00309 от 20.05.1938 «Об устранении извращений в содержании детей репрессированных родителей в детских домах»).

«Как сказала, так и будет, и другого не дано!» Больше сорока лет этот диктаторский девиз был нормой жизни Софьи Михайловны. Годы выкристаллизовали властность и отчеканили ее в жестких чертах смуглого лица, в блеклых карих, но буравящих собеседника глазах, в складках небольшого рта с пухлой нижней и узкой верхней губой. Софья Михайловна была учительницей истории и завучем в местной школе, вдовой, матерью трех сыновей, свекровью трех невесток, бабушкой семи внуков и Большой хозяйкой Большой семьи.

Музой истории, как известно, является Клио – видимо, самая покорная и сговорчивая из сестер-муз. Во всяком случае, за время рабочей практики Софьи Михайловны свиток Клио переписывался, а подчас и перелицовывался не раз. И каждая последующая версия свитка называлась соответственно: «Новая», «Новейшая» и даже «Древняя»… И всякий раз Софья Михайловна терпеливо и усердно штудировала страницы новых учебников, поражаясь покладистости музы истории.

Софья Михайловна никогда не отдыхала. На отдых у нее просто не было времени. Многолетняя привычка завуча все держать под контролем сделала ее несгибаемой. Сыновья называли ее Гауляйтером, невестки – царевной Софьей, внуки и ученики – Софушкой и Фрекен Бок. Коллеги и того похуже – Фюрером и Львихой. Софья Михайловна не обижалась, порог обиды она давно уже переступила. Она знала, что имя ее означало – «мудрость» и давно уже мудро решила про себя: «С лю-

бовью обойдусь, пусть лучше слушаются». Слушались, надо сказать, со скрипом: любое действие порождает противодействие, – но так же со скрипом признавали со временем: Львиха была права. Она олицетворяла собой порядок, а порядок подразумевает незыблемость и надежность. И действительно, было жестко, но надежно. Как простая, без гурманских причуд, но сытная и не требующая особых хлопот еда.

А еще Софья Михайловна совсем забыла, что когда-то очень-очень давно ее звали Софиат, и отца ее звали Микаилом, и была она смешливой девчушкой с румянцем на смуглых щеках и копной кудрявых черных волос. И звали ее ласково – маленькая Всадница, потому что точь-в-точь она была похожа на задорную девочку с картины Брюллова «Всадница». И жили они далеко-далеко на юге, в степных краях, где отец работал коневодом, где небо похоже на огромную перевернутую синюю тарелку, а степь – на волшебный ковер.

И не вспоминала Софья Михайловна, как ее мать, молодая красавица Сария́, плела венок из голубых цветков цикория и, смеясь, надевала его на голову дочери. И приговаривала: «Терпи казак – атаманом будешь! Стебли у цикория жесткие, зато сломать трудно, и цветы долго не вянут». А потом легко шлепала по худенькой за́душке и Софиат бежала, раскинув руки по огромному, волшебному, ковровому синему счастью.

Больше всего Софья Михайловна любила рождение утра, минуту, когда рассвет прорезал тьму и являлся словно ниоткуда, и вселенская тревожная ночь отступала. Закрывалась дверь в далекий, погибший мир, где было много солнца, и ветер играл гривами лошадей. С первым лучом света Софья Михайловна вздыхала облегченно. Утро – это всегда обещание нового дня, залог установленного раз и навсегда порядка. В утре было легко; ночь скреблась тигрицей, кровавила сердце и одолевала тоской по чему-то, что хотелось забыть, что приносило боль.

В детдоме для детей врагов Родины Софья Михайловна запомнила куски серого, плохо пахнущего мыла, машинку для стрижки волос, после которой она перестала быть похожа на девочку-Всадницу, один матрас на три человека и толстую тетку в белом халате. У тетки были колючие красные глаза, и она все время бегала и кричала: «У меня 20 тарелок и 12 ложек на 200 человек! Что мне делать?! Говорила я, кто меня слушает?!»

А еще помнила Софья Михайловна, как впервые за много месяцев заплакала, когда нянечка со смешным именем «тетя Груша» погладила ее по стриженой голове, перекрестила и сказала шепотом: «Ничего, Сонюшка, Бог даст, ты жива будешь. Живи, Сонюшка»…

И Сонюшка выжила. И стала Софьей. А потом уважаемой Софьей Михайловной. И давно знала, что родителей ее расстреляли, а родственники от нее отказались. Почему? Она не спрашивала себя об этом. Многих расстреливали и от многих отказывались. А еще она знала, что ей непременно надо жить. И любить эту землю, которая была ее Родиной, потому что другой она не знала. Да и не было дано другой. И Сонюшка любила и трудилась для нее. И привыкла к этому. И годы были милостивы к ней, она не превратилась в обрюзгшую старуху, лишь чеканились, застывая, черты лица, да царственной оставалась осанка. Стареющая Львиха. Да – стареющая, но ведь это только причастие, а главное-то – существительное: Львиха! И она любит жизнь, и крепко держит на ней свою маленькую твердую лапу. И – уж будьте покойны! – пока эта лапа есть, можно не волноваться – все будет идти своим чередом, не нарушая порядка.

Вот только к цветам была равнодушна Софья Михайловна... А их дарили ей часто – бархатные дорогущие розы, пышные георгины, белоснежные лилии, разноцветные гладиолусы и какие-то замысловатые букеты, где бумаги и ленточек было больше, чем цветов. И все цветы были помпезными, будто гордились собой и важничали неизвестно почему.

А она отдавала их коллегам, дарила невесткам, нисколько не жалея, не глядя даже на их красоту. И глаза ее оставались сдержанно-приветливыми, не более.

Поэтому все удивились и даже не поняли, отчего Львиха вдруг сильно закусила губы и изменилась в лице, когда однажды пятиклассник Рома Павлов протянул ей большой букет ярко-голубых цветов с жесткими стеблями.

– Это цикорий, – серьезно провозгласил он. – Очень полезный цветок. Из него делают кофе и еще жарят и тушат. Он от многих болезней помогает. И еще он очень красивый.

– И стойкий, – улыбнулась Софья Михайловна. – Ты где такую копну собрал, Рома? Наверно, руки измочалил?

– Ничего не измочалил, – буркнул Рома. – А его вон там, на пустыре, полно. Бабушка говорит: этот цветок – утешение. Когда даже трава не растет, он пробивается.

– Измочалил все-таки. Давай сюда ладони. Ну давай же, я, как классный руковод, за тебя отвечаю! – Львиха низко наклонила голову и принялась протирать поцарапанные мальчишеские ладони. – Цикорий я знаю, Рома, – тихо сказала она. – Действительно очень полезный цветок. Спасибо тебе.

В течение нескольких следующих дней домочадцы сильно удивлялись. Львиха таскала охапки синих цветов, уставила ими все вазы, банки и тазы в доме, а в один из воскресных дней собрала сыновей с семьями и объявила:

– Сажаем на даче цикорий. Запаслась семенами и корневыми отводками. Выезжаем через час!

Спорить было невозможно, но один из сыновей попробовал сыронизировать:

– А, что, мама, налаживаем частное производство поддельного кофе?

Львиха приподняла бровь, что являлось признаком сильного гнева, но спокойно отчеканила:

– У этого растения масса полезных свойств. Противовоспалительное, желчегонное, успокаивающее. Кроме того, просто красивое и неприхотливое. А еще его в народе называют «Петров батог». По легенде, апостол Петр использовал его как хворостину для своих овец.

– Мама! – не выдержала старшая невестка. – Скажите попросту: «Я так хочу! Как сказала, так и будет, и другого не дано!» Все поймут. И про овец тоже все поняли!

– Да, я так хочу. Я прошу вас, – вдруг сорвалось с губ Львихи. – Пожалуйста.

Домашние переглянулись. Мать стояла перед ними величественная и изо всех сил прижимала к себе пакет с черенками, будто боялась, что его у нее отберут.

Через два часа семья во главе с Софьей Михайловной – все потные, грязные – лазали по земле и рассаживали отводки жестких стеблей. Потом, уже накупанные, пили чай с медом и творожным пирогом, и Львиха сидела в своем кресле во главе стола, и взгляд ее по прежнему был пронзителен и тверд.

А еще через год большой участок дачи напоминал ярко-синее море. И – странное дело – в первый раз после того, как зацвел цикорий, Софья Михайловна перестала бояться ночи. И рассвет, прорезающий тьму, стал просто вестником утра, а не единственным спасением от тигрицы по имени Память.

И еще о любви

Любовь долготерпит, милосердствует, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Апостол Павел

Незабвенный Юрий Олеша говорил, что «времена волшебников прошли. А может, их никогда и не было». Скорее всего, он был прав. И все же, о волшебниках не скажу точно, а вот что чудеса случаются, и в особенности тогда, когда хочется в них верить – заявляю авторитетно!

Только не будет моя история нежна и трепетна, как светлый рассказ «Дары волхвов». Кудесник О.Генри описал в нем молодую пару, отдавшую друг другу самое дорогое, что у них было. Но у них осталось нечто большее – их молодость, когда трудности не переступаются, а перепрыгиваются. Возможно, потому, что их просто не замечают, или кости еще гибки…О молодом счастье рассказывать – одно удовольствие, само перо устремляется в ликующий полет!

Нет, я и сейчас поведаю о пожилой паре. И вовсе не потому, что старики мне ближе. Скорее, напротив. Но уже давно я наблюдаю одну странную штуку. Пространство и время – две физические величины – рассматриваются в природе всегда в непрерывной связи. В жизни же они работают, в основном, противоположно. Пространства и расстояния иной раз скрепляют людей больше, чем близость, возможно, потому, что физическая удаленность нивелирует работу времени. И мелкие раздражения, неизбежные при долгом, тесном общении, совместном проживании и возрастных изменениях, растворяются пространством. Через «версты и мили» все кажется милым, тихим и теплым, потому что этого требует наша душа, истосковавшаяся по рОдности.

Но тем интереснее и драгоценнее люди, не преодолевшие временные рубежи (увы, это не дано никому), но научившиеся жить со временем в ладу. На это нужно немало мудрости, и еще больше – мужества. Зато и награда сторицей – достоинство и элегантность, а не зыбкая моложавость.

Мои герои подарили друг другу в канун Рождества и Нового года самый главный рождественский дар – любовь. Именно Любовь была первым даром божественному младенцу. Золото, ладан и смирна были лишь дополнением к ней.

Когда молодой Руслан привез к себе на родину из Могилева тоненькую большеглазую сироту Таю и заявил ошарашенной родне: «Женюсь!», поднялся неистовый змеиный шип. Увещевания самого Руслана не привели ни к чему. Парень, что называется, запихнул обе ноги в один башмак – «Только Тая, и больше никто»! На парня махнули рукой – все же фронтовик, да к тому же после контузии. Начались паломничества к его матери. «Уговори, вразуми, наставь! Ты же мать!!! Единственный ребенок у тебя! Не пара она нашему мальчику! Да еще на глазах всю родню расстреляли! Не приведи Бог такой напасти. Неизвестно еще, как это на ней сказалось».

Бесполезно… Свадьба состоялась, и на ней, как водится, осыпали молодых конфетами с пожеланиями сладкой и долгой жизни. Все обычаи были соблюдены, чтоб перед людьми не было стыдно…

На третий день после свадьбы свекровь отозвала Таю в сторонку:

– Сядь-ка, поговорим! – Тая послушно присела на край стула. За время предсвадебного противостояния она похудела еще больше. На белом, без кровинки, лице жили только огромные синие глаза.

– Скажу тебе честно, – свекровь мяла в руках праздничную крепдешиновую косынку. – Я не хотела тебя в невестки. Не о такой судьбе я мечтала для сына.

Заметила, как по горлу Таи прошел судорожный вздох, прибавила чуть мягче:

– Но раз смогла стать женой, – видно, чему быть, того не миновать, – постарайся стать своей для рода, влиться в семью. У нас девушка не за парня выходит, а за его маму, папу, бабушек-дедушек, братьев-сестер. Всех надо приветить, для всех ласковое слово найти. Такое у нас не в чести, чтобы молодые только в своем углу сидели и своей жизнью жили. Не обижайся, ты мне ничего плохого не сделала, и я тебе тоже. Но я правду говорю, как есть. Трудно поначалу будет. Да не дрожи так! Я не зверь. У тебя нет никого, у меня тоже. Будешь ко мне с уважением, я тебя не обижу и всему, что знаю, научу. И другим в обиду не дам. А разводов в нашем роду отродясь не было. Из того дома, куда невестой пришла, и гроб твой должны вынести. Запомни! Будешь ссориться, скандалить, сыну моему нервы трепать – прокляну!

Тая всхлипнула.

– Плакать, дочка, не надо. Твое место уже крепко. Родишь – вообще нерушимо будет. Невест бывает много, а жена – есть жена. Главное, знай – мужчине, даже самому хорошему, верить нельзя, а плохой – он и так плохой. Любовь у них сегодня есть, завтра – нет, а у тебя дело свое – семью строить, дом водить. Из семьи мужчины наши не уходят. Вытри слезы.

Тая послушалась. И стала такой, как говорила свекровь. Словно ласточка, притулилась на стене неведомой жизни и – веточка к веточке, год к году свила свое гнездо, – терпеливая умница. Через пять лет в родне говорили, что Руслан и старая Салтанат не девку, а золото взяли, даром, что «не наша». Через десять лет в открытую завидовали свекрови, цедя сквозь зубы, что Бог дает милости редко, но уж если дает, то полными горстями. А Тая стряпала, растила сына и дочку, ухаживала за недвижной Салтанат и знала, что в одном-то уж свекровь точно ошиблась: они с Русланом любят друг друга так же, как и много лет назад, хотя время изменило их нещадно.

Спустя 29 лет, в 15-й день веселого месяца мая, Салтанат позвала к себе Таю:

– Пора мне.

Тая запротестовала.

– Не перечь, я знаю. Дай воды.

Тая подала стакан воды.

– Благослови тебя Бог, дочка. Береги детей, и мальчика моего тебе поручаю. Трое детей у тебя… – последние слова она выдохнула неожиданно молодым певучим голосом.

Свекровь была идеальной кавказской старухой – сухой, немногословной, в низко повязанном черном платке. Для нее сын и в 56 лет был мальчиком.

Руслан много и часто болел. Тая шутя говорила, что жизнь у нее – как расписание поездов: от станции «Школа», где она преподавала домоводство, до станции «Кухня», где она ранним утром разгружала принесенную Русланом провизию, а потом до станции «Тумбочка с лекарствами», дальше по графику – «Школьные уроки», «Ро-

дительские собрания», «Уборка дома», «Прием гостей». Дни сначала летели быстрее гонца, потом стремительнее молнии, и зеленые волны Каспийского моря несчетное количество раз ударялись в длинные песчаные берега. Тае было некогда думать о его красоте и величии. И без того известно, что другого моря в ее жизни не будет, а значит, оно – самое лучшее. Самое теплое и красивое.

Сорок четыре года – как единый вздох. Сын, дочь, зять, невестка – четверо детей. Четверо внуков. Три небольшие комнаты с застекленным балконом. Кошка с тремя котятами. «На все стороны света, – шутила Тая. – Теперь только жить и радоваться!» Руслан молча улыбался. Тая любила его сдержанную улыбку – краешком губ.

Четыре стороны света – крест.

– Ну, вы понимаете, что такое изношенное сердце. Три инфаркта – не шутка. Сердце у него – как вялая тряпка. Ну и, конечно, выход на пенсию деятельные люди переживают тяжело. Это еще благодаря вашему уходу, диете и лекарствам он прожил так долго. В общем, будьте готовы ко всему…

Врач постукивал ручкой по рецептурному бланку. Тая задумчиво посмотрела в окно. Это должно было случиться. Жаль, что именно сейчас, в конце декабря, когда вовсю идет предпраздничная суета. Не январь, а именно декабрь наполнен ощущением чуда, приятными хлопотами, радостной беготней за подарками, теплыми запахами ванили, корицы и яблок. Хорошо, когда в такие дни медленно перепархивает снег, и деревья уютно дремлют под белыми шубами – картина зимней сказки готова! Но, увы, с Природой не поспоришь. Уж если не посылает снега, то изволь мириться с мягким серым деньком, влажным асфальтом и голыми ветками.

– Ничего не случится, доктор! – она решительно встала. – До свидания.

Врач посмотрел ей вслед. «У пожилых свои причуды», – равнодушно подумал он. Это был хороший старый врач, и все долгие годы практики ему гораздо легче было читать графики кардиограмм, чем художественную литературу.

Когда она вошла в дом, муж выжидательно посмотрел на нее.

– Жить будешь, – бодро сказала она. – Выпей свою таблетку, сейчас обедать будем. – Затем вошла в спальню, не зажигая света, нащупала в глубине платяного шкафа какую-то коробочку, всыпала содержимое в стакан с водой и выпила залпом.

Обед был диетическим, но вкусным. Тая, отменная кулинарка, давно освоила национальную кухню, но готовила для мужа только особые блюда – паровые куриные котлеты, отварной картофель, нежирный бульон и компоты из боярышника и вишни. Жареное и жирное подавалось к столу только на званых обедах.

– Я отдохну немного, что-то много я съел, – Руслан прилег на диван, – если задремлю, укрой чем-нибудь.

– Конечно, – Тая посмотрела на часы. – Ты отдыхай, я посуду помою.

Сквозь сон Руслан услышал сдавленные стоны. Быстро встал, вышел на кухню. Тая корчилась на диванчике.

– Что с тобой? – испугался старик.

– Не знаю, – сдавленно промычала Тая. – Что-то вертит, и режет, и крутит. Живот ходуном ходит. Плохо мне!

– Что ты съела? – растерялся Руслан. – Такого от еды никогда не было. Может, простудилась? Ай, жена, да что же такое?!

– Ой, не знаю. Ой-й-й-й!!! Помоги до туалета дойти!

Руслан бросился к ней. Кряхтя и охая, она добрела до туалета. Таю скрутил сильнейший приступ рвоты.

– Я скорую сейчас вызову. Детей! – Руслан и в молодости не проявлял такой активности, как сейчас. Глаза его заблестели, и даже спина немного распрямилась.

– Не надо скорую. Не надо, говорю! – В лице Таи не было ни кровинки, по вискам струился пот.

– Как не надо?!!

Руслан, кажется, забыл, что за два часа до этой минуты был седым согбенным старцем со взором потухшим и дрожащими ногами. Сейчас даже щеки его порозовели.

– На тебе лица нет, Таечка!

«Таечка», – мысленно отметила для себя жена.

Так задушевно и, будто стесняясь, Руслан называл ее только когда они оставались наедине. Никогда на людях – неприлично.

– Нет! Уложи меня на диван, сейчас пройдет!

– А если это аппендицит?

– Очнулся?! Аппендицит мне давно вырезали!

– Ты как хочешь, а я детям позвоню! Если с тобой что-то случится, что я буду делать?..

Через полчаса в комнату вбежали перепуганные дочь с сыном. Тая по-прежнему была бледна, как смерть, живот был тверд, как железо, но позывов на рвоту уже не было.

– Нет, вы только посмотрите на свою мать! – расправив плечи, старик широкими шагами мерял пространство из угла в угол. – Чуть не умирает, не дай Бог, а упрямство, видно, вперед нее родилось! Скорую не разрешает звать. Где такое видано?!

– Мама, это не шутки! – дети решительно склонились над ней.

– Молодец мой старик, – услышали они еле слышный шепот. – Того и гляди, еще и по столу кулаком хватит! Поскрипим еще!

– Мама?

Тая чуть заметно улыбалась. Заметив, что Руслан приближается к дивану, простонала:

– Кажется, отпускает. Наверно, я все же простыла. Там, на кровати, шаль, принеси мне ее, пожалуйста.

Когда Руслан вышел, она тихо сказала:

– Ваша бабушка говорила, что женщину всегда хоронят чуть глубже, чем мужчину, потому что она хитрее мужчины, и даже под землей может что-то придумать и воскреснуть!

– Мама! Ты это все специально?

– Ну, а как вы думали? Надо же было вашего отца встряхнуть. Он меня потерять боится так же, как я его. Поскрипим еще!

– Мама, что ты сделала? – дочь бессильно всплеснула руками.

– Ничего страшного. Старая добрая английская соль. Немножко встряхнула кишки и все. Я так в детстве вас лечила от запоров и глистов... Т-с-с! Отец идет.

– Возьми! Подожди, я сам тебя укрою. Как тебе? – Руслан суетился возле своей Таечки, как мать возле младенца.

– Ой, лучше, гораздо лучше, только слабость. Сейчас пройдет. Ах! – Тая при-

крыла в изнеможении глаза.

– Вы идите на кухню, чайник подогрейте, поешьте, что хотите, – Руслан махнул рукой детям. – Я с ней посижу.

– Папа, а ты сам как сейчас? – сын был серьезен.

– Нормально. Вначале, когда ее схватило, испугался, а сейчас вроде ничего.

– Муж да жена – одна сатана! – сказал на кухне брат сестре. – Уникальные у нас предки, ничего не скажешь!

Дочь промолчала, улыбнулась. За окнами впервые с начала декабря закружились мягкие белые хлопья. В сиреневом свете ранних сумерек они напоминали растрепанных балерин. Некоторые из них долетали до окон и таяли на теплых стеклах, оставляя прозрачные светлые полоски. Кошка с котятами, изрядно переволновавшиеся за последние часы, опять запрыгнули на кухонный диванчик и уснули. Спали они крепко, изредка вздрагивая лапами. Очевидно, им снились их рождественские дары – мясо, рыба и молоко. Но, конечно, они никому не рассказали о своих снах, когда проснулись. Ведь совершенно точно известно, что никому нельзя рассказывать хорошие сны, а то можно спугнуть удачу.

P.S. Руслан и Тая прожили еще двенадцать лет и четыре месяца, успели понянчить пятого внука и умерли во сне с разницей в один день. Вначале – Тая, затем Руслан бросился догонять свою половинку. Случилось это в апреле, когда вовсю цвели алычовые деревья, и асфальт был белым от лепестков. Но в день прощания вдруг пошел мокрый снег. Мягкие хлопья напоминали растрепанных балерин, а некоторые из них долетали до окон и сразу таяли на теплых стеклах, оставляя прозрачные светлые полоски.

Вы скажете, такого не бывает?.. Бывает, уверяю вас! В жизни бывает все, и всегда находится лазейка для чуда.

Вертоград

(из цикла «Друзья мои»)

А вы, друзья! Осталось вас немного, –
Мне оттого вы с каждым днем милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.

А.Ахматова

Как знать, может быть, в чудачестве больше мудрости и душевной щедрости, чем в благоразумии? В обычной жизни людей с намертво прилипшими к ним ярлыками немало. Кого-то называют добрым, а вся его «доброта» заключается в том, чтобы улыбаться и поддакивать всем без разбора. Кого-то злым, а вся его «злость» – всего лишь в умении четко и беспристрастно выражать свои мысли. Если человек не понятен – приговор один – странный! И – поди, избавься от ярлыка! Не получится! Людям легче, когда ярлык на ближнем есть. Не надо голову ломать, все по ценностному реестру оформлено!

Однако был среди моих давних знакомых человек, который свой ярлык оправдывал идеально. Он жил по соседству с одной из моих подруг и часто заходил на ого-

нек, когда мы устраивали посиделки. Казалось, от Бога он обладал только одним талантом, но зато огромным и редким – умением слушать. Бывало, придет, потопчется в передней – крепенький, аккуратный старичок – улыбнется смущенно и приветливо всем и пройдет бочком, словно извиняясь, в комнату. Непременно выберет себе там уголок потеснее, немного повозится, усаживаясь, и превратится в слух! Сколько его ни проси пройти в центр, сесть на видном месте, только замашет руками, уверяя, что ему и так превосходно, и чтобы не беспокоились.

И в самом облике его было что-то маленькое, уютное, сказочное. Словно пряничный старичок-домовой с круглыми щечками, облитыми старческим румянцем, большими морщинистыми ушами и щелочками блеклых глаз. Взгляд их, однако, был быстр и цепок.

Настоящего имени-то его никто не помнил, а может, и не знал. Называли изредка по отчеству – Каримыч, а больше: «Этот, как его? – Слушатель!». Потешались над стариком беззлобно: над его привычкой притопывать старомодными войлочными ботами, над манерой слушать, напряженно подавшись корпусом вперед и приложив к правому уху руку, над неизменным мохеровым кашне, которым он обматывал шею даже в начале лета. Потешались над всем отживающим и деликатно уходящим в небытие. Но при этом скучали, если старика долго не было, как скучают по привычной мебели, вдруг вынесенной из комнаты, и после которой на полу остаются сиротливые светлые пятна.

В разговорах он никогда не участвовал. Но сказанное другими, любые беседы, от политики до спорта и кулинарии, будто вбирал в себя, расцветал от чужих слов, речей, будто отогревался душою лучше, чем телом от рюмки терновой наливки или от стакана чая. Казалось, что вот-вот встанет, глухо притопнет, расплывется в пряничной улыбке и проворкует: «Хорошо-то как! Тепло! Душевно!»

Но он этих слов не говорил, и лишь тихо благодарил хозяев за прекрасно проведенный вечер.

– Плохая вещь – одиночество, – как-то заметила одна из гостей, глядя ему вслед. Он бодро шагал, по старчески выгнув плечи, и с балкона 6-го этажа напоминал уютный колобок на ножках. – Ему бы сейчас дома сидеть, с внуками возиться, а он таскается по соседям-знакомым. Никого нет у него? – повернулась она к хозяйке дома.

– Отчего же? Вдовец, две дочери и трое внуков. Обе недалеко живут. Звали к себе, да он отказывается, привык к дому. Говорит, всю жизнь в этом квартале прожил. Гостит у дочерей, они к нему приезжают, но навсегда перебираться не хочет. Все двор озеленить мечтает. Старый человек, времени много, вот и фантазирует. С нашими дворовыми детьми-дикарями только двор и озеленять! Но рукастый старичок, все в своем доме сам сделал, по своему вкусу.

– Ну и дурак, прости Господи! Окочурится, и не заметит, как! Разве можно в таком возрасте жить без присмотра? Какой бы ни был крепкий, а все равно риск. Сколько комнат у него?

– Одна, а что?

– Ну, потом дочери, наверно, продадут и поделят между собой деньги. Дом каменный, потолки высокие. Это хорошо. Продадут – не прогадают.

Стало зябко. Зима на юге больше походит на промозглую осень. Свинцовое небо взбухло дождем. Сиротливо дрожали голые ветки ясеней, видно, и им было холодно. И весь двор типовой городской многоэтажки был сирым и бесприютным.

Мне захотелось догнать старичка. Ясно представилось, как он входит в свой маленький, чистый дом. Отчего-то думалось, что у такого пряничного человека и жилище должно быть кукольным, словно облитым патокой, с непременными полотенцами, вышитыми петухами, тряпичной бабой-грелкой на чайнике и постелью с подзором и горкой подушек. Ни дать, ни взять – домовенок Кузя за самоваром.

В комнате уже вовсю щебетали, обсуждали чью-то свадьбу. Я заторопилась.

– Ты что? – встревожилась подруга. – Все хорошо?

– Да, завтра с утра на работу, а я еще не все по дому сделала. До встречи. Слушай, а познакомь меня с ним покороче, – осенило меня. – А то все так – здравствуй-до свидания.

– Без проблем, – беспечно отозвалась она. – Приходи в субботу – посидим просто.

– Чай, безешки, белое вино? – улыбнулась я.

– Кофе, коньяк, лимон! Устраивает?! До субботы!

Клубочек распутывался медленно. В субботу состоялось близкое знакомство с Каримычем, я была представлена ему, узнала, что он биолог по профессии и сейчас на пенсии, и что у него два внука и внучка, что он их очень любит, но переезжать к дочерям не хочет, чтобы не стеснять никого. Однако в разговоры он вступал неохотно, предпочитая слушать и благожелательно кивать говорящему. Со стороны могло показаться – китайский болванчик беспрерывно качает головой. И все же в блеклых зеленоватых глазах его нет-нет, да и мелькало нечто, от чего становилось не по себе. Будто на сердце лежала мягкая кошачья лапа и время от времени вонзала в него когти. На всякий случай, чтобы сердце не забывало об их существовании.

– Иди сюда! – шепотом позвала меня подруга на кухню. – Я тут налила Каримычу немного зеленого борща в кастрюлю. И еще положила немного пирожков. Он любит мою стряпню. Помоги ему донести кастрюлю до дому. Авось, и разговорится .

Так и поступили. Пряничный старичок долго и смущенно благодарил, отнекивался, потом изысканно кланялся. Закончилось тем, что мы наконец-то двинулись в путь. Я несла кастрюлю с борщом, а он семенил впереди, поминутно оглядываясь.

Мы поднялись на 4-й этаж, Каримыч отпер дверь угловой квартиры, и я оказалась в царстве домовенка Кузи. Все было точно таким, как я себе и представляла, разве что кружевного подзора у кровати не было. Но на всем остальном: круглом столике у окна, часах с кукушкой, маленьких геранях в маленьких же горшках и развешанной на стене коллекции тарелок гжельской росписи – лежала печать чего-то сказочного, невсамделишного и … бабьего. Казалось, что Каримыч сейчас всплеснет маленькими ручками и что-то скажет высоким женским голосом.

Но он молчал, только потирал озябшие ладошки и глядел на меня благодарно и цепко.

– Нравится? – кивнул он на тарелки. – От жены осталось. Из каждой поездки их привозила. В театре служила, – последняя фраза была произнесена с благоговением.

На стене висела фотография молодой женщины в синей овальной рамке. Красивой ее назвать было нельзя, но что-то притягательно-властное сквозило в развороте маленьких плеч и упрямо вздернутом подбородке. Две маленькие фотографии дочерей с внуками стояли за стеклом в шкафу. Собственных фотографий Каримыча не было.

Меня поразило то, что все в доме было двух цветов – синего и белого. Синее

покрывало на кровати, белые занавески, белые стены, синий шкаф и синие табуретки. Зеркало в сине-белой раме. Даже герани на синем подоконнике были белыми, а лакированный пол – почти белым.

– Как у вас удивительно, – не удержалась я.

– Красиво? – не без удовольствия произнес он. – Сам все делал. Люблю эти цвета. В них воздух, чистота, свежесть. Садитесь, – он придвинул мне синюю табуретку.

У меня не хватило решимости отказаться. Пряничный старичок смотрел на меня умоляюще и в то же время властно. Я присела. Словно по волшебству появился маленький поднос с фарфоровым чайником, сухарницей и чашками. Все было расписано под гжель, и чайник накрыт сине-белым полотенцем. Я словно попала в зимнюю сказку. Пестрый, не всегда понятный и не очень добрый внешний мир остался где-то далеко.

– Чистоты почти не осталось в нашей жизни, – вдруг тихо сказал Каримыч и сгорбился. – Чистоты и красоты. В окно выглянуть – душа болит. Все серое, мрачное, скамейки поломанные, каждый цементные дорожки норовит сделать, чтобы машину свою драгоценную поставить. Хотел сад разбить во дворе, скамейки новые поставить, цветы в клумбах по кругу насадить, да так, чтобы они сменяли друг друга – одни отцветали, а другие распускались. И все больше синих и белых, от них светлее, и сердцу легче дышится. И детишкам гулять было бы приятнее, чем в таком, – он махнул рукой в сторону темного, голого двора.

– Говорил с соседями, хотел их привлечь к этому делу, один бы я все это не осилил. Так они меня на смех подняли, подумали – умом тронулся. Потом стали возмущаться, мол, никому это не нужно, нам для машин места не останется, и вообще мы во дворе не сидим, а если нужна прогулка, так лучше в парк пойти. Никому двор-сад оказался не нужен, а у меня даже чертеж остался, как бы это все было. Хотите, покажу?

Каримыч достал из шкафа рулон ватмана и развернул его.

– Вот, смотрите, – указал он на большое, расчерченное пространство в центре. – Это наш пустырь во дворе. В центре я хотел разбить небольшой цветник-радугу, так, чтобы по кругу цветы сменяли друг друга от красных до фиолетовых. Представляете, какая красота?! А по краям – дорожки из плитки и квадратные рабатки из синих и белых цветов в шахматном порядке, и хотя бы две скамейки! – Он воодушевлялся, и глаза его стали поблескивать. – И качели можно было бы поставить. А что машины, так ведь для машин стоянки есть. Ведь можно там их ставить, а? – Каримыч просительно заглядывал мне в лицо, будто я могла решить проблему стоянки машин и вообще всего остального.

– А это что? – я увела разговор в другую сторону и указала на четыре фигуры в виде веера.

– Лунный сад!!! – Каримыч засмеялся и даже привизгнул от удовольствия. – В хорошем саду цветы никогда не должны закрываться. На этих клумбах-веерах были бы рассажены растения, которые цветут только вечером и ночью. И непременно белые или серебристо-зеленоватые, чтобы мерцали в лунном свете.

– Да разве есть такие?!

– Есть! – победоносно и тоненько выкрикнул Каримыч. – Сколько угодно! И недорогие. Да я бы сам нашел семена! Душистый белый табак, лунная ипомея, белый мирабилис, цинерария – они расцветают только вечером и ночью. И был бы это не

сад, а сказка, не двор, а вертоград души! Знаете, что это такое?

Слово было мне известно, но у старика были такие сияющие детские глаза, что я решила дать ему возможность насладиться успехом.

– Так раньше называли сады и виноградники. Прекрасно возделанные, усыпанные плодами. В них душа радовалась, глаз отдыхал, здоровья бы прибавлялось. Эх… Не захотели люди…

– Так у многих на дачах такая же красота, как вы говорите, – я не знала, что сказать в утешение, все слова казались нелепыми и жалкими.

– Дачи? – Каримыч посмотрел на меня так, словно видел впервые. – Да, конечно. У каждого за закрытыми воротами. А так двор был бы как игрушка, загляденье…

Он умолк и постукивал по чашке с гжельской росписью. Узор на ней казался совсем темным. Лист ватмана валялся под столом.

– Я пойду, поздно уже. Спасибо вам.

– Вам спасибо, – бесцветно отозвался Каримыч, и я поняла, что чудесный вертоград закрылся для меня.

Весь вечер мои мысли возвращались ко двору-саду. Он даже приснился мне ночью. По дорожкам, вымощенным плиткой, бегали дети, матери сидели на скамейках возле длинных рабаток с белыми и синими гиацинтами. В центре была разбита огромная клумба-радуга, где чередовались бордовые стелющиеся розы, оранжевая календула, желтые фиалки, зеленая звездовка, голубые анемоны, синие гелиотропы и фиолетовые вербены. И всем было радостно, потому что не может быть плохо среди такого чуда. А когда на землю падал последний солнечный луч, то одни за другими начинали мерцать цветы лунного сада, чтобы и ночью красота не покидала людей.

– Ну, как? – поинтересовалась подруга через несколько дней. – Разговорились? Видела его комнату?

– Да, видела. А кстати, почему соседи отказались помогать ему со двором?

– Шутишь, что ли? У него фантазии завиральные, это сколько денег надо, сил, а еще рабочих нанимать, в земле копаться. Да еще неизвестно, приживутся ли его насаждения. Я лично с лопатой во двор не собираюсь. И муж мой тоже. У каждого свои дела. И никому это не нужно. Нудился-нудился, да, слава Богу, отстал. А что, он и тебе рассказал про двор-сад?

– Так, в общих чертах.

– Он всем рассказывает поначалу, не обращай внимания. Если не реагировать, то отстает сам. Одинокий старик, что с него возьмешь…Их хлебом не корми – дай с идеями поноситься…

Мы заговорили о другом и вскоре попрощались. Я отчетливо поняла, что буду приходить в ее уютный дом как можно реже. Что-то надломилось во мне. Так бывает, когда некого винить, и все же становилось мучительно жаль всего отживающего и деликатно уходящего в небытие.

К счастью, жизнь завертелась с утроенной силой. Времени даже на звонки не оставалось, не то что на чинные походы в гости.

Встретились мы с подругой почти через год.

– Бессовестная, – накинулась она на меня. – Где пропадала? Приходи в воскресенье непременно! Столько новостей! Все расскажу! Мы, кстати, обои обновили, оценишь! Ах, да, помнишь Каримыча, старика – соседа моего. Перебрался он к одной из дочерей, слава Богу. А квартиру его дочь сдает. Ну и правильно! И он под при-

смотром, и квартира не пустует, и мозг своим садом-двором больше никому выносить не будет. В общем, я жду. Придешь?.. Что молчишь? Придешь?

– Постараюсь, – выдавила я.

– До встречи. Жду! – отрапортовала она и повесила трубку.

Я выглянула в окно. Свинцовое небо взбухло дождем. Сиротливо дрожали голые ветки деревьев, отчаянно каркали вороны – видно, и им было холодно. И весь двор моей типовой городской многоэтажки был сирым и бесприютным. Было грустно, будто на мне лежала вина за что-то. Странная вина, непонятная. Неизбывная…

СямА. История одной жизни

(из цикла «Друзья мои»)

Зима установилась в марте
С морозами, с кипеньем вьюг,
В злорадном, яростном азарте
Бьет ветер с севера на юг.

Ни признака весны, и сердце
Достигнет роковой черты
Во власти гибельных инерций
Бесчувствия и немоты.

Кто речь вернет глухонемому?
Слепому – кто покажет свет?
И как найти дорогу к дому,
Которого на свете нет?

Мария Петровых

Часть 1

Ее имя в переводе означало «небосвод». Она была черна, как головешка, и худа, как щепка. Контраст имени и облика сообщал ей некоторую демоническую крылатость. Так сказать, чернявый бесенок – мелкий клерк из адской канцелярии отправился с ревизией на небеса. Ведомство у него было мелкое, ну, и обязанностей немного – так, проверить, все ли в порядке в горних высях, не прохудилось ли часом какое-нибудь облачко…

Она мечтала стать актрисой. Любила кофе и синий цвет. Умела слышать музыку летнего дождя и замечать рубины в капле вишневого варенья. Воображение отталкивало ее тельце от земли и устремляло в сияющий полет. Желание стать актрисой переполняло ее, делало почти одержимой.

Родители гордились ею, радовались, что дочь хорошо учится, не болтается праздно без дела. Их немного напрягали мечты об артистической карьере, но они считали себя демократичными родителями и снисходительно относились к увлечению дочери. В глубине души были уверены, что внешние данные не позволят ей поступить в театральный, и это отрезвит ее лучше всяких запретов. Блажен, кто верует…

Она самостоятельно нашла себе учителя по декламации. Стала заниматься, делала успехи. Пискливый девичий голоск «открывался», становился глубже и одухотвореннее, в нем проскальзывали уже волнующие низкие нотки. Родители пожимали плечами, но оплачивали уроки.

Правда, педагог по декламации как-то зазвала мать к себе на разговор. Вначале хвалила, потом стала высказывать опасения.

– Что вас тревожит? – мать поправила идеально уложенные волосы и улыбнулась. – Разве она плохо учится?

– Что вы! – замахала короткими ручками педагог. – Она прекрасно учится, у меня никогда не было такой способной ученицы, но, вы понимаете, это меня как раз и напрягает…

– Не понимаю, что именно? – мать начинала терять терпение.

– Как-то слишком много всего. Какая-то фанатическая одержимость. Мне иногда делается не по себе, когда она декламирует. Актерство – это всего лишь профессия, конечно, никто не спорит, надо вкладывать душу и отдавать сердце, но так, чтобы потом человек мог вернуться к себе настоящему. А ее будто нет, она растворяется в чувствах персонажа.

– Насколько я знаю, любое дело требует полной отдачи. Честно говоря, я в первый раз вижу учителя, который недоволен тем, что ученик хорошо учится. – Мать улыбнулась. – Я знаю своего ребенка, поверьте, это все баловство.

– Не думаю. Нервная система у нее расшатана. На днях я рассказывала ей, как создавался спектакль «Принцесса Турандот». Ничего примечательного, просто обычный разговор об истории театра. Пришелся к слову. Так когда я ей рассказала о том, что в голодной Москве 20-х годов была создана такая яркая сказка, она заплакала. И такие слезы почти на каждом стихотворении. Поверьте моему чутью – отвезите ее куда-нибудь отдохнуть перед экзаменами. А еще лучше пусть она поступает на следующий год.

– Непременно поедем. Но пусть попытается поступить в этот год. Я думаю, вы сгущаете краски, дома она очень веселая и покладистая девочка. И в школе все успешно. Но, хорошо, спасибо за разговор, мы подумаем с отцом. – Мать направилась к двери, оставляя после себя тонкий и холодный аромат духов.

Конечно, ничего они не подумали. И СямА поступила в театральный. Сдала экзамены с блеском. И закружилось, очаровало, понеслось!!! Она с упоением ушла в учебу, педагоги прочили ей большое будущее. Начинался вальс ее жизни – томительный, будоражащий, страстный.

– С-с-суб-лима-ция! – отчеканивала педагог по сценическому мастерству, прорубая воздух сухим кулачком. – Сублимация! Непременное качество большого актера! Умейте перенести личные переживания, чувства, ассоциации в театральную игру. Перебросьте свою энергию образу. Но делайте это с чувством меры, лепите образ и стойте как бы чуть-чуть в стороне. Не смешивайте образ с собой – это вульгарно! Когда вы играете козла в сказке, сообщайте ему свою энергию, но не становитесь сами козлом!

Сяма не могла оставаться чуть-чуть в стороне. Слишком кипящим, бьющим через край был темперамент, слишком пламенной одержимость.

Худенькая, маленькая, с горящими глазами, она боготворила Эдит Пиаф, мечтала поставить о ней миниспектакль, и сыграть главную роль. И, конечно же, исполнить под занавес знаменитое «Нет, я ни о чем не жалею».

Но артист – это всегда в первую очередь – удача, а потом уже талант и труд. И как это часто водится в мистерии, называемой жизнью, исполнять Сяме пришлось совсем другую песню. Потому что:

Вальс дешёвый у жизни суровой,
Оркестрик грошовый в ночном кабаре…

– Я бы от дочери не отказалась, – как-то бросила в лицо ее родителям знакомая.

– Она нас опозорила, – мать поправила седые, но также идеально уложенные волосы. – Нам было стыдно смотреть в глаза людям. Спуталась не пойми с кем, нормальной работы нет, случайные заработки, вела разгульный образ жизни. У нас нет дочери по имени Сяма. И прошу больше в нашем присутствии о ней не вспоминать.

Отец промолчал. Он всегда молчал…

След Сямы затерялся. И может быть, никто и никогда так и не узнал о ней, если бы не случай. Или усмешка Судьбы…

Часть 2

Зима плакала. Выла жалостно, кряхтя, словно проклинала свою судьбу, не посылавшую ей ни крупинки снега. Будь она женщиной, то непременно закатила бы истерику, и была бы права! Ей бы блистать в роскошном серебристо-белом убранстве под зеленоватым небом, выводить узоры на стеклах, румянить щеки и морозить лица. Но не дано этого счастья, поскольку послана она была в южный город, где снега – редкого гостя – боялись, как огня, где вместо ослепительного морозного убранства предстояло щеголять ей в сером затрапезе асфальта. И только вороны и ветер – и возлюблен же был ветром этот город! – каркали-рыдали над ее судьбой на все лады! «Ну, не повезло тебе, зимушка, что же делать! Дай хоть мы завоем вместе с тобой, погорюем над судьбой твоей бесснежной». Что-что, а завывал ветер в этом городе отчаянно.

Марине всегда было жаль зимы. Друзья в шутку называли её «Северная ты наша». И вовсе не потому, что родилась в середине февраля и по счастливой случайности с разницей в полмесяца, начиная с 31 января, отмечали дни рождения мужа, сына и дочери. И не потому, что жару женщина переносила плохо. Просто зиму было жаль, словно старую деву, поблекшую на фоне более успешных сестер. Она и в самом деле была тенью в мягкой осени, краткой весне и огромном всеобъемлющем лете. И Марина старалась не только Новый год и дни рождения, но и каждый зимний праздник отмечать ярко, весело, будто задабривая это время года.

Был святой день для любого служащего – зарплата! Марина вышла из торгового центра с кучей пакетов! Во всех маленькие подарки – незатейливые, но в шуршащих разноцветных обертках. А еще – сверкающая сковородка-блинница и уйма продуктов. На носу была масленица. Марина помнила, как в детстве бабушкин дом с крутыми деревянными лестницами наполнялся дивными ароматами восходящего пузырчатого теста и всевозможных припёков-начинок. На душе становилось радостно. До дома оставалось не так много, и, кроме того, Марина предвкушала, как будет пря-

тать подарочки, чтобы домочадцы раньше времени их не увидели, ставить тесто на блины и пироги, и сердце ее пело.

«Стоп! – сказала она себе. – В церковь надо еще зайти. Завтра не успею».

Марина не была религиозна, не знала никаких молитв, но с Богом у нее были свои отношения. За каждое хорошее событие в жизни она непременно благодарила Его, твердо веря, что ничто – ни хорошее, ни плохое – не происходит без Его на то воли.

В церкви надо было поставить свечку за исцеление любимой подруги. Та давно жила в другом городе, ездить стало очень трудно и дорого, но связь между ними не прерывалась. Между родными сестрами порой не бывает такого крепкого душевного единения, какое было между ними. И когда подруге предстояла сложнейшая женская операция, Марина не находила себе места. Без Татуши, как ласково называли Татьяну, она своей жизни не представляла и даже боялась подумать о плохом.

Все сошло как нельзя более благополучно. Постарались ли врачи, смилостивилась ли Природа, или Марина умолила всех святых, но отступил призрак Безносой от Татуши, и сейчас Марина выдохнула с облегчением.

С тех пор 11 числа каждого месяца, в день операции подруги, она не забывала заглянуть в маленькую церквушку в четырех кварталах от ее дома. Ставила свечку неизменно у лика Богородицы Всецарицы, благодаря не только за жизнь, но и за сохранение женского естества Татуши.

Пакеты оттягивали руки. Марина мужественно прошагала все четыре квартала и свернула на тихую улочку. Там среди бесчисленных торговых ларьков пряталась церковь. Некогда небесно-голубой купол ее сейчас был выцветшим и размытым дождями.

– Можно оставить здесь сумки на несколько минут? – обратилась Марина к женщине, продававшей свечи. Вместо знакомой улыбчивой Лизы в комнатке сидела очень смуглая мужеподобная женщина. – Я ненадолго.

Женщина вздохнула, поправила платок и пробасила:

– Да, оставляйте. Вам что?

– Мне четыре свечки, – заторопилась Марина. – Спасибо. – Вдруг пальцы ее задрожали. – Сс-сяма?

Женщина взглянула исподлобья, усмехнулась.

– Что, изменилась? Еще бы… Никто не молодеет…

Марина ахнула, прижала ладонь ко рту.

Свою бывшую одноклассницу по начальной школе, тонюсенькую, порывистую девочку с необычным именем Сяма она меньше всего ожидала увидеть здесь. Вернее, считала ее давно умершей: никаких вестей о ней не было, да Марина и не вспоминала про нее. И вдруг тут, в церковном притемье, пропитанном запахом воска, – огромная, не человеческая даже, а какая-то носорожья глыба, называющая себя Сямой… Непостижимо!

Сяма неторопливо отсчитала сдачу, вложила в дрожащие руки четыре свечи и подтолкнула Марину к дверям храма.

– Иди. Все потом.

Марина как в полусне проковыляла к иконам, затеплила свечи и быстро пошла обратно. Несколько женщин неодобрительно покосились на нее, но она ничего не замечала.

Сяма стояла на прежнем месте и спокойно обслуживала посетителей. Марина

присела на табурет рядом с нею, дождалась, пока уйдут покупатели

– Как ты, что ты? Сямочка, сколько лет, сколько зим! О, Господи!

– Как все, так и я. По-разному. – Сяма пожала плечами.

– Семья, дом дети? Ты же актрисой хотела стать. Получилось? – Марина сыпала вопросами, будто боялась, что Сяма опять исчезнет в своей носорожьей оболочке.

– Ну, если бы получилось, ты бы уже обо мне услышала, – негромко рассмеялась Сяма. – Семья есть – семь собак. Маман и шесть ее щенят. Дом тоже есть – терем-теремок. – Сяма назвала улицу в центре города и Марина поняла, что речь идет об очень ветхих строениях под снос с винтовыми лестницами, двором-колодцем и общим балконом, на который выходили двери многих квартир. Окон в таких домах не было, и жилище проветривалось через входную дверь. Могучая волна жалости поднялась в ней.

– Сямочка, может, пойдем куда-нибудь, посидим? А давай ко мне, честно? Масленица скоро, день рождения дочки. Дома куча вкусностей. – Марина сыпала предложениями, придумывая на ходу, что можно сделать для Сямы.

– Нет, – подумав, ответила та. – Не обижайся, но не могу. Старый товарищ как старое платье – снял, и больше не понадобится. Да и куда я пойду? Мои псины ждут меня. Знаешь, как стоят у двери по стойке «смирно» – все семь, когда я звякаю ключами? Волнуются, когда меня долго нет, – Сяма улыбнулась и в глазах ее на минуту зажглись теплые огоньки.

Марина овладела собой. К ней вернулась прежняя уверенность и энергия. Глаза засияли!

– Что я могу для тебя сделать, Сяма? В первую очередь? Сейчас пойдем, накупим продуктов. Ты пойми, наша встреча неслучайна, это Бог нас послал навстречу друг другу почти через 40 лет. Страшно сказать – 40 лет! Я же после четвертого класса ушла в другую школу. Ой, Сяма!!!! Давай начнем с зубов, у меня есть хороший знакомый стоматолог. Ну нельзя же так, у тебя всего 8 зубов – четыре внизу и четыре наверху. Потом что-нибудь подберем тебе из одежды, потом…

– Не части! Сказала – не пойду, значит – не пойду. Не надо мне ничего. Сложилась жизнь, не хочу ничего менять. Так хорошо.

– Зачем ты так? Я же от чистого сердца.

Сяма улыбнулась краешком губ.

– Знаю. Но ты у меня даже не спросила, хочу ли этого? Не хочу, Маринка. Правда, не хочу.

– Ну хоть о себе расскажи.

– Не мастер я рассказывать.

У Марины был такой понурый вид, и яркие пакеты как-то сразу поблекли. Сяма сжалилась.

– Рассказывать я не умею. А если интересно, могу дать тетрадку. Там я о себе писала, когда делать нечего было. Ты у нас журналист, кажется. Вот, может, и пригодится, используешь как материал для какой-нибудь статьи. Меня давно уже как Сяму не знают. Сима я здесь. Сейчас я заканчиваю работу, пойдем ко мне, если не брезгуешь, дам тебе свою писанину.

Дом у Сямы действительно оказался почти аварийным, с шаткими винтовыми лестницами. Подниматься по ним с большими пакетами было трудно. Кроме того, в лестничных пролетах зловеще завывал ветер и несло кисловатым запахом подсыхающего детского белья. За дверью раздался синхронный лай.

Марина любила собак, но побаивалась такого количества. Сяма вошла первая, отогнала их от двери, накормила.

– Заходи, что стоишь? Они не тронут, только обнюхают.

Марина попала в прошлое. Из детства помнила она такие дома без окон или с крошечными окнами в потолке, очень толстыми стенами, в которых скрывались шкафы. Пахло псиной и квашеной капустой. Собаки внимательно оглядели Марину, поворчав, обнюхали ее и улеглись у дивана.

– Садись, – Сяма указала на диван. – Чай или чего покрепче будешь? – Марина покачала головой. – Понятно… Передохни немного, ты совсем запыхалась, и пойдешь.

– Как ты здесь живешь? Вверх-вниз каждый день. Я думала – упаду. Лестница такая узкая.

– Привыкла. А как люди живут? Как все, так и я. Да и под снос пойдем скоро, обещали, что в ближайшее время. Тогда и дадут жилье или деньгами можно взять. Вот, – она достала целлофановый пакет с тонкой коричневой тетрадью.

– Так она пустая почти, – удивилась Марина. – Может, продолжать будешь?

– Нет. Написала уже. Хватит. – Сяма потянулась за шваброй и открыла ею небольшое окно в потолке. – Иначе никак, росту не хватает, – пояснила она.

Сяма замолчала. В тишине было слышо только сопение собак. Восемь пар глаз – семь собачьих и одна человечья устремились на Марину. Ей стало неуютно.

– Я пойду, Сямочка. Поздно уже. Придется такси брать. – Она сунула тетрадку в один из нарядных пакетов.

– Идем, я провожу тебя, в темноте навернуться можно.

– Нет, погоди. – Марина быстро достала из какого-то пакета коробку в пестрой обертке, протянула ее Сяме. – Это тебе. Чашка с блюдцем. Лишними в хозяйстве не будут. Возьми!

– Спасибо, – равнодушно ответила та.

Она спускалась впереди, подсвечивая Марине фонариком. На удивление легко и уверенно ступала по ветхим ступеням и казалась грациозной темной глыбой.

– С Масленицей наступающей, с днем рождения дочки, счастья ей. Всех благ тебе, – сказала она на выходе.

Марина потянулась обнять ее, но Сяма едва заметно отстранилась. «Старое платье не понадобится», – вспомнила Марина.

– Такси здесь часто проезжают. Долго ждать не придётся. А, вот и оно! Ну, с Богом!

Уже в машине Марина обернулась. Сяма стояла так же неподвижно, опустив плечи…

Дома было тепло и пахло корицей и медом. Никого из домашних пока не было.

Марина закинула пакеты в кладовку, схватила кусок хлеба и принялась читать. От тетрадки пахло старым жиром, страницы были помяты, но сами записи сделаны убористым и красивым почерком, выдающим человека скуповатого, сдержанного и памятливого.

Марина насторожилась. По журналистскому опыту она знала, что люди доверяют чужим глазам дневниковые записи только в двух случаях: когда ведут их для публики – в таком случае они приглаженные и до тошноты назидательные, и когда человек доходит до последней стадии замороженности души, когда уже все безразлично. Почти все записи в тетради были размашисто перечеркнуты, кроме одной:

«Бог... Тебя принято благодарить, но, честное слово, не понимаю Твоих планов на меня. Зачем Ты вложил в меня такое сердце, если оно никому не оказалось нужным? Зачем протащил через предательство родителей, любимого человека и потерю детей? Зачем обнадежил верой в талант, которого у меня, наверно, никогда не было, или было так много, что становилось страшно. Я не умею сублимировать чувства, я живу ими. Говорят, что самое дорогое в жизни – это любовь, но, по-моему, самое дорогое – это иллюзии. Они дороже всего обходятся. Говорят, что каждый заслуживает своей судьбы и в конце концов остается с самыми любимыми и любящими существами. Получается, что больше всего меня любят собаки.Что ж, по крайней мере, живые существа…»

Запись обрывалась, и дальше тетрадка была пустой.

Марину охватила тревога. Пустые засаленные страницы показались ей грязными окнами заброшенного дома. Она кляла себя, что не спросила у Сямы номера ее телефона. Масленица, дни рождения, благодушные праздники, тихое счастье – все вылетело из головы, все валилось из рук! Марине показалось, что перед нею выросла каменная стена. И маленький, уютный мир, пахнущий сдобой и ванилью, вдруг съежился и с грохотом стал разбиваться об эту немую глыбу.

Ночь прошла беспокойно. Марина ворочалась, вглядывалась в темное небо, проваливалась в краткий сон, в котором тоже не находила покоя. Снилась ей каменистая дорога, по которой шла Татуша. Она улыбалась, но глаза ее были печальными, будто она за что-то укоряла Марину.

Утром Марина встала с твердым намерением зайти перед работой в церковь. Но… с утра зазвонил телефон, и начальник попросил приехать пораньше, потому что нарисовалась неожиданная делегация французских гостей, и срочно был нужен переводчик. Французский Марина знала безупречно и при таких форс-мажорах вызывали только ее. Марина провозилась с делегацией больше недели, потом срочно надо было писать статьи и отчеты. Все дни рождения и праздники решено было отложить на более свободное время.

Аврал отступил только в начале марта, когда, вопреки всем законам природы, похолодало, и асфальт за ночь покрывался толстым слоем наледи. Зима словно мстила за бесснежный февраль, и продрогшие дрозды метались по деревьям и беспокойно кричали: *«За Что? За Что?»*

В один из таких зябких мартовских дней Марина и вспомнила о церкви…

Знакомая Лиза сидела на месте и привычно улыбнулась.

– А напарница ваша не работает сегодня? – с разбегу выпалила Марина.

– Здравствуйте, – степенно ответила Лиза. – Нет ее. Она как перекати-поле. Шальная малость. Захочет – выйдет на работу, не захочет – нет. Ну, не выгонишь ведь. Жалко. Куда она пойдет?.. Только люди добра не помнят, другая бы на ее месте…

Марина не слушала, мчалась уже к дому Сямы. Так ведь и дома-то нет! Под снос, под снос! Издали увидела Марина сиротливые покосившиеся двери и экскаватор с шар-бабой, обломки кафеля из чьей-то ванной, куски штукуатурки, сломанные рамы, веники, швабры.

– Нельзя сюда! – худенький миловидный паренек-рабочий преградил ей путь.

«О, Господи! С таким лицом Ромео играть, а не на экскаваторе работать», – подумалось Марине. Вслух она спросила:

– Вы не знаете, куда переселили жильцов?

– Не знаю. Вы спросите в жилуправлении, там скажут.

Жилуправление оказалось на замке. Никто не знал ничего, ни о ком! Марина совсем уже отчаялась, когда ее окликнули.

– Кого ищете? – невероятных размеров бабка в синем велюровом халате смотрела на нее в упор.

– Тут женщина жила, ее Сяма зовут, у нее еще собаки есть, – сбивчиво заговорила Марина.

– Блажная? Да, была такая. – Марина похолодела, а бабка продолжала невозмутимо. – Весь коридор псиной провоняла, собаки ее и днем и ночью лаяли, а ей и слова не скажи – сама лаяться начинала. Но безвредная. И на руку очень чистая. Попросишь что-то купить – специально больше денег дашь, чтобы себе немного оставила – так сдачу всю до последней копееечки принесет. Гордая. Сколько раз пытались угощать вкусненьким – один кусочек возьмет, поблагодарит и все. Не знаю, куда делась. Она же никому ничего не говорила. Все с собаками своими время проводила. Блажная и есть!

– Ну как же это?! – чуть не заплакала Марина. – Вы – соседи, как это можно не спросить, куда человек идет? Может, ей идти некуда было?..

– Я не нянька! – отрезала бабка. – А если она вам близкая, так что же сами не поинтересовались? И потом – говорю вам – она гордая была, у такой лишний раз и не спросишь, и не подойдешь. Да, наверно, деньги за жилье взяла. Не думаю, что она потом здесь жить захочет.

– Почему?

– Блажная! – опять повторила бабка. – Такие на одном месте долго жить не могут. Может, и собак своих кому-то раздала, не знаю. Да пройдемте в дом, я тут по соседству у сына пока живу, – бабка сделала неопределенный жест, то ли приглашая, то ли, наоборот, отталкивая.

– Нет, спасибо, я пойду. – Марина сделала шаг и почувствовала, что ноги ее затекли.

– Если объявится вдруг, что передать? Кто спрашивал?

– Скажите: Марина. Мы вместе в школе учились. И номер телефона моего – вот.

– Да что вы? – искренне удивилась бабка. – Вы молоденькая такая, а она… Никогда бы не подумала, что вы одногодки. Если появится – передам.

– Спасибо. – Марина медленно пошла прочь. Эскаватор с шар-бабой исправно работал – миловидный рабочий, видно, хорошо знал свое дело. В синее морозное небо взвивалась штукатурная пыль и куски разноцветных обоев.

– Ты где ходишь? – встретил ее муж. – Тебе по межгороду Татьяна уже четыре раза звонила. А я не знаю, что отвечать.

– Сейчас позвоню. Вы обедали?

– Да, уже, не дождались тебя. Иди поешь, с лица спáла совсем!

Есть расхотелось. Взяла телефон.

Милый, чуть захлебывающийся голосок Татуши Марина могла слушать часами! Подруга, нет, – родной, близкий человек!

– Ты самая лучшая, – кричала в трубку Татуша, – самая чудесная, самая добрая, самая верная, самая заботливая моя подруга! Мариночка, родная, ой, Мариночка моя! – и еще несколько минут таких же восторженных эпитетов.

Марине всегда было чуть-чуть неловко от похвал, но Татуша никогда не кри-

вила душой, и от ее слов Марина расцветала и отвечала ей тем же.

Но сегодня какая-то тоска, необъяснимая, тяжелая, грызла сердце.

«*Добр-ррая, добр-ррая!* – насмешливо орали дрозды за окном. – *«Пр-рроззе-ввала! Пр-рроззе-ввала! Что Ж Ты Так? Что Ж Ты Так?»*

Марина говорила в трубку почти механически. В мозгу ворочалось: «Не вернется Сяма! Не вернется! Перекати-поле, где пристанище тебе?»

«Нельзя помочь человеку, если он этого сам не захочет», – вкрадчиво успокаивал здравый смысл.

«Можно было попробовать, – сверлила совесть. – Не наскоком, бережно. Можно было! И время можно было найти. Все можно, если с любовью».

– Конечно, Татушенька, конечно, целую, береги себя, конечно, увидимся!

Марина положила трубку. Прислушалась. Муж смотрел телевизор. Дочь за компом, сын с планшетом.

Мартовское небо было синим-синим, чистым, словно умытым, снегом ли, слезами ли… Кто знает…

«*Что Ж Ты Так?* – продолжали кричать дрозды. – *Добр-рая, Что Ж Ты Так?*..

Кротко, безропотно

Вей, бей, проруха-судьба,
Разбуди слов рябиновый слог,
Постучи в дверь, пораскинь снег
По лесам вех, да по полям рек.

Крохотов жил ровно посередке жизни – ни шатко, ни валко. И все в нем было крохотное – мелкие черты лица с беспокойными ноздрями, напряженные ручки, глаза, полуприкрытые вздрагивающими веками. И интересы у него были маленькие – разузнать, в каком магазине масло дешевле, да в каком секонд-хенде выбросили приличный недорогой товар. А как же иначе? Одинокому, небогатому 50-летнему холостяку все надо знать, все уметь, чтоб и на случай простуды банка с малиной была заготовлена, и краны в старенькой однушке не протекали, да и вообще жизнь с путей не сходила бы.

Служил Крохотов почтальоном в районном отделении, к своей работе привык, но думал о ней иронично: «служил Гаврила почтальоном, Гаврила почту разносил». Судьба, словно доведя Крохотова до определенного уровня, положила свою мягкую, но властную ладонь ему на макушку, прошептав: «Дальше – низ-з-зя-я!», и Крохотов подчинился. Он вообще был покладистым, за это и ценили на службе. Бывало, отработает свой участок, вернется в отделение, а его цап-царап:

– Крохотов, мне ребенка вести к врачу, разнесешь за меня? Тут немного. Спасибо. Ты – единственный! Таких, как ты, в природе нет!

– Крохотов, голова что-то болит, и дочка с внуками должны прийти. Надо приготовить что-нибудь. Выручи, а? Крохотов, цены тебе нет! Клянусь, дай только с делами разберусь, лично тебе невесту подберу. Какой мужик пропадает! Золото!

– Крохотов, завтра возьми и мою стопку, будь другом! Родственники на дачу пригласили, неудобно отказываться. Мой участок небольшой, быстро управишься.

И Крохотов соглашался. Кротко, безропотно.

Кто-то не волен зажечь свет,
Кто-то не в силах сказать – нет,
Радугою стелется судьба-змея,
Пожирает хвост, а в глазах лед,
А в груди страх, а в душе тоска,
Больно ей, больно, да иначе нельзя,
Но только...

Пока жива была мать, Крохотов не чувствовал себя одиноким. Совершенно непонятно, в чем выражалась их общность, оба были донельзя молчаливы, но видно, и вправду есть какие-то узы, связывающие родных по крови людей. Придя домой, Крохотов садился ужинать, и чаще всего мать подавала ему любимый суп с сыром и луком, обильно сдобренный перцем, в меру густой и очень горячий. Едва сдерживая нетерпение, он начинал есть, а мать усаживалась напротив и смотрела на него. И тонкие лучики-морщинки расходились от ее глаз к вискам. Потом они пили чай, непременно с вареньем из слив-мирабелек. Крохотов любил эти маленькие солнечные плоды с тонкой кожурой.

Жениться Крохотов не мог по причине перенесенной в детстве свинки. Но странно – рок, так нелепо и зло подшутивший над ним, будто скинул волнение, сладкое замирающее ожидание любви. «Нельзя – так нельзя», – кротко, безропотно согласился он с судьбой и даже вздохнул облегченно. Не будет всепоглощающей радости, но ведь и ревности, и нервов, и страданий тоже не будет.

«Разве нам еще кто-то нужен? Разве нам плохо?» – утешал Крохотов мать.

И она, быстро встряхивая головой, отвечала, что нет, конечно же, никто не нужен.

А потом Крохотов остался один. И сам готовил себе сырный суп по маминому рецепту, а мать смотрела на него с портрета на стене, и взгляд ее был спокойным, таким, каким никогда не был при жизни. Будто она радовалась, что покинула, наконец, эту комнату, где тиканье часов отзывалось в пульсе.

И Крохотов свыкся с мыслью, что матери нет, так же, как ранее привык к ее существованию. А затем он привык каждый день начинать с уборки. Сырость упрямо просачивалась сквозь игривые лепные завитушки на потолке, оседала зеленой плесенью в углах, брызгала чернецой на стены. Крохотов -раз-два! – разогнулся, взял влажную тряпку! – шуровал по стенам, стирал абстрактные плесенные рисунки. Но все без толку! В сырость будто вселился бес рисования. С дьявольским усердием она покрывала стены узором из зеленой, желтой, черной, серой и красноватой плесени. Крохотов вел неравный бой, и сырость медленно, но верно брала новые высоты. Запах ее витал повсюду. Иногда Крохотову казалось, что плесень врастает в него, и ему становилось липко и неприятно.

Однажды Крохотова в очередной раз попросили разнести почту на чужом участке. Но корреспонденции было много, он не надеялся, что успеет все засветло.

На 1-й Северной улице, в угловом доме, за дверью 36-й квартиры послышались частые шаги, и детский голос произнес:

– То там?

– Вам бандероль, – буднично отозвался Крохотов. – Дома взрослые есть?

– Мама, – деловито ответили из-за двери. – Она сердитая.

– Зови! – распорядился Крохотов. Его дело маленькое: пришел-передал-расписались! А там пусть продолжают сердиться дальше.

Фиолетовая дверь осторожно отворилась. Из нее вначале показался чумазый острый нос, затем два любопытных черных глаза и, наконец, фигурка девочки лет пяти в длинном разноцветном платье. Сзади нее стояла высокая женщина с красивым, но каким-то недовольным лицом, словно у нее болел зуб. Одета она была так же, как дочь, в длинное, тоже цветастое платье.

«Цыгане, что ли?» – промелькнуло в голове у Крохотова.

Словно в подтверждение его догадки женщина резко что-то сказала девочке, и почтальону показалось, будто слова ее рассыпались горстью мелких камней.

– Вам бандероль, – повторил уже матери Крохотов. Женщина продолжала смотреть на него, не мигая.

– Это не нам, – сказала она тихо. – Это хозяйке, наверно. Мы гости.

– А хозяева где? – Крохотов посмотрел на бандероль: – Мурзаева И.К. Бандероль на ее имя.

И вдруг показалось, что от ног его поднимается странное тепло. Женщина говорила с неясным акцентом. Слова она произносила правильно, ни разу не допустив грамматической ошибки, и в то же время каждое из них было словно в капсуле незнакомой речи. Так бывает порой, когда человек хорошо владеет чужим языком, но все же обкатывает слова так, как привычно родной речи.

– Вы можете расписаться в получении? – спросил Крохотов. – Когда они придут, тогда и передадите. Или хозяева уехали надолго?

– Нет, – помотала головой женщина. – Поздно придут. Оставьте.

Смутная опаска промелькнуло в душе почтальона: «Лучше бы вернуть бандероль напарнику, пусть сам разбирается». Но почему-то сладко отяжелели веки.

«Сморило меня, никак?» – успел подумать он и почувствовал, как ноги его становятся ватными…

Очнулся он на полу в кухне. Спину уютно подпирал какой-то мешок, а цыганка сидела напротив, разложив вокруг себя голубую цветастую юбку. Девочки не было.

– Не бойся, – засмеялась она и протянула Крохотову маленький темный стакан, наполненный зеленоватой жидкостью. – Пей!

Он покорно выпил. Жидкость была пахучая, пряная на вкус и очень терпкая. Мгновенно стало горячо.

– Это зверобой и еще много чего. Не бойся – повторила она. – Плохо не будет. Меня Айна зовут. Знаю, зачем пришел.

– Я-я?! – пролепетал Крохотов.

– Молчи! – цыганка так резко повела рукой, что он отдернулся. – Смотри на меня. Слушай! Плесень уйдет! Тоска уйдет. Женщину вскоре встретишь. Хорошую. Не старую еще. Но детей не будет. Ни к чему они вам. Женись на ней. Она – соль и мед в твоем доме будет. Ей доверишься, холод уйдет. Жить будете долго. Сами себе и дети, и взрослые. И на жизнь будешь смотреть веселее. Но, смотри, не пропусти. Иди.

– Я-я, м-м, – мекал Крохотов, растерянно озираясь кругом.

– Иди! – Айна сунула ему в руки бандероль. – Вернешь напарнику. И не разрешай на себе ездить. Уважения не будет.

Она помогла ему подняться, вывела в коридор и так же резко вытолкнула за дверь.

Девочка стояла у стены и щурила глаза. Она уже не была чумазой, и волосы ее были заплетены в две тяжелые длинные косы.

– *Дае*? (мама) – тихо сказала она.

– *Со мАнгэ тэ кирА*? (что мне делать?) – почти сразу же ответила женщина и как-то сникла.

Крохотов не помнил, как он очутился дома. Будто какая-то сила перенесла его на кровать. Он не помнил ничего и, не переодеваясь, провалился в сон, прижимая к себе злосчастную бандероль весом в 433 грамма.

На следующее утро он проснулся посвежевшим. Голова была ясной, ноги не подкашивались. Лишь во рту был слабый пряный привкус, как будто долго настаивали черный перец с какими-то травами.

Первое удивление случилось в ванной. Он увидел в зеркале взъерошенную пегую голову человека в пижаме! Но он точно знал, что не переодевался.

Второе удивление подстерегало в комнате. Одежда была аккуратно сложена на стуле. Крохотов привычно потянулся за тряпкой, но, взглянув на стену, увидел, что на ней нет новых плесенных разводов. По дому плыл еле слышный запах горячего варенья из мирабели.

Крохотов вздрогнул. Бандероль! Ее не было нигде. Ни на кровати, ни под кроватью, ни на столе.

Наскоро позавтракав, он побежал на почту. Еле дождался напарника. Тот приходил не к девяти, а в начале десятого.

– Мурзаева И.К, ул. 1-я Северная, угловой дом, квартира 36 – кто это?

Напарник аж попятился, не ожидал от Крохотова такой ретивости.

– Женщина среднего возраста. А тебе зачем? Проблемы какие-то?

– Я потерял бандероль, не знаю, как получилось!

– Как потерял? Ты же ее вчера отдал! Она мне домой звонила, «спасибо» сказала, и тебя благодарила, говорила, что давно ждала ее, там книга какая-то, и ты очень быстро и аккуратно ее принес. – По глазам напарника было видно, что он ничего не понимает. – Да вот же квитанция! – парень ловко выдернул из рук Крохотова невесть откуда взявшуюся скомканную бумажку. – Вот же подпись Мурзаевой. Ты выпил, что ли, вчера, или устал?-

– Я не пил! – пробормотал Крохотов и сел за свой стол разбирать почту.

Напарник постоял полминуты возле него, затем взял ручку, зачем-то повертел ее в руках и отошел к своему месту.

Почти до конца рабочего дня его никто не тревожил. В три часа начальник отделения – тучный веселый осетин – вылез, отдуваясь из-за своего стола:

– Грохотов, – протрубил он. – Идыте домой, ви устали, навэрно. Каждый ден до вечера сидыте.

– Я не устал, Заур Дударович, – ответил Крохотов и чуть усмехнулся.

Толстяка-начальника за любовь к шашлыку и трубный голос все давно уже переименовали в *Шампура Ударовича*. Но никто так, как этот котоголовый круглый увалень, не мог разрядить обстановку. Подчиненные его любили.

– Идыте, идыте, – начальник добродушно махнул рукой. – Надо много кушит, мясо кушит, масло кушит, отдыхат, смотрите, какой ви худой!

«В самом деле, – подумал Крохотов. – Домой, что ли? Устал я, видно, вот уже и чушь всякая мерещится».

– Спасибо, Ш..., э – Заур Дударович.

– На здоровье! – начальник улыбнулся широко, весело. – До завтра!

Крохотов купил банку паштета и хлеб. Провел глазами по полкам с вареньем.

Выбор был большой, но из мирабели не было. Он сглотнул слюну и взял маленькую плитку шоколада.

Ноги сами завернули на 1-ю Северную. С колотящимся сердцем (Господи, оно никогда так не колотилось, даже когда ушла мать!) он постучал в стальную фиолетовую дверь.

– Кто там? – Дверь открыла миловидная невысокая женщина средних лет с тонкой проседью на висках. – А, это вы! Здравствуйте! Что-нибудь еще мне? Я смотрю, наш почтальон на вас участок взвалил!

Она улыбалась, но глаза ее были выжидающими.

– Нет! – Крохотов испугался своего голоса. Горло у него пересохло, и звуки вышли резкими, словно рассыпалась горсть мелких камней. – Просто зашел узнать, нет ли у вас каких-то претензий к доставке? Ну, к примеру, поздно принес, а вы ждали?

– Нет. Все хорошо, все вовремя. – Женщина смотрела на него недоуменно.

– Очень хорошо. – Крохотов помялся немного и кинул взгляд в коридор. Все такое же, как было вчера. Только не было девочки у стены. Его снова охватил страх.

– Я пойду. Всего вам доброго, – торопливо бросил он женщине.

Взгляд ее был настороженным и печальным.

Я так хочу притаиться на твоем плече,
Рассказать слов, рассказать дум,
В карманах порыться и достать лед,
Охладить лоб, охладить лоб.

– Всего доброго, – отозвалась она и захлопнула за ним дверь.

Крохотов быстро спустился по лестнице и с облегчением вытер лицо.

«Случится же такое, – думал он, оглядываясь на окно на третьем этаже. В нем не горел свет.

Поужинав, Крохотов ощутил приятную истому, растянулся на диване перед телевизором. На экране двадцать два дюжих молодца гоняли по зеленому полю один несчастный мяч. Мать, усмехаясь, смотрела с портрета. От стен вновь тянуло сыростью. Тихо шуршали часы, вымеряя лёт времени.

Тикают часики – динь-дон,
Да только стоп – звон
Там, за седою горой.
Льется водица по траве век,
По тебе и по мне, да по нам с тобой.
Да только...

Через минуту Крохотов выключил телевизор и с удовольствием нырнул в кровать. Уснул он быстро, и во сне ему снились какие-то пестрые цветы, похожие на цыганские юбки, и Крохотов бродил среди них, ел варенье из слив-мирабелек и радовался, что жизнь его продолжает идти как обычно.

В тексте использована песня Г.Сукачева «Ольге».

Цвета и краски: малютки-размышления-воспоминания

...А дальше,
если дальше еще оглянуться назад, –
сад,
где яблоки до сих пор висят,
и листья не увядают.
Яблоки моего детства не опадают.
Яблоки моего детства,
там,
у меня за спиною,
упадут только со мною,
однажды,
когда я обернусь туда.
Вот и иду,
стараясь не оборачиваться…

Ю.Левитанский

Цвет жизни? – Красный. Ликующий и радостный крик младенца, возвещающего о своем приходе в этот мир.

«А-а-а-яа-а-а!!» «Ты, ты!» – Утверждайся, малыш! В этой жизни стоять надо крепко! Слабого она подомнет под себя.

Цвет счастья? Их три. Синий, белый и черный.

Синий – потому что только у нас было самое синее в мире Каспийское море, самое бирюзовое небо и даже воздух, раскаленный от жары, казался васильковым.

Белый – потому что солнце даже на восходе было не дымно-малиновым, как зимой, не медным, как осенью, и не золотистым, как весной, а сразу – яростным, кипенно-белым. И в этом мгновенном накале гремело жизнеутверждающее: «Светить – и никаких гвоздей!»

А черный – потому что мы изжаривались под белым солнцем и синим небом до угольной смуглоты, и долго еще в сырые школьные будни кожа наша хранила легкий металлический запах морской соли. И запах этот, вместе с загаром, исчезал лишь к концу зимы, возвещая о том, что не за горами новый дачный сезон.

Цвет любви? – Жемчужно-перламутровый. Почему?

Любовь схожа со скатным жемчугом – то мерцает, нежит сердце и радует глаз, то застывает плотной непролитой слезой.

Цвет горя? – Желто-коричневый. Такие лица у уходящих навсегда дорогих людей...

Цвет смерти? – Серый... Всегда серый...

Цвет радости? – Зеленый. Зеленая сочная алыча с солью, освежающая, кислая, юная – первый плод весны. Зеленые качели в парке около школы. Мы раскачиваемся изо всех сил, взлетаем в небеса (чудесно, когда небеса – на уровне ближайшего тополя!), грызем алычу и хохочем! Радость – она ниоткуда, она – просто так, оттого, что есть апрель, алыча, качели и нам по 14 лет...

Есть еще много цветов, но в эти окрашено мое сердце.

Они, как яблоки моего детства, упадут и поблекнут только со мною...